РУСЛАН МЕЛЬНИКОВ

Фентези-коллекция

Черная кость

Князь-волхв

Тропа колдунов

Алмазный трон

Черная кость

Руслан Мельников

Князь-волхв. Тропа колдунов. Алмазный трон (сборник)

«АСТ»
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мельников Р. В.

Князь-волхв. Тропа колдунов. Алмазный трон (сборник) / Р. В. Мельников — «АСТ», 2017 — (Черная кость)

ISBN 978-5-17-101727-9

Японский ниндзя пробирается в замок германского императора. Татарский нойон участвует в рыцарском турнире. Никейская царевна-ворожея, наследница византийского престола, выходит замуж за русского князя-волхва, но таит от супруга свои истинные помыслы... Это мир интриг, колдовства, магических поединков и кровавых битв. И где-то здесь спрятаны останки навьей твари — древний артефакт, Черная Кость, способная влиять на судьбы людей и государств. Книга публикуется в новой авторской редакции.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-101727-9

© Мельников Р. В., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Князь-волхв 6
От автора 6
Пролог 7
Глава 1 14
Глава 2 32
Глава 3 43
Глава 4 53
Глава 5 66
Глава 6 77
Глава 7 91
Глава 8 103
Глава 9 116
Конец ознакомительного фрагмента. 119

Руслан Мельников
Князь-волхв. Тропа колдунов. Алмазный трон: сборник

Книга публикуется в новой авторской редакции.

© Руслан Мельников, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Князь-волхв

От автора

Прошу учесть Уважаемого Проницательного Читателя, что Ищерское княжество вымышленное, и его не следует путать с мещерскими землями. Также недопустимо утверждать, будто упомянутый в романе Острожец имеет какое-либо отношение к реально существовавшему Городцу. И, конечно, совершенно неуместны прямые аналогии между книжными героями и историческими личностями. Император Феодорлих II Гуген не имеет ничего общего с Фридрихом II Гогенштауфеном, а хан Огадай – с сыном Чингисхана Октаем. Равно как нет абсолютно никакой связи между магом Михелем Шотте и известным при дворе Фридриха II астрологом Михаилом Скоттом. И уж тем более не нужно отождествлять царевну Арину с сестрой никейского (а впоследствии – византийского) императора Михаила Палеолога Ириной. Все прочие аллюзии, могущие возникнуть при чтении книги по независящим от автора причинам, тоже излишни.

Пролог

Бурлила и весело поблескивала на солнце небольшая, но быстрая и опасная речушка, коварные водовороты которой утопили бы даже опытного пловца. Возле горбатого мостика, переброшенного через шумный поток, нес службу дальний дозор Вебелингского замка.

Служба, не в пример бурной реке, текла спокойно и однообразно. Здесь, на отдаленных подступах к крепости его величества Феодорлиха Второго, властителя Священной Германо-Римской империи, не происходило ничего, ну то есть абсолютно ничего, заслуживающего хотя бы маломальского внимания. На широком тракте, ведущем к мосту, и открытых, хорошо просматриваемых лугах на противоположном берегу не появлялось ни одной живой души, на рогатки, перегораживавшие дощатый настил, никто не покушался, и мостовая стража вот уже вторые сутки маялась от безделья и скуки.

Полдюжины кнехтов лениво позевывали, почесывались и поплевывали в реку. Чуть поодаль, в тени одинокой сосны, дремал, привалившись к шершавому стволу, долговязый рыцарь. Его массивный глухой шлем и вложенный внутрь подшлемник валялись в траве. На коленях лежал длинный меч в ножнах. Глаза рыцаря были прикрыты, зато с гербовой котты, надетой поверх кольчуги и стального нагрудника, на мост грозно взирала бычья голова. Такая же голова украшала и треугольный щит, подвешенный на сухой сук.

В стороне паслись стреноженные лошади. У самой воды молодой оруженосец чистил рыцарского коня белой масти. Именно глазастый юнец и заметил первым темное пятно, движущееся по безлюдному тракту.

При ближайшем рассмотрении пятно оказалось черной монашеской рясой, и встрепенувшаяся было стража вновь расслабилась. В самом деле, какую опасность может представлять одинокий богомолец?

Росточка путник был невеликого, сложения – худощавого. Просторная ряса, судя по цвету бенедиктинская, висела на нем, как тряпка на пугале, и зияла прорехами. Рваную рясу подпоясывала длинная, грубая веревка того же черного цвета, небрежно обмотанная вокруг талии. Оба конца веревочного пояса зачем-то были пропущены в дыры между широкими складками балахона и упрятаны где-то под полами рясы. На груди покачивался простенький деревянный крестик. Широкий куколь, наброшенный на голову и тщательно затянутый у подбородка, скрывал смиренно опущенное лицо. То ли монах пообещал Господу во искупление грехов хорониться от солнечного света, то ли лик имел настолько уродливый, что избегал показывать его окружающим.

При ходьбе странник опирался на небольшой, чуть выше пояса, посох с острым металлическим навершием на конце и с тремя широкими железными кольцами посередине. Впрочем, едва ли пилигрим сильно нуждался в такой подпорке: шагал он как сильный и опытный ходок, нимало не притомившийся в пути.

Бенедиктинец явно намеревался перейти на противоположный берег, и ни мостовая стража, ни преграждавшие путь рогатки его не смущали. Это было любопытно. Это могло хотя бы ненадолго развеять скуку.

Когда монах уже подходил к мосту, от группки стражников отделился рослый воин в легкой кольчужной рубахе и широкополой каске-шапеле. Взвалив на плечо короткое копье, кнехт чуть сдвинул рогатки, протиснулся в образовавшуюся щель, вновь закрыл за собой проход и направился навстречу путнику.

– Святой отец, нельзя вам на тот берег! – пробасил страж. – К Вебелингу никого пускать не велено.

Маленькая фигура в черном одеянии даже не замедлила шага. Незнакомец двигался себе дальше, будто не видел и не слышал ничего вокруг. Вставшего на пути вооруженного стражника пилигрим обошел стороной, словно дерево или пень.

– Святой отец, да вы никак оглохли?! – вновь окликнул его озадаченный кнехт. – Сказано же: дальше ходу нет. Поворачивайте назад.

Ответа не последовало. Уста монаха либо сковывал обет молчания, либо путник просто не желал разговаривать. Странный бенедиктинец упрямо двигался к мосту, проход через который был закрыт. Для всех закрыт. Для странствующих служителей божьих – тоже.

– Слышите меня, святой отец? – кнехт уже следовал позади шустрого клирика и едва за ним поспевал. – Обойдите замок южным трактом, если невтерпеж. Потом продолжите путь…

Монах закивал невпопад, чуть колыхнув плотную ткань большого капюшона. Кивал пилигрим быстро и часто: по кивку на каждый шаг. Только шагал он при этом по-прежнему к мосту. За рогатками зашевелились кнехты. Поднялся разбуженный рыцарь с быком на груди. Юный оруженосец, забыв о коне, с интересом пялился на противоположный берег. Намечалось развлечение.

– Вернетесь за холмы, дойдете до первой развилки… – объяснял копейщик путнику.

А непонятливый бенедиктинец уже вступал на мост. Все так же согласно кивая. Все так же не сбавляя скорости.

– …Там свернете направо, к лесу…

А острый конец монашеского посоха уже – тук-тук-тук – бодренько стучал по дощатому настилу.

– …Потом пойдете прямо. Потом…

А монах уже подходил к перегораживавшим мост рогаткам. Туда же с противоположного берега подтянулись хмурые стражники, которые, в отличие от своего товарища, явно не были склонны к долгим словесным увещеваниям.

– Да куда ж ты прешь-то, осел чернорясный! – семенивший позади бенедиктинца кнехт, наконец, взорвался. Терпение копейщика кончилось, запас уважения к духовному сану исчерпался. – Стой, тебе говорят! И это… капюшон сними! Нечего морду прятать!

Левой рукой стражник схватил пилигрима за плечо. Правой – поднял копье, намереваясь хорошенько наподдать непонятливого клирика древком. И…

Что-то странное произошло в следующий миг. Монах вроде бы и не делал ничего особенного, а посох в его руке вдруг взметнулся вверх, словно бы сам собой. Острый железный набалдашник оторвался от досок и ударил снизу под подбородок кнехта, за кожаный ремешок, удерживавший на голове каску.

Удар был точным и сильным. Острие посоха проломило кадык, разорвало артерию. И с влажным смачным хлюпом вынырнуло из пробитой шеи. Тугая красная струя окропила доски моста и заградительные рогатки.

Хрипящий, хлещущий кровью человек отшатнулся к невысоким перильцам. Повалился навзничь – спиной ломая хлипкие перильца. Выроненое копье полетело вниз сразу. Его хозяин на миг задержался над водой. Одной рукой копейщик держался за пробитое горло, другой – беспомощно хватался за воздух. Увы, воздух оказался плохой опорой. Над краем моста мелькнули ноги в грязных сапогах. Кнехт с шумным всплеском ушел на дно. Мутный бурлящий поток окрасился в красноватые оттенки.

– Тревога! – истошно проорал кто-то.

Раздалась крепкая солдатская брань. Всполошившиеся стражники хватались за оружие. Один из кнехтов, отступив назад, прилаживал к арбалету зарядный рычаг «козьей ноги». Стряхнув остатки сна, к мосту спешил бычий рыцарь, без шлема и щита.

– Взя-а-ать! – басовито закричал рыцарь, на ходу вырывая из ножен длинный прямой меч. – Схватить его!

На прежнем месте остался только оруженосец. Растерявшийся юнец стоял столбом со скребком в руке, с вытаращенными глазами и с отвисшей челюстью. Рыцарский конь тоже удивленно смотрел на мост, где события уже развивались вовсю.

Бенедиктинец легко перемахнул через заостренные колья рогаток. Словно огромная черная птица перепорхнула: только хлопнули в воздухе подол и широкие рукава рясы.

Монаха тут же обступили кнехты. Участь безумца казалась предрешенной. Два копья справа. Боевой топор на длинной рукояти и булава слева. Щиты теснят к рогаткам. И вот-вот подоспеет рыцарь с мечом. И арбалетчик уже вкладывает болт в взведенный самострел.

У дерзкого клирика с палкой в руках не было никаких шансов. Но палка эта… вдруг…

Раз – и руки пилигрима провернули посох.

Два – и посох преломился надвое.

Три – и из-под дерева показалась полоска темной стали.

В правой руке бенедиктинец держал диковинный потаенный меч – не очень длинный, прямой и узкий, без эфеса, без дола, с односторонней заточкой, с резким скосом на конце, образующим острие. Верхняя часть монашеского посоха оказалась удлиненной рукоятью, вполне пригодной не только для боя одной рукой, но и для обоерукого хвата. Нижняя – полая, укрепленная железными кольцами – представляла собой ножны. Ее бенедиктинец сжимал в левой руке. И не просто так сжимал.

Сильный взмах… Палка-ножны описала широкую дугу перед лицами воинов, подступавших слева. Кнехты прикрылись щитами. Только это им не помогло.

Ножны были потаенным вместилищем не только для клинка. От резкого движения из нижней части посоха вылетел какой-то едкий порошок. Размазанная пыльная струйка окутала головы двух стражников. Вопли, проклятья, стоны… Побросав щиты и оружие, оба кнехта схватились за глаза.

Рыцарь с быком на груди больше не требовал хватать чернорясного путника живым.

– Убить! – прокричал он. – Убить монаха!

А бенедиктинец уже расправлялся с другой парой стражников. Убивал он – не его. Причем делал это клирик быстро, умело и хладнокровно.

Темный, не отражавший света клинок легко, как хворостину, срубил наконечник с копья, целившего в грудь пилигрима. Второе копье отвели в сторону крепкие ножны, вовремя подставленные под удар. Два ответных удара монаха были столь стремительными, что практически слились в один.

Рубящий…

Узкая полоска зачерненной стали рассекла кольчужную рубаху и, отмечая свой след другой полосой – широкой, кровавой, – прошла через плечо и грудь ближайшего копейщика. Из пальцев разрубленного кнехта выскользнуло бесполезное древко с косым срезом на конце.

…И – колющий.

Шагнув вперед, монах с силой выбросил руку на всю длину. Ткнул окровавленным клинком под нагрудную пластину второго копейщика. Пропорол и доспех, и живот. Плечом спихнул раненого в реку.

С воющими кнехтами, ослепленными неведомым порошком, бенедиктинец расправился еще быстрее.

– Ваша милость! – предупреждающе прокричал арбалетчик и вскинул заряженный самострел.

Бычий рыцарь, не оглядываясь, отпрянул от моста – с пути арбалетного болта. Рявкнул через плечо:

– Стреляй!

Воинствующий клирик, однако, опередил их и на этот раз. Черный монах уже бросил под ноги меч и ножны. Правая рука бенедиктинца нырнула в прореху под левым рукавом дырявой рясы и тут же резко, с подкрутом дернулась обратно, словно пуская по воде плоский голыш. И в самом деле, в воздухе мелькнуло что-то маленькое, темное, приплюснутое. Одно, второе, третье…

Глухой стук. Звон металла о металл. Вскрик.

От шлема арбалетчика отскочила черная металлическая звездочка с отточенными до бритвенной остроты лучами. Еще одна такая же застряла в ложе самострела. Третья торчала между глаз стрелка.

Арбалетчик покачнулся. Отшагнул назад. Рука судорожно сжала пусковую скобу. Сорвавшийся с тетивы болт полетел вверх и в сторону. Над мостом. За реку.

* * *

Арбалетчик стал шестой жертвой монаха-убийцы, однако рыцарь, потерявший всех своих кнехтов, был столь же упрям и бесстрашен, как и животное, изображенное на его гербе. Бычий рыцарь приближался к противнику, удерживая клинок перед лицом на тот случай, если придется отражать смертоносные черные звезды. Но пилигрим больше не метал свои диковинные снаряды и не хватался за меч.

Отступив на шаг, на два, на три – и тем немного увеличив дистанцию, монах неожиданно рванул из-под рясы конец черного веревочного пояса. А впрочем, пояса ли?

Под широкой полой укрывался аккуратно свернутый моток прочной веревки с диковинным кинжалом-крюком на конце. Такая же затемненная, как у потайного меча и метательных звездочек, сталь. Два клинка на одной рукояти. Один – прямой, обоюдоострый. Другой – загнутый, будто птичий клюв или острие боевого молота, больше похожий на миниатюрный серп с односторонней внутренней заточкой.

Именно это оружие пилигрим намеревался использовать против рыцарского меча. Веревку бенедиктинец придерживал левой рукой. В правой сжимал рукоять раздвоенного кинжала.

Расстояние между противниками сокращалось. Монах уперся спиной в рогатки. Бычий рыцарь поднял клинок, намереваясь одним ударом покончить с опасным богомольцем. Не вышло.

Резким боковым взмахом справа бенедиктинец метнул кинжал-крюк в ноги противнику. Веревка с грузом на конце захлестнула лодыжки рыцаря. Темная сталь звякнула о блестящие поножи. Крюк, словно коготь, зацепился за позолоченную шпору.

Тяжелый длинный меч так и не дотянулся до монашеского куколя. Клирик дернул веревку на себя. Дощатый настил ушел из-под ног рыцаря, и тот рухнул навзничь. Затылок, не защищенный шлемом, глухо стукнулся о сухое дерево.

Фигура в черной монашеской рясе коршуном налетела на обмякшего мечника. Удар под запястье – и малопригодный для ближнего боя меч выскользнул из ослабевших пальцев.

Поверженный рыцарь успел, правда, левой рукой рвануть из-за пояса кинжал милосердия, но ловкий противник перехватил и ее. Руку с мизерикордией, целившую под черный капюшон, он легко, в одно движение, преломил о подставленное колено. Хрустнула кость. Звякнул о дерево выпавший кинжал. Громкий крик огласил окрестности.

Бенедиктинец рывком перекатил орущего рыцаря со спины на живот. Оттянул ворот кольчуги. Нанес короткий и не то чтобы очень сильный, не удар даже – тычок твердыми, как железо, пальцами. Пальцы ткнули под шею, в верхнюю часть хребта. В какую-то особую точку между позвонков.

Позвоночные диски шевельнулись и чуть сдвинулись. Чуть-чуть, самую малость. Крик оборвался.

Нет, бычий рыцарь не был мертв. Скованный и обездвиженный невидимыми оковами, потерявший всякую чувствительность и не ощущающий даже боли, он прекрасно видел и слышал все происходившее вокруг, но не мог при этом пошевелить хотя бы мизинцем. Да что там пошевелить: он не мог сейчас даже стонать. Даже дышать в полную грудь не было сил. Рыцарь лишь жадно ловил воздух мелкими-мелкими глотками.

Задерживаться над парализованным противником монах-убийца не стал. Подхватив свой крюкастый кинжал, он метнулся на стук копыт.

Это мальчишка-оруженосец, выйдя, наконец, из оцепенения, вскочил на неоседланного господского коня. Юнец решил не испытывать судьбу в единоборстве с нечистью, каким-то чудом облачившуюся в монашескую рясу. Ибо только нечисть, но никак не обычный человек, способна была сотворить то, что было сотворено.

Держась за белую гриву, оруженосец отчаянно колотил пятками по конским бокам. Рослый жеребец зарысил, набирая скорость… Скакун, привыкший к острым шпорам, жесткой узде и более крепкой руке, разгонялся неохотно. Но все же разгонялся. Однако и демон в черной рясе никого не собирался отпускать живым с речной заставы.

Безжалостный пилигрим не только дрался, но и бегал так, как недоступно человеку из плоти и крови. Оглянувшись, оруженосец в ужасе увидел, что пеший пилигрим нагоняет его, скачущего на коне! Черная фигура словно летела над землей. Ноги монаха мелькали так быстро, что трудно было уследить. Широкая ряса развевалась подобно крыльям. Веревка от крюка-кинжала будто хвост волочилась сзади.

Порывом ветра с головы преследователя сорвало капюшон. Под монашеским куколем открылось чужое, нехристианское лицо. Плоское, желтое, с маленькими злыми щелочками глаз.

Перепуганный оруженосец заорал в самое ухо коня, зарылся лицом в гриву, не желая больше смотреть и видеть. Преследователь, не останавливаясь, подтянул веревочный хвост, размахнулся…

Крюкастый кинжал полетел вдогонку всаднику.

Беглец ощутил хлесткий удар по левому плечу. Перед глазами мелькнула черная веревка… Изгиб темного металла.

А в следующий миг заточенный с внутренней стороны крюк серпом полоснул по незащищенному горлу.

Юный оруженосец, которому уже не суждено было стать рыцарем, не успел даже всхрипнуть. Пальцы судорожно вцепились в гриву. Натянулась, как струна на лютне, волосяная веревка.

И крюк срезал. Сорвал.

Голову. Целиком.

Отделенная от тела, она мячиком… комком волос… растрепанным клубком шерсти отлетела в сторону.

Мгновение, два или три обезглавленный наездник еще каким-то чудом продержался на голой спине жеребца, брызжа вверх из шейного обрубка кровавым фонтаном. Потом безжизненное тело оруженосца соскользнуло на землю.

Белый конь в алых пятнах человеческой крови ошалело мчался дальше уже без всадника и без понуканий.

* * *

За сбежавшим жеребцом желтолицый иноземец в черной бенедиктинской рясе гнаться не стал. Он, вновь накинув на голову капюшон, поднял с земли окровавленный крюк-кинжал и, намотав на руку веревку, неспешно вернулся к мосту. Пилигрим собрал и вложил в потаенный кармашек метательные звездочки. Затем вытер о траву и спрятал в ножны-посох короткий меч из темной стали. И лишь после этого склонился над обездвиженным рыцарем.

Вслух черный монах не произнес ни слова. Слова сейчас были не нужны. Монах просто смотрел в лицо беспомощного пленника. Смотрел долго, молча, не моргая, ломая волю и гипнотизируя взглядом.

Однако на поверженного рыцаря смотрел не только он. Не он один. Через узкие глазки-щелочки, едва различимые в тени капюшона, из невообразимой дали взирали и другие глаза. Чьи-то. Невесть чьи. Колдовские. Чародейские. Давящие. Перемалывающие.

Неумолимый взгляд ИНЫХ глаз становился все более отчетливым и явственным. ИНОЙ взгляд постепенно заполнял глаза человека в рясе, глаза-посредники, лишь переносившие сюда, в это «здесь» и в это «сейчас» взор истинного ХОЗЯИНА.

Взгляд неведомого колдуна – сильного и могущественного – проникал глубоко в душу и мозг бычьего рыцаря. Взгляд пронзал сердце и забирался под череп. Взгляд буравил насквозь, бесцеремонно ощупывал потаенные уголки разума и настырно ворошил память. Взгляд ГОВОРИЛ. Взгляд ВОПРОШАЛ. И было… это непостижимо, это необъяснимо, но все-таки было ясно, о чем спрашивал тяжелый колдовской взгляд из неведомого далека. И не было ни сил, ни возможности ему противиться.

«Где?»

Безмолвный голос, неслышная, особая речь, состоящая не из слов, и даже не из образов, не знающая языков, звуков и жестов, но понятная обоим – и тому, кто спрашивал, и тому, кому надлежало отвечать на вопросы. И кто не отвечать не мог.

Невозможно не ответить на вопросы, которые задаются ТАК.

«Где спрятана Кость? Черная Кость?»

И не нужно было толмачей, чтобы переводить вопросы. Нужно было только мысленно выстраивать ответы. Только честные ответы. Других потому что сейчас не дано. Не время и не место потому что сейчас для других.

«Не знаю. Не понимаю».

Рыцарь с бычьим гербом на нагрудной котте не лгал и ничего не скрывал. В ТАКОЙ беседе нет места ни лжи, ни скрытности. Он действительно не знал, и он в самом деле не понимал, о чем идет речь… о чем течет мысль. О чем его вопрошают ИНЫЕ глаза.

И у вопрошающего не было оснований усомниться в искренности ответа.

«Что?»

Вопрошающий задавал новый вопрос.

«Что лучше всего охраняется в крепости, куда ведет эта дорога?»

Безмолвная речь опять лилась из глаз в глаза. И через глаза-посредники, поблескивающие под черным капюшоном.

«Донжон, – покорно и без промедления отвечал рыцарь черному монаху и тому, кому монах служил. – Главная башня замка. Центральная башня за внутренней стеной. Ее верхний этаж».

«Как?»

Настойчивый вопрос пульсировал в висках вместе со стынущей кровью.

«Как туда добраться?»

И рыцарь воссоздавал в памяти Веберлингский замок. Полностью, во всех подробностях. Все, что знал, все, о чем помнил. ИНЫЕ глаза впитывали новое знание, но не вбирали его в себя, а передавали монаху-посреднику, которому надлежало войти в крепость и проникнуть в главную башню.

Потом чародейский взгляд ИНЫХ глаз исчез, бесследно растворившись в блестящих щелках черного монаха с желтым лицом. Руки пилигрима опустились на голову рыцаря, словно одаряя страждущего последним благословением. Крепкие пальцы чуть шевельнулись, сдвигая шею.

Хруст.

И чувства вернулись. А с ними – боль. Резкий, непереносимый всепоглощающий всплеск ее на бесконечно долгий миг наполнил, заполнил, переполнил все.

И вновь бесчувствие. Теперь уже полное, абсолютное. И – конец.

Боль ушла. Навеки. Всякая боль.

Бычья морда на гербовой котте больше не двигалась в такт слабому дыханию. Лишь ветерок, гуляющий над рекой, шевелил расшитую ткань на груди мертвеца. Стекленеющие глаза рыцаря – голубые и холодные – неподвижно смотрели в небесную синеву.

Иноземец в бенедиктинской рясе спустился под мост. Прежде чем продолжить путь по чужой земле, следовало отмыть одежду от чужой крови.

Глава 1

– Великий хан Огадай шлет сердечный привет и искренние пожелания долгих счастливых лет жизни своему возлюбленному сыну, правителю германских, италийских и прочих земель Западной Стороны, достойнейшему Хейдорху из славного рода Хоохенов…

Речь держал глава татарского посольства Бельгутай. Многоопытный нойон из знатного мунгитского рода, низкорослый, крепкий и кряжистый степняк с обветренным лицом и непроницаемыми раскосыми глазами говорил неторопливо, взвешивая на невидимых весах каждое слово. Однако не избегая при этом опасных слов. На шее посла висела золотая пайза Великого хана, оберегавшая жизнь Бельгутая лучше тумена отборных тургаудов. Но только не в этих землях. В этих землях охранная пайза теряла свою силу.

– …достойнейшему Феодорлиху из славного рода Гугенов.

Ищерский дружинник Тимофей владел языками степняков и латинян в совершенстве и был поставлен при посольстве толмачом. Усердно, с торжественно-серьезным видом он переводил на немецкий сказанное Бельгутаем. Переводил, усмехаясь про себя.

«Сердечный… искренние… возлюбленному… достойнейшему… славного…» – все эти словеса были не более чем дипломатическим лукавством. Истинная же суть витиеватой речи Бельгутая заключалась в другом: Великий хан устами своего посла называет могущественного европейского монарха, императора необъятной Германо-Римской империи Феодорлиха II Гугена, не братом-ровней, а сыном и, тем самым ставит латинянского правителя в подчиненное положение. Бельгутай упрямо подчеркивал это раз за разом, не страшась императорского гнева.

– …Великий хан заверяет горячо любимого сына в дружественности своих намерений, – продолжал Бельгутай. – Но Великий хан выражает недоумение и глубочайшее сожаление по поводу вторжения германских рыцарей в северные уруские земли и захвата не принадлежащих немцам городов: Юрьев, Копорье, Изборск, Псков, Новгород…

Бельгутай перечислял.

Тимофей добросовестно повторял названия павших градов.

Феодорлих слушал. Молча. Пока – молча.

Аудиенция, против ожидания, проходила не в неприступной швабской крепости – родовом Вебелингском замке Гугенов, куда, собственно, и направлялся Бельгутай, а на изрядном отдалении от императорской цитадели – в баварских землях. Сюда, к берегам Дуная, со всех концов Европы сейчас стягивалось несметное разногербовое воинство. Здесь же расположилась временная ставка Феодорлиха.

Почему германо-римский император пожелал встречать послов на полпути к своему замку, было не совсем понятно. То ли Феодорлих не доверял чужакам, которые могли бы высмотреть для татарской конницы удобные подходы к крепости. То ли император стремился продемонстрировать силу стекающейся под его знамена рати. А может быть, имелись и иные соображения. Так или иначе, но ханское посольство под охраной проводили от восточных границ империи в этот необъятный воинский стан.

Шатер Феодорлиха высился в самом центре лагеря. Тяжелый полог, расшитый золотом и удерживаемый толстыми подпорками-бревнами, поражал своими размерами. Просторный, как горница в княжеских хоромах, императорский походный шатер вмещал в себя и пышно разодетую свиту, и знатных рыцарей, и многочисленную вооруженную стражу, внимательно следившую за каждым движением послов.

– Как, должно быть, известно мудрейшему императорскому величеству, урусы являются добрыми соседями и союзниками Великого хана, – речь посла текла, как вода из неиссякаемого источника. – Более того, их земли входят в Дужучи-улус, а их коназы исправно

платят хану дань и, следовательно, могут рассчитывать на военную помощь и защиту с его стороны. По этой причине посягательства германских рыцарей на северные земли сильно беспокоят Великого хана и вызывают с его стороны озабоченность не вполне понятными поступками возлюбленного сына-императора…

«Возлюбленный сын-император» – высокий, крепкий и жилистый тевтон средних лет восседал на высоком походном троне с резной спинкой, подобно неживому истукану. Все пространство позади трона закрывала плотная занавеска. Вероятно, за ней располагалась опочивальня. А может быть, пряталась дополнительная стража.

Феодорлих не шевелился. С плеч императора ровными и прямыми, словно вырубленными зубилом каменотеса складками ниспадала тяжелая мантия, обшитая мехом горностая. На голове Феодорлиха сверкала драгоценными каменьями массивная золотая корона, похожая на круглую зубчатую башню. Крупные самоцветы, вмурованные в желтый металл, особо подчеркивали рыжеватый оттенок длинных ухоженных волос. Сильные руки лежали на широких подлокотниках, украшенных оскаленными львиными мордами. Феодорлих смотрел поверх голов. Император, казалось, был сейчас далек от всего происходящего у подножия трона. Глаза его будто и не видели ханских послов.

Зато послов внимательно изучали другие глаза, взгляд которых особо выделялся среди прочих взглядов. В них, в глазах этих, не было ни насмешливого любопытства праздной свиты, ни кичливого презрения благородных имперских рыцарей, ни настороженной подозрительности стражей-телохранителей. В них крылось что-то иное – гораздо более опасное.

Глаза, так встревожившие Тимофея, – огромные, черные, пронзительные – принадлежали маленькому сморщенному человечку неопределенного возраста. Неестественная худоба, заостренные черты лица и редкая козлиная бородка делали его облик смешным, однако придворным шутом он не был. Не бывает шутов с такими глазами.

Одетый в длиннополую и широкорукавную красную накидку, в легком красном колпаке, свисающем к левому плечу и подвязанном у подбородка узкой тесемкой, в красных остроносых башмаках, латинянин расположился на невысоком стульчике у ног Феодорлиха. Что само по себе удивительно: этот большеглазый и козлобородый был единственным, кто осмеливался сидеть в присутствии императора. Кому дозволялось сидеть…

Кого Феодорлих мог одарить такой привилегией? Советника и мудреца, мнением которого особенно дорожит монарх? Нет, не в этом дело. Не только в этом, по крайней мере.

Незнакомец в красном, словно восполняя недостаток внимания со стороны Феодорлиха к ханским посланцам. Он всматривался в каждого колючими пытливыми глазами. И всякий раз, когда его неприятный взгляд скользил по Тимофею, русич кожей, плотью, всем своим существом ощущал враждебные магические фибры и настырную чужую волю, бесцеремонно пытавшуюся влезть в душу и разум, норовившую прочесть сокрытые мысли и познать потаенные чувства.

Чтобы выдержать такое, мало было просто сопротивляться. Чтобы не открыться такому, следовало иметь волю, укрепленную силой охранных заклинаний. Если бы не колдовская защита, которую предусмотрительно поставил над ним князь-волхв Угрим Ищерский, вряд ли Тимофей устоял бы под натиском этого взгляда.

Придворный чародей – вот кем являлся латинянин, носивший одежды цвета крови… И притом чародей не из слабых.

* * *

Тимофей чувствовал, как течет пот по спине. В глазах полыхали багровые блики. А глаза латинянского колдуна давили все сильнее, глаза старались прорвать незримый волховской щит. Напряжение росло. Но, к счастью, дело близилось к концу.

– В знак своего расположения, Великий хан передает возлюбленному сыну-императору скромные дары…

Бельгутай выдержал паузу.

Татарский нойон был все же опытным послом. На самом деле дары, привезенные из Орды, представляли собой немалое сокровище. Золото и меха, драгоценные каменья и оружие изумительной работы, дорогие одежды и лучшие кони из ханских табунов – все это было достойно императора. Однако в подчеркнутой «скромности» подарков крылся тайный намек. Хан Огадай через своего посланца давал понять, что обладает еще большими богатствами и нисколько не обеднеет после щедрых даров.

– …И Великий хан надеется, что недоразумение, связанное с северными урусскими землями, будет улажено без ненужного кровопролития, – завершил, наконец, свою речь Бельгутай.

Тимофей закончил перевод.

В шатре повисло томительное молчание. Заключительные слова кочевника можно было расценивать и как заверение в дружбе, и как предупреждение или даже угрозу.

Теперь оставалось ждать ответного слова. Приказа казнить дерзких посланцев или повеления миловать.

Феодорлих нехотя возвращался из неведомых далей, где по сию пору блуждал его взор. Император опустил глаза, нарочито небрежным взглядом скользнул по лицам послов. Покосился на колдуна у своих ног.

На миг Тимофею показалось, что между Феодорлихом и магом произошел краткий безмолвный диалог. Почудилось даже, будто латинянский колдун кивнул. Соглашаясь? Давая знак? Или позволение? Позволение императору?!

Феодорлих заговорил.

– За дары – благодарю, – голос монарха звучал негромко, но внушительно. – Хан проявляет достойный пример поистине королевской щедрости. Ответные подарки вам вручат при следующей нашей встрече.

Тимофей переводил слова Феодорлиха, склонившись к самому уху татарского нойона, и лишь потому увидел, как дернулась – едва-едва заметно, но все же дернулась – щека Бельгутая. Слабая тень недовольства (только тень – большего послу не позволено) скользнула по каменному лицу степняка. Еще бы! Бельгутаю было от чего яриться: латинянский император сознательно избегал именовать Огадая ВЕЛИКИМ ханом.

– Что же касается всего остального… – Лицо Феодорлиха утратило былую невозмутимость. Глаза вспыхнули. Брови сошлись у переносицы. В голосе отчетливо звякнула сталь. – У меня есть только один отец. Достославный Феодорлих Первый Огненнобородый. И никакого иного отца над собой признавать я более не намерен. Равно, как и ничьей власти. Запомните и передайте хану мои слова. Сыновьями пусть он называет своих вассалов.

Нет, император вовсе не витал в облаках все это время. Глядя поверх их голов, Феодорлих внимательно слушал послов. И – главное – слышал каждое произнесенное слово.

– Теперь о русских княжествах…

Тень гневливой суровости покинула лик монарха. Губы императора неожиданно скривились в изумленной улыбке.

– Разве это я воюю земли русинов? Разве под моим предводительством взяты Псков, Новгород и прочие северные города? Разве не магистры Тевтонского и Ливонского орденов, объединившись друг с другом и призвав под свои знамена европейское рыцарство, провозгласили крестовый поход в восточные земли?

– Но разве шатры прусских и ливонских крестоносцев не стоят в этом лагере? – бесстрастно спросил в свою очередь Бельгутай. Тимофей столь же бесстрастно перевел слова степняка. – Разве рыцарские ордена не выполняют волю вашего величества? Разве осме-

лились бы магистры сами, без одобрения императора и без наущения из Рима, тоже, впрочем, подчиняющегося вашему величеству, объявлять походы, собирать рыцарские отряды и нападать на соседей?

По шатру прокатилась волна недовольного гула. Подобный ответ-вопрос со стороны послов при желании можно было счесть непозволительной дерзостью. Однако Феодорлих предпочел улыбнуться. Еще раз. И еще шире.

– Хан Огадай хорошо осведомлен о тонкостях европейкой политики, что, несомненно, делает ему честь. Но ведь он, насколько я могу судить, разумный человек. А зачем двум умным и могущественным властителям портить отношения из-за клочка никчемной русинской земли, когда вокруг так много непокоренных народов и недоделанных дел?

Ах, никчемная русинская земля?! Тимофей мысленно скрежетал зубами, но внешне сохранял спокойствие, как и подобает посольскому толмачу. Тимофей переводил…

– Хан еще не подчинил полностью своей власти восточные царства за Длинной стеной и южные страны, – продолжал Феодорлих. – Его конница не вытоптала персидские земли и не испробовала крепость своих мечей на сарацинских шлемах. Как видите, я тоже кое-что знаю. А потому спрашиваю…

Феодорлих выдержал паузу, прежде чем задать вопрос. Затем четко и внятно произнес:

– Стоит ли скудная дань, собираемая с русских княжеств, раздора между нами? Или дружба со слабыми раздробленными русинами хану Огадаю важнее прочного мира со мной?

– Урусы – соседи и союзники Великого хана, – сухо заметил Бельгутай.

Тимофей перевел.

– Это всего лишь слова, – небрежно отозвался император. – Любой союз действенен лишь до тех пор, покуда он выгоден. Когда же вреда от него оказывается больше, чем пользы, когда союз становится ненужным и тем более опасным, от него отказываются.

– Так поступают правители запада? – в почтительном тоне Бельгутаева вопроса и в холодно-бесстрастном переводе Тимофея не было слышно ни упрека, ни насмешки. Однако ропот в шатре усилился. Какой-то молодой рыцарь с вышитыми на синей гербовой котте золотыми львами потянул из ножен клинок. К счастью, горячего юнца вовремя одернули более сдержанные соседи.

– Так поступают разумные правители, – процедил сквозь зубы Феодорлих. – Почему хан Огадай столь сильно дорожит дружбой с русинами? Зачем владыке степей понадобилась дикая и холодная земля, покрытая непроходимыми лесами и непролазными болотами?

Феодорлих чуть подался вперед, впившись взглядом в лица татарского нойона и толмача. Маг, сидевший у ног императора, тоже не сводил глаз с Бельгутая и Тимофея. Тимофей почти физически ощущал, как тяжелый взгляд латинянского колдуна бьется о волховскую защиту ищерского князя. Бьется, но никак не может проломиться.

Зачем? Вот вопрос, который, действительно, интересовал латинян. Они в самом деле хотели знать: зачем? Больше всего они сейчас хотели знать именно это.

– А зачем дикая и холодная земля урусов понадобилась могущественному императору? – вновь вместо ответа спросил Бельгутай.

И вновь Тимофей перевел вопрос на немецкий.

– Посол! – губы Феодорлиха дрогнули. – Не слишком ли ты много себе позволяешь? Не забывай, моему терпению есть предел, а в этом лагере хватает палачей.

– Я лишь делаю то, что мне поручено: говорю слова и задаю вопросы от имени Великого хана, – спокойно, не отводя глаз, произнес Бельгутай. Тимофей переводил произносимые фразы сразу же – слово за словом. – Я должен вернуться к своему повелителю с ответом самое позднее через месяц. Если я не появлюсь к оговоренному сроку, это будет наихудшим из всех возможных ответов.

Бельгутай поклонился – низко и почтительно.

Феодорлих вздохнул – глубоко и шумно.

– Пока никакого ответа я не услышал, – продолжал Бельгутай. – И я не знаю, что мне сказать Великому хану об уруских землях, захваченных германскими крестоносцами. Только этим, и ничем другим, объясняется моя настойчивость, которая, возможно, была ошибочно принята за дерзость. Однако, уверяю вас, ваше величество, я никого не желал оскорбить.

Император и маг снова переглянулись. Островерхая шапочка колдуна чуть шевельнулась, обозначив слабый кивок.

Феодорлих повел ладонью, извещая об окончании аудиенции:

– Ступай, посол. Ответ получишь позже. А пока ступай.

* * *

– Фу-у-ух, крысий потрох! – выдохнул Тимофей, вытирая лоб рукавом.

Противный липкий пот все еще тек ручьями. Сердце в груди не желало утихомириваться. Но послы уже отъехали от императорского шатра достаточно далеко, и можно было дать волю чувствам.

– Нешто закончилось все, наконец?! – пробормотал Тимофей, поглаживая верного гнедка и осматриваясь вокруг. Солнце уже клонилось к закату. – Прямо как гора с плеч! А я уж думал, головы нам поснимают за такие речи…

– Закончилось, говоришь? – Бельгутай невесело усмехнулся. – Э-э-э, нет, рано радуешься. Все еще только начинается, Тумфи.

Тимофей не обижался, когда степняки коверкали его имя, непривычное бесерменскому языку. Чего обижаться-то, если даже латинянского императора – и того, вон, ханский посол кличет на свой манер. Главное, что с Бельгутаем можно иметь дело. Пока, во всяком случае, можно. И нужно.

Бельгутай не кичился данной ханом властью и не проявлял спеси, свойственной иным заносчивым татарским царевичам, князькам и темникам, был прост в общении, к посольской свите и охране относился уважительно – не как господин к слугам, а, скорее, как мудрый воевода к соратникам. Оно и понятно. В дальнем походе по чужим и отнюдь не дружественным землям любое посольство со временем становится сплоченным боевым отрядом, в котором от поступков одного человека слишком часто зависит жизнь остальных. А с русичем-толмачом ханский посланник вовсе держал себя как с равным.

Бельгутай был нойоном – кем-то вроде боярина или знатного дружинника-ипата[1] в татарском войске. Тимофей, конечно, в боярах никогда не хаживал, но вот дружинником у Угрима Ищерского тоже числился не из последних. Еще в отрочестве князь выделил его за сметливость и тягу к знаниям. Угрим специально посылал Тимофея к купцам обучаться западным и восточным языкам. Тимофей обошел с торговыми людьми все русские княжества, часто бывал в Новгородских землях и за их пределами, еще чаще – у татар, с которыми ищерцы всегда старались водить дружбу, как с сильным и грозным соседом.

В общем, пострaнствовать и мир повидать Тимофею довелось – дай бог каждому. К двадцати пяти годкам он был знатоком иноземных обычаев и толмачом, каких поискать, и, что не менее важно, считался своим человеком при ханской ставке. Настолько своим, что когда Угрим предложил его, «Тумфи-богатура», толмачом в посольство, снаряжавшееся в латинянские земли, татары согласились сразу.

В воинских науках Тимофей тоже преуспел не меньше, чем в языках. Потому и был поставлен сотником в ищерской дружине. Угрим доверял ему как никому другому. Достаточно вспомнить хотя бы, что именно Тимофей с десятком лучших гридей встретил и сопро-

[1] *Ипат* – воевода.

водил к князю никейскую царевну, спасавшуюся от латинян, которые, вслед за Царьградом, подминали под себя остатки Византийской империи. Черноокая гречанка Арина искала убежища в ищерских землях. И нашла: несколько месяцев назад царевна-беглянка стала супругой князя-волхва – горбатого, старого, ликом далеко не пригожего. Но ведь стала же… Ох, Арина-Арина!

Образ молодой красавицы-княгини всплыл перед внутренним взором Тимофея, не к месту и не ко времени будоража кровь и наполняя сердце непозволительной завистью к господину.

– Сегодня первый день переговоров, – задумчиво произнес ханский посол.

Тимофей тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли и возвращаясь к текущим делам.

– И одному лишь Вечному Небу-Тэнгри ведомо, сколько впереди еще этих дней, – продолжал Бельгутай. – Так что, если Хейдорх пожелает покарать нас за дерзкие речи, времени у него будет предостаточно.

– М-да, Бельгутай, – со вздохом посетовал Тимофей, – служба, однако, у вас, у послов…

– У нас, – поправил татарский нойон. Затем спросил с сочувствием: – Тяжко?

– Не то слово! Будто в сече рубился от зари до заката, да без передыху.

– Непросто с императорами-то разговаривать, а?

– Эт-точно, – согласился Тимофей. И, подумав немного, добавил: – Хотя, знаешь, не в императоре даже дело. Меня другое беспокоит.

– Красный шаман? – бросил на него понимающий взгляд Бельгутай. – Колдун, что сидел у ног Хейдорха?

– Ты тоже почувствовал? – встрепенулся Тимофей.

– Еще бы! – степняк прищурил и без того узкие глаза. – Кто это, знаешь?

Тимофей пожал плечами.

– Знать не знаю, но догадываюсь. Доводилось много слышать от иноземных купцов о некоем Михеле Шотте, что служит при императорском дворе. Говорят, могущественный чародей…

Тимофей выжидательно глянул на татарского посла.

– Так и есть, – кивнул Бельгутай. – В ханской ставке тоже наслышаны о Махал-шамане.

– От купцов?

– И от купцов, – неопределенно ответил степняк.

«А еще – от тайных лазутчиков хана», – мысленно закончил за него Тимофей.

Бельгутай оглянулся на высокий шатер, процедил сквозь зубы:

– Он это, колдун императорский. Точно, Махал-шаман. Больше некому. И сдается мне, Тумфи, не случайно он здесь. Что-то серьезное задумал Хейдорх. Очень серьезное.

Тимофей фыркнул:

– Вообще-то о серьезности намерений Феодорлиха можно судить уже по тому, какую рать он собирает. Ты посмотри вокруг, Бельгутай!

А вокруг, насколько хватало глаз, пестрели разноцветные шатры, палатки и навесы, дымились костры и бурлили подвешенные над ними походные котлы. Сновали люди, ржали кони, звенело железо. В воздухе висел несмолкаемый гомон. Многочисленные станы, сливаясь и смешиваясь друг с другом в один, великий и необъятный, тянулись вдоль правого берега Дуная.

Тимофей уже научился различать пестрое императорское воинство по гербам, стягам, вооружению и доспехам. Истинным хозяином латинянского лагеря являлось, конечно же, германское рыцарство. Однако доносившаяся отовсюду лающая немецкая речь была изрядно разбавлена множеством других наречий. Над дунайскими водами расположились также итальянские и испанские, французские и бургундские, британские и моравские, дат-

ские и шведские рыцари – все как один шумные, задиристые, хвастливые, каждый при своре оруженосцев и слуг.

Гораздо тише и сдержаннее вели себя потрепанные в недавних стычках с татарами угорские и силезские отряды, отступившие под защиту имперских границ и примкнувшие к силам Феодорлиха. Особняком – под знаменами с черными, красными и белыми крестами – держались молчаливые и неулыбчивые христовы братья: тевтоны, ливонцы, иоанниты-госпитальеры, храмовники-тамплиеры…

В состав императорской армии входила также лучшая европейская пехота, успевшая уже громко заявить о себе на полях сражений. Легковооруженные английские стрелки с длинными, в рост человека, тисовыми луками, лишь немногим уступающими по дальности стрельбы клеенным из дерева и кости степняцким номо[2]. Генуэзские щитоносцы и арбалетчики с тяжелыми самострелами. Наемники-кондотьеры других богатых италийских городов – закованные в латы, вооруженные копьями, шипастыми булавами и кистенями на длинных древках. Плохо одетые, почти бездоспешные, но хорошо обученные строевому бою ополченцы швейцарских кантонов с массивными алебардами. Фламандцы с огромными пиками…

Грозный вид чужого воинства волновал, тревожил и угнетал.

– Как тебе все это, а, Бельгутай? – напирал Тимофей. – Как тебе эдакая силища?

– Да, армия Хейдорха впечатляет, – согласился ханский посол.

– А для чего, по-твоему, собирают подобные армии, если не для войны?

– Для войны и собирают, – пожал плечами Бельгутай. – Иначе бы нас с тобой сюда не отправили.

– А проку-то с того, что отправили?! – Тимофей в сердцах мотнул головой. – Думаешь, Феодорлих, имея такое войско, прислушается к предупреждению хана и отступится от северных земель?

– Нет, я так не думаю, – спокойно ответил татарин.

– Тогда что мы здесь делаем?!

Ханский посол натянув поводья и окинул его внимательным взглядом. Тимофей глаз не отвел.

– Что мы здесь делаем, Бельгутай? – повторил он свой вопрос. – Все ведь уже ясно. Все было ясно с самого начала. Войны не избежать. Так к чему терять время на бессмысленные переговоры? Или ты приехал сюда не только для того, чтобы говорить с императором? Скажи честно, Бельгутай…

– Честно хочешь, Тумфи? – прищурившись, усмехнулся степняк. – Но тогда и ты ответь мне – и тоже честно. Ты сам зачем примкнул к посольству? С каким напутственным словом послал тебя твой Угорим-коназ?

Улыбка ушла с обветренного лица кочевника, будто стертая незримой рукой, а вот пытливый прищур остался.

– Ты ехал сюда для того лишь только, чтобы переводить чужие речи, или тебе дадено другое задание?

Бельгутай, не моргая, вглядывался в него из темных щелочек-бойниц.

Тимофей стиснул зубы. Все верно. Было! Было задание. Прозорливый нойон, конечно, не знал об этом наверняка, но вполне мог догадываться. «Наблюдай не только и не столько за латинянским императором, сколько за татарскими послами, – велел Тимофею ищерский князь-волхв. – За каждым их поступком, за каждым словом. Смотри, слушай. Все. Всегда. Всюду. Помни: мое защитное слово, произнесенное над тобой, не только оберегает тебя от

[2] Сложносоставной лук, использовавшийся татаро-монголами.

дурного глаза и чужой магии, но и связывает нас незримой колдовской нитью. Так что я тоже буду смотреть твоими глазами и слушать твоими ушами. Это может оказаться полезным».

* * *

Солнце медленно опускалось за горизонт, озаряя императорский лагерь прощальными багровыми отблесками. Посол и толмач сверлили друг друга холодными изучающими взглядами. Смотрели молча, долго, целую вечность. Так смотрят два хищника из одной дружественной – пока еще дружественной – стаи, случайно задевшие один другого. Случайно или не очень. Задевшие, а после показавшие зубы. По привычке или с тайным расчетом. Показавшие и…

И спрятавшие.

Напряженный момент испытующих взглядов миновал. Бельгутай вновь раздвинул губы в приязненной улыбке:

– Я – посол Великого хана, ты – толмач при посольстве. Пусть все так и остается впредь, Тумфи, договорились? Пусть каждый несет свою службу. Сейчас мне, как никогда, нужен хороший переводчик, так к чему нам усложнять ситуацию? Да, я тоже полагаю, что войны не избежать, но это не дает мне права прекращать переговоры с Хейдорхом.

– Да зачем они нужны, переговоры эти? – прорычал Тимофей. – Кому?! Для чего?!

Два проезжавших мимо всадника в белых, с черными крестами, плащах покосились в их сторону. Взгляды рыцарей ордена Святой Марии были настороженными и недружелюбными. Впрочем, тевтонские братья на татарских послов иначе здесь и не смотрели.

– Ты задаешь ненужные и лишние вопросы, – негромко, но твердо ответил Бельгутай. – Тебя послал сюда твой коназ, меня – мой хан. Им, должно быть, виднее, а мы… мы просто делаем свое дело, не делать которого не можем. Вот и все.

– Все? – Тимофей шумно выдохнул. – Ох, кабы так просто оно было!

Бельгутай снова заглянул ему в глаза.

– Что с тобой, Тумфи? Объясни, что на тебя нашло? В императорском шатре ты держал себя в руках. А сейчас вдруг, ни с того ни с сего… как вы, урусы, говорите?.. Воз-бе-ле-нился. Почему?

– Почему?! – Тимофей сплюнул в сердцах. – Да потому, крысий потрох, что тошно смотреть на все это латинянское воинство и ждать, пока оно двинет на Русь.

Бельгутай неодобрительно покачал головой:

– Послушай, Тумфи, ты же знаешь, Великий хан…

– Что хан?! – злобно прошипел Тимофей. – Что, Бельгутай? Думаешь, мне легче от того, что твой хан и латинянский император делят промеж себя наши земли, словно вынутый из печи пирог? А я…

Вздох, похожий на стон, вырвался из его груди.

– А я вам в этом помогаю.

– Вы, урусы, сами нарезали этот пирог, – беззлобно, но сухо и жестко заметил Бельгутай. – Для других нарезали, для тех, кто окажется достаточно проворен, велик и силен, чтобы проглотить его по частям, не подавившись при этом. Не ищи виноватых на стороне, Тумфи, и уж тем более не вини себя, если ваши неразумные конази-честолюбцы никак не могут договориться и не способны принять власть одного над всеми. Кто, как не они, в нескончаемых усобицах растерзали и обескровили ваши земли? Кто, как не они, продолжают заниматься этим по сию пору?

– Хорошо тебе рассуждать, – хмуро процедил Тимофей. – Вам-то повезло, вы-то сами все в едином кулаке собраны. Оттого и в битвах сильны, и в походах удачливы.

– Да, собраны, да, сильны и удачливы, – задумчиво покивал Бельгутай. – Сейчас – собраны, сильны и удачливы.

И почему-то отвел глаза.

– Вот только ты не знаешь, Тумфи, каково нам было раньше, какие междоусобицы кипели в степях Орхона и Керулена[3], как жестоко сражались между собой за скудные кочевья наши курени, рода и племена и сколько доблестных богатуров полегло у отрогов Небесных гор[4]. Неведомо тебе, с какой яростью мы истребляли друг друга. И тебе, урус, не вообразить даже, какой боли и крови стоило нам единство. Но ты прав: нам повезло. Великое Небо послало моему народу Великого хана – Собирателя Земель и Потрясателя Вселенной. Ибо только по-настоящему великому человеку под силу объединить свои враждующие улусы и вознестись над чужими.

В ваших же землях нет пока своего Чингисхана – достойного, честного, сурового, но справедливого правителя, думающего не только о собственном благополучии и о благополучии кучки знатных нойонов-бояр, а о величии всего народа. Вам некого поднимать на белом войлоке к Извечному Синему Небу. В этом ваша главная беда, и в этом ваше несчастье. Ваши конази, Тумфи, как малые дети, мыслят мелко и считают лишь городки и деревеньки – свои да соседские. Они видят не дальше приграничных поселений. Быть может, оттого так происходит, что нет в ваших землях степного простора, а леса закрывают небо и горизонт. А может быть, ваши души поросли иными лесами, мешающими единению. Никто из ваших гордых коназей не смотрит широко. Никто не мыслит целостной Урусии под своим началом. И – что гораздо важнее – никто из них не согласен вставать под начало другого, более достойного правителя, чем он сам. Потому-то к вам и норовят прийти чужие правители.

– Ага, а в латинянских землях и душах, значит, леса не растут? – огрызнулся Тимофей. – И спесивые имперские курфюрсты, герцоги, графы и бароны, грызущиеся между собой, вот так сразу взяли и покорились Феодорлиху? И воинственные ордена рыцарей-монахов тоже подчинились ему беспрекословно? И богатые вольнолюбивые города открыли ворота? И жители бунтующих провинций сложили оружие? И соседние европейские государи не противились усилению империи? И даже давний враг императорской власти – римская курия, неоднократно обвинявшая Феодорлиха в пособничестве колдовству и отлучавшая его от церкви – вдруг благословила эту самую власть? И все прошло спокойно и быстро, без крови и без розни?

– В том-то и дело, что случилось это именно вдруг и сразу, – ответил Бельгутай. – В том-то и странность, что все прошло спокойно, быстро и бескровно. Так не бывает, не может и не должно быть. Даже Чингисхан объединял степные народы не один год и не один десяток лет. Он добился своего, лишь пролив реки крови, уничтожив непокорных ханов и стерев с лица земли целые племена. Здесь же все вышло иначе.

Бельгутай покачал головой:

– Еще меньше года назад страна немцев и ромеев была таким же изорванным в клочья войлоком, как и твоя Урусия, Тумфи. Но Хейдорх сумел не просто собрать разрозненные лоскутки воедино, он укрепил свою державу и расширил ее границы. За несколько месяцев! Без единой битвы! Такое не в силах человеческих. Такое можно объяснить только вмешательством иных сил. И я не думаю, что Великое Небо-Тэнгри поспособствовало в этом императору-германцу. Вряд ли стал бы помогать ему и латинянский бог, чьи служители уже не раз и не два проклинали Хейдорха. Нет, тут замешан не божий промысел, а, скорее, колдовство.

---

[3] Междуречье Орхона и Керулена – тот самый «котел», в котором начинало формироваться разноплеменное татаро-монгольское государство.

[4] Небесные горы – Алтайские горы.

– Придворный чародей? – нахмурился Тимофей. – Михель Шотте?

Бельгутай утвердительно кивнул:

– Махал-шаман. В нем все дело.

Тимофей недоверчиво смотрел на степняка.

– Хочешь сказать, что создать ТАКУЮ империю под силу колдуну?

– Не всякому колдуну, Тумфи, и не всегда. Многое зависит от того, откуда берут силу колдовские заклинания. Шаманское могущество имеет разную природу, а на свете встречаются источники неисчерпаемой магической мощи.

– Какие, например?

Глаз Тимофея наткнулся на пристальный взгляд степняка. Посол что-то обдумывал. Решал: сказать? нет? Решился. Сказал. Вернее, спросил:

– Ты слышал что-нибудь о Черной Кости, Тумфи?

Бельгутай напряженно следил за лицом собеседника, высматривая каждое движение, каждое дрожание мускула…

– О чем? – изумился Тимофей.

…Но, видимо, так ничего и не выследил.

– Ладно, забудь, – нойон небрежно махнул рукой. Как-то уж нарочито небрежно. – Это неважно. Глупые слухи, пустые сказки.

Ну, нет! Дудки! Теперь уже сам Тимофей внимательно следил за татарским послом. И забывать, конечно, ни о чем не собирался. Впрочем, щелочки-бойницы на обветренном лице степняка больше не смотрели на Тимофея. Взор Бельгутая рассеянно скользил по латинянскому лагерю.

* * *

– Я просто хочу объяснить тебе, Тумфи, что империи появляются или естественным путем, или противоестественным, – спокойно и убаюкивающе текла речь нойона. – Империю создает либо сильный правитель, стоящий над подданными, согласными признавать его силу, либо сильное колдовство, морок и обман, исподволь заставляющие подчиняться чужой воле. Иного не дано. Моему народу милостивым Небом-Тэнгри был послан Потрясатель Вселенной, перед которым склонились прочие ханы. А при Хейдорхе служит могущественный шаман, укрепляющий власть императора с помощью чародейства.

Бельгутай резко повернулся к Тимофею, царапнув его колючим взглядом:

– А кто и что есть у вас, Тумфи, в ваших холодных уруских краях? Справедливый и сильный правитель? Разумные конази или ханы, готовые без ссор и взаимных обид избрать на курултае достойнейшего? Вожди-нойоны и воины-нукеры, поддерживающие лишь одного из многих? Простой люд-карачу, желающий встать под единую руку и как-то выражающий свое желание? Или, быть может, где-то в ваших краях кроется великая колдовская сила, способная сравниться с силой Махал-шамана? Может, твой Угорим-коназ, о котором говорят всякое, втайне владеет такой силой?

Узкие глаза Бельгутая смотрели на него внимательно и без тени насмешки. Слишком внимательно и серьезно они смотрели.

Тимофей скривился. Ну, ведет свой род Угрим Ищерский, хозяин небольшого затерянного в дремучих лесах княжества, от волховского племени. Ну, поговаривают в народе, будто княжий град Острожец возведен на древнем языческом капище и поставлен там неспроста. Ну, знает и умеет князь многое из того, что недоступно обычному человеку. И что?

Да, приколдовывал Угрим понемногу – так, самую малость. Во врачевании, к примеру, ему не было равных. И защитный заговор против черного глаза и недоброй ворожбы на Тимофея опять-таки наложил именно князь. Но в ищерских землях, где по сию пору чтут

старое язычество, где ведуны и берегини встречаются в каждой деревеньке, а земля буквально пропитана магическими токами, эдакое легкое кудесничество и за чародейство-то не считается.

– Обладал бы мой князь силой, на которую ты, Бельгутай, намекаешь, так давно бы ею воспользовался, – пробурчал Тимофей. – Вся Русь была бы уже под его началом, как латинянская империя под рукой Феодорлиха. И еще неизвестно, кто кому дань платил бы: мы твоему хану или хан нам.

– Да, – задумчиво кивнул Бельгутай. – Может быть, и воспользовался бы.

Может быть?! Он еще сомневается, бесермен косоглазый!

– Э, да, чего с тобой говорить-то! – досадливо махнул рукой Тимофей. Отмахиваясь от дальнейшей беседы.

Сытый голодного не разумеет. И сильный не поймет – нет, не слабого даже, но никак не умеющего собрать в единый кулак свою тоже немалую, в общем-то, силушку. Немалую, но разбросанную, рассеянную, раскиданную. Растрачиваемую на бестолковую и бессмысленную борьбу против себя самой.

Хотя, пожалуй, кривил все же душой Тимофей. Понимали они с Бельгутаем друг друга, хорошо понимали. Но только горше от того понимания было. Тимофей аж давился лютой бессильной злобой, чувствуя в глубине души: прав татарский посол, кругом прав. Как ни крути, а нечем нынче похвастаться Руси-матушке, вконец ослабевшей в междоусобных раздорах. И надеяться ей пока не на что.

Дальше ехали молча. Бельгутай искоса поглядывал на толмача. Тимофей угрюмо смотрел вперед. В голове неподъемными валунами ворочались тяжелые, безрадостные думы.

Вот Германо-Римская империя – это не Русь, это совсем другое дело. Верно ведь подметил ханский посланник: Феодорлиху в последнее время действительно сопутствовала небывалая удача. Везде, во всем. За короткое время латинянскому императору удалось объединить разрозненные немецкие княжества и герцогства, приструнить гордых курфюрстов, вернуть и приумножить влияние в заальпийских областях, подчинить своей воле богатые города Германии, Италии и всю торговую северную Ганзу, сломить сопротивление швейцарских кантонов и урвать изрядные территории у соседей.

Феодорлих умудрился также завершить затянувшееся противостояние императорской короны с папской тиарой в свою пользу. Случилось это после странной и внезапной, но пришедшейся так кстати кончины Геогория Девятого, того самого понтифика, который проклинал и отлучал Феодорлиха от церкви за пособничество чернокнижию.

Со смертью папы словно бы умерли и все обвинения против императора. Что произошло на самом деле, не ведомо никому, но некоторое время спустя святой престол занял если и не прямой ставленник Феодорлиха, то уж во всяком случае не желавший вступать в открытую конфронтацию с императорской властью новый понтифик Оцелесиан.

Заручившись поддержкой Рима, демонстрируя мощь имперской армии и необыкновенную удачливость, Феодорлих легко заключал выгодные договора с европейскими государями. Священная Германо-Римская империя столь же стремительно набирала мощь на западе, сколь неотвратимо росло на востоке могущество татар. Столкновение было неизбежным, и между двух жерновов попадали раздробленные, ослабленные междоусобными войнами русские княжества.

Большого выбора тут не было: не имея возможности отбиваться от наседавших с двух сторон чужаков, приходилось либо идти под латинян, либо водить дружбу со степняками. Большая часть князей предпочла последнее, рассудив, что татары будут меньшим из зол. Что, впрочем, и неудивительно. Германские рыцари приходили на захваченные земли всерьез и надолго. В завоеванные территории латиняне вцеплялись мертвой хваткой: занимали города и крепости, строили новые замки, огнем и мечом насаждали римскую веру, истреб-

ляли или полностью онемечивали население, которое и за людей-то не считали. Степняки же по большому счету не особенно зарились на малопригодные для кочевий русские земли и практически не вмешивались в управление княжествами.

Хан, в отличие от императора, предлагал не столько рабство, сколько союз. Да, облагал данью, но не большей, чем та, что сами русские князья платили друг другу, или та, что платят младшие ханы старшему. И уж во всяком случае, дань эта оказалась несоизмеримо меньше платы, взимаемой с покоренных народов латинянами.

Собственно, дело было даже не в дани как таковой. В грядущей войне с западом татарам требовались беспрепятственные проходы по неприветливым русским лесам, продовольствие, фураж и хотя бы мало-мальская поддержка населения. Хану нужны были надежные тылы, а потому кочевники старались не восстанавливать русичей против себя. Наоборот – всячески привлекали на свою сторону. Немало русских ратников, жаждавших поквитаться с латинянами за прежние обиды, вступали в татарские войска. Особенно много желающих приходило из новгородских земель, разоренных тевтонскими и ливонскими крестоносцами.

Орденские рыцари и примкнувшие к ним многочисленные полубратья нанесли удар по северной Руси не случайно. Татарская конница не могла вовремя поспеть на помощь по непролазным болотам и чащобам, а потому новгородцы бились с рыцарями сами. Сопротивлялись отчаянно, но силы оказались неравными, а натиск бронированных «свиней» – внезапным и мощным. К тому же среди купцов – как немецких, так и новгородских, тесно связанных торговыми интересами с Ганзой – нашлись пособнички, открывавшие крестоносцам крепостные ворота.

Северо-западная Русь пала. Толпы беженцев устремились на юг и восток. А вслед за беженцами двинулись рыцарские отряды. Угроза разорения нависла над Полоцким, Смоленским и Ростово-Суздальским княжествами. Да и ищерцы тоже начинали чувствовать себя неуютно.

Татары, пропущенные низовыми русскими князьями и поддержанные ими, нанесли ответный удар с юга. Степняки совершили опустошительные набеги по силезским, моравским и угорским землям, прошлись сокрушительным смерчем вдоль восточных границ латинянской империи от Далмации до Одера, грозя отрезать от Германии Померанию, тевтонскую Пруссию и Ливонию.

Крестоносцы прекратили продвижение по русским землям. Остановились и татары. На время война, о которой пока в открытую не объявляла ни одна из сторон, затихла. Противники накапливали и перегруппировывали силы для нового – решающего – удара. В ставку императора прибыло ханское посольство…

* * *

Императорский шатер опустел. Феодорлих велел удалиться всем, оставив при себе только мага-советника и распорядившись оцепить шатер снаружи, чтобы никто не смел мешать разговору.

Огромный плотный полог, растянутый на бревнах-подпорках, огораживал пространство размером с небольшую замковую залу. Дополнительные тяжелые занавеси, спускавшиеся вдоль стен, скрадывали любые звуки. А колдовское заклинание, произнесенное придворным чародеем, вовсе не позволяло подслушивать тайные беседы. В таком шатре можно было говорить, не опасаясь чужих ушей.

Феодорлих заговорил первым:

– Ты что-нибудь нащупал, Михель?

– Ничего, ваше величество, – вздохнул маг. – Над главным татарским послом свершен защитный ритуал, укрепляющий его волю и препятствующий воле чужой. Магическая

защита крепкая, поставлена опытным колдуном. В истинные помыслы ханского посланца я проникнуть не смог.

– Защищен только он?

– Не только, – качнулся красный колпак чародея. – Еще – посольский толмач.

– Толмач? – император удивленно поднял бровь. – Он ведь вроде бы даже не из татар?

– Русин, – кивнул маг. – Я узнавал.

– Любопытно… очень любопытно. – Холеные пальцы Феодорлиха забарабанили по лакированному подлокотнику трона. – А впрочем, все эти восточные варвары одинаковы. Так, говоришь, русин-переводчик тоже закрыт?

– Да, ваше величество. Его мысли мне прощупать не удалось.

– Кто-нибудь еще, Михель?

– Нет, – покачал головой маг. – Больше магических щитов не стоит ни над кем. Посольская свита и стража открыты.

– И что? – нетерпеливо подался вперед Феодорлих.

– Они не несут в себе никаких тайн. Они просто приставлены сопровождать и охранять, но сами ничего не ведают.

– Значит, истинную цель посольства знают только двое?

– Или у каждого из этих двоих своя цель.

Феодорлих задумался.

– Можно будет что-нибудь выяснить, когда они уснут?

– Не выйдет, ваше величество. Когда человек спит, спят и его сокровенные мысли, и его память. А вот воля не спит. Попытка взломать защиту ничего не даст. Такая попытка только разбудит и насторожит послов.

– Возможно ли вообще пробить их магический щит?

– Если бы при мне были Черные Мощи, – чародей поднял глаза на императора, – это не составило бы труда. Но Реликвия находится в Вебелинге, а вы не пожелали пускать туда послов.

– Пускать чужаков в крепость, где хранится главное сокровище империи, слишком рискованно, – строго оборвал его Феодорлих. – Вывозить мощи оттуда тем более опасно. Вебелинг – надежное место. Ты сам заговаривал замковый донжон до такого состояния, что туда не проникнет незамеченным ни один колдун.

– Заговаривал, – согласился колдун. – Ни один маг не сможет даже приблизиться к крепости.

– А прочих злоумышленников остановят мои дозоры, каменные стены и замковый гарнизон. В общем, забудь пока о мощах, Михель. Пусть они лежат там, где лежат.

– Да, я все понимаю, ваше величество, – склонился красный колпак. – Просто беспокоюсь, когда приходится удаляться от мощей.

– Что именно тебя беспокоит? – нахмурился император.

Чародей вздохнул:

– Я уже не могу спрятать Черные Мощи за колдовскими запорами. Слишком много заклинаний произнесено над ними и слишком много запущено магических ритуалов, необходимых для укрепления империи и нуждающихся в постоянной подпитке от Реликвии.

Феодорлих недовольно повел бровью:

– Хватит, Михель! Сейчас ты мне нужен здесь. О мощах не волнуйся, они находятся под надежной охраной и никуда не денутся из Вебелинга. Подумай лучше о том, как преодолеть колдовскую защиту послов, не прибегая к помощи Реликвии?

Михель развел руками.

– Есть только два способа: либо сломить волю ханских посланцев, что мне представляется маловероятным, либо на что-то отвлечь ее…

– Сломить? Отвлечь? – повторил Феодорлих. Кривая усмешка скользнула по губам императора. – Ты предлагаешь пытки?

– Нет-нет-нет, – трижды дернулся красный колпак. – Как раз пытать послов не следует, ваше величество. Пока, во всяком случае. От любого магического щита может тянуться незримая нить к поставившему его. Маг или маги, закрывшие послов, наверняка все видят их глазами и слышат их ушами. Возможно, они даже смогут заставить послов покончить с собой, если сочтут это необходимым для сохранения тайны. А от мертвеца не будет проку. Мертвец ничего уже не расскажет. Мертвого не оживят и не подчинят даже Черные Мощи. По крайней мере, одной Реликвии для этого недостаточно.

– Тогда что нам делать, Михель? – хмуро спросил Феодорлих. – Как поступить? Мне нужно знать, с какими помыслами прибыли сюда эти двое.

– Я сказал все, что мог, ваше величество. Нужно придумать, чем отвлечь внимание послов. Внимание и волю. Целиком.

– И что же, по-твоему, может без остатка поглотить внимание и волю человека?

– Ну-у-у, – маг закатил глаза, – Это могла бы быть, к примеру, вооруженная стычка.

– Стычка? – встрепенулся Феодорлих. – С послами? Это-то как раз устроить проще простого. Внезапно атаковать лагерь татар, заставить их сражаться… Вот только…

Император осекся.

– Ты же утверждал, что колдуны, которые закрыли послов магической защитой, могут заставить их убить себя.

– Могут, – кивнул Михель. – Если тем, кто стоит за послами, покажутся подозрительными наши действия по отношению к ним.

– Значит… – император надолго замолчал, размышляя. – Значит, схватка, о которой ты говоришь, не должна вызывать подозрений.

– Правильно, ваше величество, – улыбнулся маг. – Пусть это будет не смертельная рубка, и не попытка пленить послов, а битва, сражаться в которой глава и толмач татарского посольства пожелают сами, без принуждения и опаски. И притом не только они, но и другие воины посольства. Так у неведомых пока нам наблюдателей окажется еще меньше поводов для беспокойства. Пусть это будет битва-игра, битва-состязание, достаточно безобидная, но полная боевого азарта и некоторой доли риска. Ее участники должны целиком сосредоточиться на победе и как можно меньше думать обо всем остальном.

– Погоди-погоди! – хмыкнул Феодорлих. – Кажется, я начинаю понимать, куда ты клонишь, Михель.

Император поднялся с трона и прошелся по шатру. Потом остановился перед магом:

– Не будем откладывать. Начнем прямо сейчас. На подготовку потребуется часа полтора-два, не больше.

– Близится ночь, ваше величество, – напомнил Михель.

– Тебе это помешает?

– Скорее, наоборот, – пожал плечами придворный чародей. – Вечерняя магия сильнее утренней, а ночная – сильнее дневной.

– Вот и я о том же. Зачем понапрасну терять время, если можно сразу получить ответы на все вопросы?

*** * ***

Татарское посольство располагалось в стороне от латинянского лагеря. Степняки стояли привычным куренем: войлочный шатер нойона в центре, вокруг, на небольшом удалении, кожаные палатки-майхамы нукеров. Только палатка Тимофея лепилась почти впритык к походному жилищу Бельгутая: толмач всегда должен находиться поблизости.

Дозоры несли как обычно – то есть как в дикой степи и как на вражеской территории – не особо полагаясь на гостеприимство латинян и обещанную императором неприкосновенность. Так что направлявшегося к куреню одинокого всадника бдительная стража заметила еще издали.

Когда молодой рыцарь с гладким мальчишеским лицом и вышитыми золотом на синей нагрудной накидке грозными львами приблизился к татарскому лагерю, Бельгутай и Тимофей уже ждали гостя перед шатром нойона. Тимофей вспомнил, что во время недавней аудиенции уже видел и это надменное лицо, и этих золоченых львов. Юный рыцарь состоял в свите Феодорлиха. Именно он едва не сорвал переговоры, схватившись за меч.

На нукеров, преградивших путь, всадник даже не взглянул. Гарцуя на горячем вороном жеребце, наездник прокричал по-немецки через головы стражников:

– Я барон Зигфрид фон Гебердорф! Послан его величеством!

Тимофей шепнул в ухо Бельгутаю:

– Говорит, что посланник от Феодорлиха.

Этот вечерний визит был неожиданным и странным. Бельгутай, однако, ничем не выказал ни удивления, ни тревоги и велел страже расступиться.

Фон Гебердорф подъехал ближе. Не сочтя нужным покидать седло, германец заговорил вновь, выпятив губу и свысока обращаясь одновременно к Бельгутаю и Тимофею:

– Его величество сегодня был восхищен смелостью ваших речей, но он полагает, что посланники хана Огадая храбры не только на словах.

Тимофей угрюмо смотрел на молодого рыцаря, однако не спешил переводить. Он пока не понимал, что нужно этому не по годам чванливому немцу.

– Его величество желает оказать вам честь и приглашает вас двоих, а также лучших воинов посольства принять участие в императорском турнире, – продолжал тот. – Турнир состоится сегодня в полночь, и его величество будет рад увидеть на ристалищном поле боевое искусство своих гостей. После этого переговоры продолжатся. Но, конечно, если… – губы германца скривились в глумливой ухмылке, – если доблестные татарские витязи предпочтут наблюдать за боями со стороны…

Фон Гебердорф так и не закончил фразы. Молокосос смотрел на них насмешливо и вызывающе.

Бельгутай окинул рыцаря холодным взглядом бесстрастных раскосых глаз. Затем повернулся к опешившему Тимофею.

– Тумфи, о чем говорит этот молодой воин и почему он так улыбается?

– Знаешь, Бельгутай, тут такое дело… – Тимофей озадаченно почесал в затылке. – В общем, на турнир нас кличут.

– То-ри-ни? – свел брови Бельгутай, с трудом проговаривая незнакомое слово. – Что такое торини, Тумфи?

– Забава такая ихняя латинянская. Ну… навроде наших кулачных боев, или ваших богатурских игрищ, только пышнее и красивше обставленная. Потешная брань, в которой все как в настоящей сече. Рыцари обряжаются в доспехи, вышибают друг дружку копьями из седел, а то, случается, мечами и палицами охаживают.

– Опасное состязание? – блеснули интересом щелочки узких глаз.

– Да как сказать… – пожал плечами Тимофей. – Убивать-то там особо не убивают, но бока мнут основательно. Хотя, случается, порой и калечат. Но это все равно никого не останавливает. Рыцари показывают в турнирах свое воинское мастерство и добывают славу, без которой им никуда. К тому же на турнирах есть своя выгода: конь и доспехи побежденного становятся трофеем победителя.

– Полезное занятие – турини, – одобрительно кивнул Бельгутай. – Сразу ясно, кто чего стоит в бою. Да и конь с доспехами лишними никогда не будут. Справедливо, что они достаются сильнейшему.

– Так-то оно так. – Тимофей покосился на молодого германца. – Но нас, видать, неспроста туда приглашают.

– В чем ты видишь хитрость, Тумфи? – насторожился татарин.

– Может быть, на самом деле никакого подвоха и нет. Но, насколько мне известно, в турнирах не дозволено участвовать тому, кто не имеет рыцарского звания. А нас с тобой в рыцари, кажись, не посвящали. И потом… Я что-то не слышал раньше о полуночных турнирах. Если Феодорлих так сильно меняет общепринятые правила, значит…

– Значит? – нахмурился нойон.

– Значит, ему это нужно, Бельгутай.

– Зачем? – Брови посла вовсе слились в сплошную темную линию над переносицей.

– А кто ж его, крысий потрох, разберет-то?! – пожал плечами Тимофей. Глянул исподлобья на фон Гебердорфа, добавил: – Хотя посланник Феодорлиха обмолвился, будто императору не терпится посмотреть на наше воинское искусство. То есть на ваше, я так понимаю, степняцкое, в первую очередь. Может, в этом и кроется причина. Смысл вроде бы есть. Если готовишься к войне, следует хорошо представлять, с каким противником придется иметь дело. А императору пока только понаслышке известно, как вы ведете себя в бою.

– Думаешь, стоит отказаться? – прищурился Бельгутай.

– Вообще-то этот немец, – Тимофей бросил еще один быстрый взгляд на фон Гебердорфа, нетерпеливо ерзающего в седле, – говорит, что переговоры продолжатся после турнира. Возможно, Феодорлих вовсе не пожелает вести их, пока собственными глазами не увидит, на что способны твои воины. В общем, тебе решать, что показывать латинянскому императору, а что нет.

Бельгутай ненадолго задумался. Спросил:

– Что бы ты сам посоветовал, Тумфи? Ты более сведущ в латинянских делах.

Мудрый посол никогда не пренебрегал чужими советами, и Тимофей снова поскреб в затылке, рассуждая вслух:

– Вовсе не идти на турнир – значит, прослыть трусами. Пойти и проиграть – лишний раз вдохновить латинян на войну и уверить их в победе. А победить самим – показать свою сноровку и привычную манеру боя. Такая победа может впоследствии дорого обойтись. Хотя победить на ристалищном поле по латинянским правилам будет непросто. Рыцари все-таки более привычны к турнирным боям, чем твои нукеры. Они на этих боях, почитай, с малолетства выросли… – Тимофей тряхнул головой. – Нет, Бельгутай, тут я тебе не советчик. Сам решай. Скажу одно: по рыцарским законам тот, кто отказывается от схватки, покрывает себя позором.

– Не только по рыцарским, – буркнул Бельгутай. – По нашим – тоже. Да и по вашим, уруским, наверное.

Тимофей развел рукам:

– Ну, в общем, да. И по нашим.

* * *

– Так что мне передать его величеству? – не выдержав, встрял в разговор германский рыцарь. – Вы выйдете на ристалищное поле или нет?

Бельгутай медлил с ответом. А Гебердорф не умолкал:

– Если вы опасаетесь лишиться лошадей и оружия, то знайте: в этой схватке имущество побежденных не достанется победителям. Его величество желает провести турнир не алчности, но доблести. Достойнейших и сильнейших он щедро вознаградит сам.

Губы Зигфрида фон Гебердорфа вновь изогнулись в глумливой улыбке.

– Или воины хана привыкли сражаться только издали – стрелами, выпущенными из луков, – а честного боя лицом к лицу избегают? Знаете, ходят у нас такие слухи. Если это действительно так, то, быть может, вы хотя бы примете участие в состязании стрелков? По окончании турнира свою меткость покажут лучшие лучники и арбалетчики императора. Правда, все они… – немец брезгливо поморщился. – Из простонародья они все. Благородных рыцарей среди стрелков мало. В основном слуги, крестьяне, горожане, да прочий сброд. Вы желаете соревноваться с чернью?

Молодой рыцарь скалился уже во весь рот. Тимофей с трудом сохранял на лице маску безразличия, ощущая в сжатых кулаках свирепый зуд. Да, непросто, совсем непросто состоять толмачом при посольстве.

– Что он говорит, Тумфи? – поторопил Бельгутай.

Тимофей вздохнул поглубже. Перевел слово в слово…

– Избегаем честного боя, значит? – процедил сквозь зубы нойон.

Тимофей неодобрительно покачал головой:

– Послушай, Бельгутай, немец специально нас с тобой задевает. Прямого вызова пока не бросает, но кому-то уж очень хочется вытащить нас на ристалище.

– Избегаем честного боя?.. – вновь почти ласково, но с недоброй улыбкой повторил ханский посол, словно и не слыша толмача. – Ответь-ка ему вот что, Тумфи…

Тимофей охотно перевел слова Бельгутая:

– А у нас, благородный Зигфрид, ходят слухи о том, что ваши рыцари из опасения получить рану, никогда не отправляются на битву, не обвешав себя железом со всех сторон. Говорят, что даже против пруссов, жмудинов и литвинов, вооруженных дубинками и каменными палицами и одетых в звериные шкуры, бесстрашные рыцари воюют только в броне. И на юге, говорят, они сражаются с легкой сарацинской конницей, не снимая лат. А еще, говорят, закованные в сталь рыцари не считают зазорным убивать и топтать конями бездоспешных пеших слуг своих противников. Вероятно, именно это и называется честным боем у благородного рыцарского сословия?

Тимофей с удовлетворением наблюдал, как насмешливая улыбка сходит с самодовольного лица мальчишки, и как лицо это вытягивается все сильнее и все отчетливее покрывается бледными пятнами.

Ай, Бельгутайка, ай, молодец! Славно отшил заносчивого юнца!

Фон Гебердорф, словно кулачный боец, получивший под дых, беззвучно хватал ртом воздух, не зная, что сказать и как ответить. Едва сдерживаемый гнев мешал германцу подобрать нужные слова. А Бельгутай продолжал – спокойно, невозмутимо, назидательно.

– В любой войне каждый из противников идет к победе своим путем, – переводил Тимофей речь татарского посла. – И либо приходит к ней, либо нет. Таково единственное правило войны. Единственное честное правило. А во всем прочем честных войн не было, нет и не будет. Это столь же очевидно, сколь сильно разнятся вооружение, количество и состав войск, крепости и осадные машины воюющих сторон, а также хитрости и уловки, используемые военачальниками. Если бы войны велись честно, благородный Зигфрид, их не возникало бы вовсе. Все споры решалась бы поединком царей, сражающихся на мечах или копьях одинаковой длины и прикрывающихся щитами одинакового размера. Только в нашем несовершенном мире все происходит иначе…

Молодой германец больше не улыбался. И, кажется, мало что понимал из сказанного. Ярость мешала ему должным образом вслушиваться в чужие слова и осмысливать их. Рыцарь метал ненавидящие взгляды то на Бельгутая, то на Тимофея.

– Вы выйдете на ристалище, господин посол? – наконец, хрипло выдавил он. – Вы, ваш толмач и ваши воины?

– Да, – неожиданно жестко и коротко ответил Бельгутай.

– Да, – перевел Тимофей.

Немец удовлетворенно кивнул:

– Я тоже там буду. И непременно постараюсь встретиться с кем-нибудь из вас.

Из татарского лагеря Зигфрид фон Гебердорф не выехал даже – вылетел стрелой. Унесся прочь с видом человека, которого оскорбили до глубины души и который жаждет скорейшего отмщения.

– Ты все-таки решил участвовать в турнире, Бельгутай? – Тимофей повернулся к послу.

– Решил, – кивнул тот. – Мы представляем Великого хана, и никто не должен упрекнуть его воинов в трусости. Мы можем проиграть, но отказаться от боя не можем. К тому же переговоры… Мне приказано продолжать их при любых условиях. Этот турини, как я понимаю, одно из условий императора. Ну а в том, что Феодорлих увидит меня и моих нукеров в деле, ничего страшного нет. Пусть смотрит. А мы, в свою очередь, посмотрим, на что способны в бою его рыцари. Что? Что ты на меня так уставился, Тумфи? Хочешь о чем-то спросить?

– Хочу. А других причин, побудивших тебя дать согласие, нет?

Бельгутай окинул его насмешливым взглядом:

– Тумфи, иногда ты пугаешь меня своей проницательностью. Есть, конечно. Мне нужно знать, зачем Хейдорх так хочет выманить нас на свое полуночное состязание, а, не выехав туда, я этого не узнаю. Кстати, тебя ведь тоже приглашали. Будешь драться?

– А то! – хмыкнул Тимофей. – Драться – оно дело нехитрое. Отчего ж не потешиться?

Тимофей покосился вслед удалившемуся Зигфриду. Кто знает, может, на ристалищном поле посчастливится проучить наглого юнца.

Глава 2

Эта безлунная ночь в закатной стране идзинов[5] ничем не отличалась от тех ночей, к которым привык и частью которых стал Итиро у себя на родине. Ночь была непроглядно-темной и вполне подходящей для того, чтобы при желании и определенном умении растворяться в ней быстро и бесследно.

Свой боевой посох со спрятанным внутри клинком Итиро прислонил к старому замшелому дереву. Затем сбросил с головы широкий островерхий куколь. Снял с груди символ чужого бога, состоящий из двух перекрещенных палочек. И, наконец, все сменное одеяние – камари-кимоно – бесшумно соскользнуло в траву.

Итиро был у цели, так что больше не нужно носить нелепый балахон идзинского монаха со специально проделанными прорезями, облегчавшими доступ к оружию. Ни к чему теперь скрывать под огромным капюшоном лицо, слишком, увы, приметное в краю бледнокожих широкоглазых чужеземцев. Незачем прятать в складках мешковатой одежды потаенное снаряжение воина-тени.

Потом, если все пройдет удачно, Итиро снова наденет сброшенный наряд, и под личиной комусо – странствующего монаха – вернется к колдовской Тропе, перенесшей его в эти земли. Однако в крепость, куда ему надлежало проникнуть сейчас, следовало отправляться в более привычном и удобном одеянии, в котором ничто не сковывает движений. И все – под рукой. И не хлопают предательски на ветру длинные полы и широкие рукава.

Неприступная, полная вооруженной стражи цитадель, огни которой уже виднелись из-за деревьев – это все-таки не мост через быструю речушку. Тот мост охранял лишь один идзинский самурай с несколькими слугами, да и то вполглаза. В крепости врагов будет больше, и службу свою они будут нести добросовестнее.

Скинув одну черную одежду, Итиро остался в другой, такой же черной. Под монашеской рясой на нем было синоби-сёдзоку – легкое, практичное и многократно проверенное одеяние воина-тени. Словно сотканная из ночи рубашка-увари, наброшенная сверху куртка-уваппари, широкие штаны-игабакама и пояс-додзиме. Нарукавники-тэкко и ножные обмотки-осимаке. Пустая (пока еще пустая, и потому плотно прилегающая к лопаткам) заспинная сумка-нагабукуро. Мягкие, с раздвоенным – для большого пальца – мыском туфли-варадзи из выделанной кожи и просмоленного холста, позволяющие двигаться тише подкрадывающейся к добыче кошки.

По многочисленным кармашкам, потаенным мешочкам и футлярчикам, спрятанным в одежде, аккуратно разложены полезные мелочи. Вокруг талии, поверх додзиме, обмотана кекецу-сеге – тонкая, но прочная, плетенная из неприметного в темноте черного конского волоса веревка с петлей на одном конце и метательным крюком-кинжалом – на другом. А чтобы полностью слиться с ночью, Итиро закрыл лицо еще более надежной, чем монашеский капюшон, маской-дзукином, состоящей из двух плотных матерчатых полос, между которыми оставалась лишь небольшая смотровая щель.

Теперь следовало проверить тайный меч сикоми-дзуэ. Итиро взял прислоненный к дереву посох. Чуть крутанув деревянную рукоять-цуко, извлек из укрепленных железными кольцами ножен-сая прямой и не очень длинный клинок. Затемненная, едва различимая в ночи сталь выскользнула быстро и бесшумно.

---

[5] *Идзин* – буквально «другой человек». В Японии – одно из старых названий иностранцев, употреблявшееся наряду с икокудзин («человек другой страны»), иходзин («человек с другой родины»). Широко распространенная ныне словоформа гайдзин, происходящая от гайкокудзин («человек из иной страны») вошла в употребление лишь в XIX веке.

Простенькая удлиненная рукоять, подходящая для одно- и двуручного боя, удобно лежала в ладони. Отличная балансировка позволяла наносить смертоносные удары одним лишь движением кисти. А прекрасной заточке клинка ничуть не повредила скоротечная стычка с идзинской мостовой стражей.

Итиро взмахнул мечом. Темный клинок рассек воздух без характерного свиста: сказывалось тщательно продуманная форма и отсутствие дола. Хорошее оружие. Правда, сикомидзуэ, в отличие от обычной синоби-гатана, не имел над рукоятью защитной квадратной цубы. Но иначе нельзя. Меча с массивной гардой в посохе не спрятать.

Итиро осмотрел железную насадку-кодзири на конце ножен. Пробка сидела надежно, и откручивалась легко. В пространстве между металлической заглушкой и острием клинка, вложенного в сая, оставалось пространство для футлярчика с отравленными иглами-хари. За широкие железные кольца на ножнах Итиро укрепил меч-посох в наспинной перевязи под сумкой-нагабукуро. Затем спрятал монашеский балахон и нагрудный крест в дупле огромного – в три обхвата – дерева.

Несколько медитативных упражнений на концентрацию внимания и пробуждение скрытой энергии ки… Все! Мокусэ ямэ[6]. Вот теперь он готов.

Итиро был не только первым сыном[7] в семье, о которой ничего не помнил и не знал, но и первым генином[8] в клане, выкупившем (а быть может, и выкравшим) его еще в младенчестве и заменившем ему семью. Семью суровую, жесткую, порой жестокую, но крепкую и надежную. Итиро был синоби-но мо – человеком, тайно проникающим и похищающим чужие секреты, Итиро был нин-ся – претерпевающим и выносящим лишения[9].

И этим было сказано всё.

Бесшумной тенью он выскользнул из леса на открытое пространство. Тень растворилась в невысокой траве. Тень сама стала травой.

* * *

В искусстве куса-гакурэ – маскировки в траве и кустах – Итиро не было равных в клане, а потому к идзинской крепости он подполз столь же быстро, сколь и скрытно.

Вблизи цитадель местного тэнно-сегуна, императора-военачальника, выглядела еще более внушительной, чем издали. Идзинский замок не был похож на те, что Итиро доводилось видеть у себя на родине. Конечно, вовсе уж неожиданным это зрелище для него не оказалось. После стычки на мосту и безмолвного допроса чужеземного самурая, открывшего ему свою память, Итиро представлял, с чем придется столкнуться.

И все же…

Все же свои глаза видят иначе, чем другие.

Крепость была выстроена на удобном каменистом возвышении и словно срослась с ним. Высокие зубчатые стены, сложенные из темных каменных глыб. Выступающие за линию стен массивные башни с частыми бойницами. Неприступные ворота, прикрытые огромным подъемным мостом на толстых цепях. Широкий ров, заполненный стоялой водой. Вал, грозно щетинившийся заостренными кольями. Даже большому войску было бы непросто взять штурмом эту твердыню. Да и не всякий синоби смог бы незаметно проникнуть внутрь.

---

[6] Команда к окончанию медитации.

[7] Японское имя Итиро переводится как «первый сын».

[8] *Генин* – низшая ступень в иерархии ниндзя. Именно генины являлись непосредственными исполнителями тайных поручений.

[9] Имеются в виду два разных прочтения одних и тех же иероглифов.

Наверху часто горели костры и факелы. Кое-где огни освещали нижние бойницы. По каждому пролету стен прохаживалось несколько воинов. Стража была выставлена и на башенных площадках. Фигуры наблюдателей отчетливо выделялись между крепостных зубцов. Время от времени кто-нибудь из воинов, подняв факел над головой, перегибался через ограждение и вглядывался во мрак у подножия стен.

Вооружение этих идзинов оказалось столь же необычным, как и оружие мостовой стражи, перебитой Итиро. Одни воины опирались на короткие копья-яри со странными ромбовидными или узкими гранеными наконечниками. Другие держали топоры, отдаленно напоминавшие секиры-оно. В руках у третьих были диковинные боевые дубинки-дзе с шипастыми железными набалдашниками. Идзинские мечи – прямые, обоюдоострые, с плоской крестовидной гардой – не походили ни на самурайские гатана, ни на клинки синоби.

Крепость также охраняли стрелки с укороченными луками, смахивавшими на хонкю[10], только более толстыми и мощными, укрепленными на деревянных ложах и оплетенными веревками. Именно из такой метательной машины чуть не подстрелили Итиро во время боя на мосту.

Были, впрочем, на стенах и обычные лучники. Однако их луки сильно отличались от длинных юми[11], изготавливаемых из дерева и бамбука с таким расчетом, чтобы нижний конец оказался в два раза короче верхнего. Луки чужеземцев были поменьше и попроще и вряд ли способны были метать стрелы-юмия, превышавшие в длину десять ладоней.

Идзинские воины носили рубахи, плетенные из железных колец. Больше всего такой доспех походил на кольчужные кусари-катабира, не покрытые черным лаком и не нашитые на ткань, но выглядел при этом внушительнее, тяжелее и прочнее. Некоторые стражники были облачены также в непривычные глазу Итиро кожаные и металлические панцири, представлявшие собой безумную помесь до-мару, харамаки, кикко, татами-до и кодзан-до[12] и в то же время не похожие ни на один из них.

Идзинские треугольные и квадратные щиты были не столь велики и тяжелы, как огромные татэ, защищавшие на родине Итиро пеших воинов от стрел противника, а потому крепостная стража могла носить их с собой, навесив на левую руку. Шлемы (самых разных конструкций, от маленьких железных шапочек, до несуразных металлических ведер с узкими прорезями для глаз) тоже имели мало общего как с касками-дзингаса, защищавшими головы легкой пехоты-асигару, так и с самурайскими кабуто.

Взгляд Итиро скользнул с гребня крепостной стены вниз – на ров. Это было первое препятствие, через которое проще всего перебраться вплавь. Но – мокрая одежда, мокрые следы… Слишком заметно, слишком опасно.

Нет, оставлять следы не годится.

Итиро глянул вправо, влево… Отточенное долгими тренировками зрение не подвело. Слева, у внешней кромки рва, он заметил широкий деревянный помост на крепких сваях. Видимо, на эту мощную подпорку днем опускается подъемный мост. Ну а ночью… Итиро улыбнулся: этой ночью деревянная конструкция послужит ему.

Свет крепостных факелов сюда не доставал, а разбитая копытами и тележными колесами дорога, ведущая к мосту, вся аж бугрилась от выбоин, колдобин и ухабов. На дороге, правда, не росла трава, но разве внимание стражи привлечет еще одна темная кочка на обочине, в которую обратит свое маленькое тело Итиро?

---

[10] *Короткий* – около пятидесяти сантиметров – японский лук, используемый обычно для метания на небольшие расстояния отравленных стрел и часто применявшийся ниндзя.

[11] *Большой* – до двухсотпятидесяти сантиметров – асимметричный японский лук, использовавшийся самураями и аристократами.

[12] Разновидность японских доспехов, большей частью пластинчатого типа.

Он снял с пояса сдвоенный крюк-кинжал, отмотал веревочный хвост. Прикинул расстояние… Длины веревки недостаточно, чтобы добросить кекецу-сеге до верхнего края поднятого моста или до бойницы в каменной стене. Но так далеко бросать и не нужно. Во-о-он те колья на валу подступают к самому проему под мостом и словно специально поставлены для того, чтобы цеплять за них крюки.

Бросок…

Темный кинжал с загнутым лезвием-крюком мелькнул в воздухе. Следом зазмеилась неразличимая в ночи черная веревка. Кекецу-сеге перелетел через частокол. Упал на вал, не потревожив тишину стуком о дерево. Бесшумно скользнул по земляной насыпи.

Итиро потянул веревку на себя. Клюв раздвоенного кинжала зацепился между двух кольев на той стороне рва. Теперь следовало закрепить веревку на этой…

Сжавшись в комок, Итиро притаился у обочины дороги. По способу перепелки – удзуро-гокурэ – прикинулся маленьким бугорком возле деревянного помоста. Только у этой новой неприметной и неподвижной вроде бы кочки имелись руки. И руки эти ловко вязали на свае-подпорке хитрый узел. Такой узел будет держать крепко, пока имеется натяжение, но ослабнет и опадет, как только веревка провиснет.

Невидимая прочная нить протянулась над рвом, как тетива лука. Итиро выждал немного и, убедившись, что со стен в его сторону никто не смотрит, скользнул с обрывистой кромки. Он не потревожил ни единого камешка, не уронил в воду ни комочка земли. Неподвижная «кочка» словно перелетела через ров. Вряд ли обычный человеческий глаз способен был разглядеть в ночи быстрое движение размытой тени на фоне черной воды.

Не задерживаясь ни на миг, Итиро перемахнул через заостренные бревна на валу. Оказавшись за частоколом, он отцепил впившийся в дерево крюк кекецу-сеге, ослабил веревку и резко дернул расползающийся узел. Прежде чем соскользнувший с деревянного помоста веревочный конец коснулся воды, Итиро вырвал веревку из рва.

Можно было двигаться дальше.

* * *

Забрасывать кекецу-сеге на стену Итиро не стал. Слишком высоко. Да и рискованно к тому же: стража, прохаживающаяся по боевым площадкам, может услышать стук металла о камень и заметить темный крюк в освещенной бойнице. Подниматься наверх следовало другим способом.

Итиро вновь обмотал веревку вокруг пояса и вытащил из боковых кармашков крюкастые железные перчатки. «Кошачьи лапы» – сюко – значительно облегчали подъем как по деревянным, так и по каменным стенам. А если к ним добавить еще и асико – шипастые накладки для ног… Итиро добавил. Затянул, привязал к обуви намертво.

Готово. С таким снаряжением он мог цепляться за малейшие щели в кладке. А щелей в стене было немало. Особенно в скальном основании крепости, выступавшем из земли. Да и дальше, выше… Большие, грубо отесанные темные глыбы прилегали друг к другу неплотно, раствор, скреплявший плиты, во многих местах выкрошился. Нетренированному человеку без лестницы или веревок эту преграду, конечно, не преодолеть, но опытному синоби такое вполне по силам.

Распластавшись по стене, Итиро начал неторопливый подъем.

Черная фигура, сливающаяся с темным камнем и безлунной ночью, была столь же неразличима на неровной вертикальной поверхности, как и на земле. Дважды из-за крепостных зубцов, справа и слева, выглядывали стражники с факелами, но идзины не заметили ничего подозрительного. Итиро преодолел уже половину пути, когда вынесенный за стену огонь вдруг вспыхнул в третий раз – над самой головой.

Треск. Шипение. Жгучие брызги…

Смоляные капли, слетевшие с факела, окропили ткань маски и куртку, потекли за ворот. По шее словно провели раскаленной проволокой.

Итиро не вскрикнул, не дернулся, не сорвался вниз. Он ничем себя не выдал. Его достаточно долго учили терпеть боль. Вернее, не чувствовать ее в полной мере. Пока над головой трещал факел, Итиро прильнул… прилип… слился с кладкой. Сам стал подобен ей. Щекой, руками, ногами, всем телом – сквозь одежду – он ощущал холод шершавого камня и растворялся в нем.

Граница света и тени проходила у самой макушки Итиро и лишь спасительное иморигакурэ – умение незаметно лазить по скалам, подобно тритону – уберегло синоби от идзинского взгляда.

Факел убрали. Смоляная капель прекратилась.

Итиро бесшумно выдохнул. Медленно вдохнул и выдохнул снова, восстанавливая дыхание, возвращая чувствительность онемевшим, ОКАМЕНЕВШИМ членам. Затем оторвался от камня и продолжил подъем.

Он все рассчитал правильно. Легко протиснулся в узкий проем между крепостными зубцами, стремительной тенью скользнул по боевой площадке, пока дежурившие на ней стражники расходились в разные стороны. Перемахнул через невысокую деревянную оградку и повис уже на внутренней стороне стены.

Здесь стены оказались не столь высоки, как снаружи: скалистое основание, как выяснилось, являлось не только фундаментом для внешних укреплений, но и приподнимало весь замок. К тому же под ногами темнела плоская крыша. Однако прыгать вниз Итиро не решился. Сколь бы мягко и удачно он ни приземлился, звук падения все же насторожит часовых. А висеть на руках Итиро умел часами. Тем более – на стальных когтях-сюко, надетых на руки.

Он подождал, пока по дощатому настилу над головой вновь простучат сапоги стражи. Затем, все так же удерживая тело на весу и не привлекая внимание воинов, расхаживавших сверху, перебрался к деревянной лестнице справа. Спускаться по ступенькам Итиро, правда, тоже не рискнул: доверия они ему не внушали. Ненадежные ступени могли скрипнуть под ногой в самый неподходящий момент. Вниз Итиро скользнул по толстому опорному столбу.

Очутившись под лестницей, он внимательно осмотрел двор – тесный, грязный, плотно застроенный конюшнями, мастерскими, амбарами, складами и жилыми помещениями для воинов и прислуги. В некоторых окнах горел свет, откуда-то доносились приглушенные голоса, но сам двор был темным и безлюдным.

Да, тот идзинский самурай из мостовой стражи, что раскрыл ему план замка, воссоздал в памяти все правильно. Крепостной двор располагался между внешней – неприступной на вид, но уже преодоленной Итиро – стеной и не менее внушительной внутренней цитаделью, крепостью-в-крепости, в самом центре которой возвышалась главная замковая башня – огромная, высокая, округлая. К этой башне вели несколько галерей и на них, увы, тоже хватало вооруженных воинов и факельного света. Да и на верхней площадке башни горели огни и маячили тени дозорных.

Итиро снял железные когти с рук и шипы с ног. Укрываясь в тени, осторожно двинулся к внутренней цитадели. Но не успел пройти и половины пути, как вдруг…

Итиро замер на полушаге и оборвал дыхание на полувздохе. Совсем рядом – за углом – стукнула распахнутая дверь. Из низенького домика с каменными стенами и соломенной крышей вышли, позвякивая железом, двое вооруженных людей. Он их пока не видел, только слышал. По звуку и определил, что двое, что вооружены и что оба находятся на расстоянии вытянутой руки с мечом…

Прижавшись к стене, Итиро поднял правую ладонь. Нащупал над плечом рукоять сикоми-дзуэ. Пальцы сомкнулись вокруг теплого дерева, чуть провернули меч. Теперь можно, вырвав клинок из ножен, сразу же и ударить. Если придется убивать, то сделать это нужно быстро и, по возможности, незаметно. Но лучше бы не…

Не пришлось!

Бряцая доспехами, сонные идзины пробрели мимо, не заметив чужака. Железные рубахи, низко надвинутые шлемы с широкими полями, копья… Один едва не коснулся руки Итиро, согнутой в локте.

Воины пересекли двор и скрылись в небольшой каморке у крепостных ворот. Итиро убрал вспотевшую ладонь с рукояти меча, подавив вздох облегчения. Легкие он наполнял постепенно – мелкими глотками. И на каждый глоточек – маленький пружинистый шажок. Назад, прочь от опасной двери. Итиро отступил вовремя: у ворот показалась еще пара идзинов. Эти следовали уже в обратном направлении – туда, где только что стоял Итиро. И эти шли с факелом.

«Привратная стража, – догадался он, – меняются».

На всякий случай Итиро отступил от факельного света в приоткрытую дверь конюшни. И – новый звук, совсем рядом! Рука вновь дернулась к мечу. Но нет, на этот раз ничего страшного. Всхрапнула лошадь. Лошадь не опасна. Хорошо, что в этой части замка нет псарни. Судя по тому, что Итиро узнал от охранявшего мост идзина, собак держали на противоположной стороне крепости – за внутренней цитаделью. А ветер сейчас как раз дул оттуда. Псы не должны почуять Итиро.

Псы – нет, но что ЭТО?!

В углу конюшни ворохнулось свежее, неподсохшее еще сено. Итиро оценил ситуацию мгновенно. На небольшом – ему по пояс – стожке, под грубой рогожей – два тела. Обнаженные. Мужское и женское. Все ясно. Слуга какого-то самурая уединился с девицей из замковой челяди в укромном уголке. Не повезло…

Любовники уже выпростались из-под грязной тряпки, вертят головами и растерянно хлопают глазами. Слабые отблески факела с улицы едва-едва пробивались сквозь щели в дощатых стенах конюшни. Света мало, но и темнота – не кромешная.

Заметили его? Не успели? Успели… Два бледных лица повернулись к Итиро. Проклятье! Так бывает всегда: сложнее всего укрыться от того, кто таится сам.

Да, точно заметили! Вон, глаза – распахнуты во всю ширь (до чего же все-таки они широки у идзинов!) И уже разинуты рты…

Закричат! Даже если захотят не кричать – все равно закричат. Страх, проникший в души тайных любовников, сейчас сильнее, чем нежелание привлекать к себе внимание.

Но синоби быстрее страха.

Тело Итиро уже делало то, что должно было делать. Само, без вмешательства разума.

Прыжок. И заученное движение в прыжке. Рука – к плечу. Клинок – из-за плеча. Рывок оружия из заспинных ножен, оказавшийся одновременно и стремительным взмахом.

Мягкое приземление на пружинящее травяное ложе, в изголовье перепуганных любовников.

Удар с резким оттягом на себя… Один удар на двоих.

Темная полоска стали отсекла-срезала головы обоим. Быстро, почти бесшумно. Вскрикнуть идзины так и не успели – ни он, ни она. Два шара с человеческими лицами, брызжущие кровью и облепленные пыльной травой, скатились с невысокой пахучей подстилки. Голые обезглавленные тела дернулись под грубым полуоткинутым одеялом. Густые потеки, казавшиеся в полумраке конюшни черными, медленно стекали по стожку.

Встревоженно захрипел конь в стойле, но этот шум не привлек ничьего внимания. Когда стражники с факелом, наконец, ушли, Итиро забросал сеном тела и головы убитых и

наспех присыпал сухой травой кровавые пятна. Вряд ли кто-то заглянет сюда до рассвета, но все равно осторожность не помешает. Чем позже найдут этих мертвецов – тем лучше.

Итиро вышел из конюшни не очень довольный собой. Первая кровь пролилась прежде, чем он добрался до заветной башни.

* * *

Ворота внутренней цитадели тоже были запертыми и находились под бдительным присмотром сверху. Но Итиро ворота не нужны. Укрываясь в тени хозяйственных и жилых построек, прячась за телегами и неубранным хламом, он продвигался вдоль стен, пока не достиг угловой башни крепости-в-крепости.

Башенка вполне подходила для задуманного. Ее верхние ярусы, расширяясь, выступали над нижними этажами полукольцом зияющих навесных бойниц. К тому же эта угловая башня, если верить информации, выуженной из памяти идзинского самурая, соединялась переходной галереей с главной замковой башней.

Снова в ход пошли когтистые железные перчатки и ножные накладки, значительно облегчавшие подъем. Снова темная фигура синоби слилась с темным камнем. Снова Итиро карабкался наверх.

Не задерживаясь, он пробрался между узкими – увы, слишком узкими – бойницами второго этажа. Добрался до третьего, где башню окаймлял выступ вынесенных наружу боевых площадок, и над землей нависали широкие амбразуры, предназначавшиеся для уничтожения врага под самыми стенами. Из таких бойниц можно было не только метать стрелы и копья, но и бросать камни или лить кипяток. Конечно, обычный человек не смог бы протиснуться снизу в такое отверстие.

Итиро – смог.

Повиснув под бойницей, он долго прислушивался. И, лишь убедившись, что на башенной площадке нет стражи, заглянул внутрь. Внутри было темно и тихо. Итиро просунул правую руку, надежно зацепившись шипами сюко за внутренний край бойницы. Затем втиснул правое плечо. Голову…

Левое плечо не пролезало. Пришлось, стиснув зубы, дернуться всем телом, выламывая суставы. Процедура болезненная, но привычная. Нужно было просто знать, как вынимать кость из суставной сумки. Итиро знал. И знал, и – благодаря долгим годам изнурительных тренировок – умел. К тому же он мог не чувствовать боли, когда боль мешала. Ну, почти не чувствовать…

Прикусив губу, Итиро вполз… втянул ноющее тело в бойницу. Вправил вывихнутые суставы, снял сюко и асико.

Он оказался в галерее, опоясывавшей башню. Здесь все было подготовлено к тому, чтобы без промедления дать отпор врагу. У стен стояли идзинские луки и самострелы с натянутыми тетивами. Из ниш торчали охапки стрел. Над бойницами громоздились пирамидки камней и висели на треногах медные котлы. Котлы уже были наполнены водой и смолой. Рядом лежали дрова и сухая растопка.

Единственная дверь имела лишь внутренний засов – видимо, для того, чтобы держать оборону до конца, даже если башня будет захвачена. Дверь выводила на темную и узкую винтовую лестницу, ступени которой уходили вверх и вниз. Итиро поморщился. Нехорошее место. Неудобное. Тесно. Мало пространства для маневра. Нет спасительных углов. Одна только закручивающаяся вокруг каменного основания ступенчатая спираль. Темно, но если кто-нибудь войдет сюда с факелом, спрятаться будет негде. И не видно, что происходит впереди и что сзади. А еще – двери по правую руку, и каждая может распахнуться в любой момент.

Что ж, чем скорее он преодолеет опасный участок, тем лучше. Сейчас нужно было подняться наверх, к переходу в главную башню замка. Мягкие кожаные туфли-варадзи бесшумно ступали по лестнице, отмеривая один виток, другой… И – вдруг – шаги! Громкие, уверенные, хозяйские. Вниз, навстречу Итиро, спускались два или три идзина. Точно определить сложно – мешает непривычное эхо.

Итиро толкнул первую попавшуюся дверь.

Заперто.

Вторую…

Открыто. Но, чуть приоткрыв, он тут же затворил ее снова. Дверь выходила на стену внутренней цитадели – ярко освещенную факелами и находившуюся под присмотром стражников. Нет, туда сейчас соваться нельзя.

Что остается? Отходить вниз, уступая дорогу спускающимся идзинам? Но как далеко отходить и как долго? И не загонят ли его те, кто наверху, к какому-нибудь нижнему посту? Тогда придется иметь дело с врагом, атакующим с двух сторон сразу. И тогда вряд ли удастся умертвить всех быстро и бесшумно.

Драться здесь? Тоже рискованно. Тела, кровь… Если кто-то еще пройдет по лестнице, то непременно заметит следы стычки. Тревогу поднимут раньше времени.

Был, впрочем, один способ уклониться от нежелательного боя. Не очень надежный, но попытаться стоило. Лестничный проход здесь достаточно узок, чтобы удерживать, словно палку-распорку, даже его, Итиро, маленькое тело, а значит…

Раз, два… Руки уперты в одну стену, а ноги – в другую. Итиро вскарабкался-взбежал к выступам на потолке, которые тоже являлись частью винтовой лестницы. Замер в горизонтальном положении, напрягшись так, будто пытался раздвинуть башенную кладку ладонями и ступнями. Итиро приготовился в любой момент обрушиться на головы идзинов. Если без этого уже не обойтись.

Ребристый потолок был невысоким и одного-единственного взгляда, брошенного наверх, хватило бы, чтобы обнаружить спрятавшегося человека. Но люди, спускающиеся по лестнице, редко поднимают головы. Обычно люди на лестницах смотрят себе под ноги.

Двое воинов (все-таки их было только двое) прошли мимо, так ничего и не заметив. Факел едва не задел куртку Итиро, провисшую под тяжестью набитых карманов. Жар от трескучего пламени ударил в лицо, и пришлось зажмурить глаза.

Потом свет исчез. Шаги стихли. Где-то внизу громко хлопнула дверь. Возвращаться наверх идзины вроде бы пока не собирались. Итиро перевел дух и, расслабив мышцы, соскользнул на ступени.

Его подъем закончился на широкой площадке с двумя нишами-бойницами, горящим факелом на стене и массивной низенькой дверцей напротив лестницы. У двери стоял еще один стражник в рубашке из железных колец и в островерхом клепаном шлеме. На поясе идзинского воина висел меч, а глаза стража – вот ведь незадача! – всматривались в полумрак лестничного прохода как раз в тот момент, когда Итиро выходил из-за изгиба каменной кладки.

Проклятый идзин не дремал. Видимо, уловив смутное движение, стражник подался вперед, неуверенно окликнул шевельнувшуюся тьму и сразу же потянул из ножен меч, открывая рот для нового крика.

Все! Здесь уже не пройти незамеченным, не отступить назад и не избежать схватки. И мечом на таком расстоянии противника не утихомиришь.

Пароля-отклика Итиро, разумеется, не знал. Как и языка идзинов, а потому ответил иначе. Молча, быстро и безжалостно. Рванул из нарукавного кармашка заостренную с обоих концов металлическую палочку-хасидзе…

Полуоборот. Бросок, в который вложена вся сила руки. Хорошо сбалансированный бодзе-сюрикен, крутнувшись в воздухе, ударил точно в раззявленный рот. Небольшой – в длину ладони – дротик почти целиком вошел между двух рядов крупных желтых зубов. Пригвоздил язык к гортани, перебил связку позвоночника с мозгом. А это – конец. Паралич и практически мгновенная смерть.

Крик, уже готовый сорваться с уст часового, был вбит обратно. Тишину нарушил лишь приглушенный хрип, бульканье… Идзин повалился на лестницу головой вперед.

Итиро вовремя подскочил к нему. Поддержал тело. Подхватил падающий с головы шлем. Да, шлем – это главное. Если бы железка покатилась вниз по ступеням, грохоту было бы на всю крепость.

Он аккуратно уложил подрагивающего мелкой дрожью стражника на пол. На то, чтобы вынуть метательную палочку из раны и обтереть кровь о штаны убитого, времени ушло немногим больше, чем на убийство.

Плохо. Очень плохо! Этот труп никуда не спрячешь. Значит, теперь действовать нужно еще быстрее, чем прежде.

* * *

Дверь, которую охранял идзинский воин, была запертой, и у мертвого стража ключа не оказалось. Зато на уровне груди в толстых досках имелось небольшое, с кулак, прямоугольное отверстие. Не то смотровое окошко – чтобы видеть, кого впускать, не то бойница – чтобы остановить на пороге того, кого впускать не следовало. Через прорезь можно было разглядеть часть крытой галереи, ведущей к главной замковой башне. Длинный и широкий коридор освещала пара факелов в массивных подставках. В стенах зияли бойницы, между которыми прохаживался еще один стражник. Время от времени он поглядывал вниз.

Итиро осмотрел дверной замок. Незнакомая, но в общем-то несложная конструкция. Если немного повозиться – открыть можно. Специальный инструмент синоби – связка буравчиков, миниатюрных ломиков, крючков и крючочков, изогнутых под разными углами, заменяли Итиро любой, ну или почти любой ключ. Но в том-то и дело, что повозиться все-таки придется. И вовсе без шума не обойтись. Идзин с той стороны двери непременно услышит скрежет взламываемого запора. Значит, для начала следовало убрать идзина. Прямо через запертую дверь и убрать.

Окликнуть? Привлечь внимание? Заставить подойти к двери и проткнуть мечом через смотровое окошко? Нет… Неизвестно, как поведет себя стражник, если заподозрит неладное. Вполне возможно, что не станет приближаться к двери, а сразу поднимет тревогу.

Проще всего было бы достать идзинского воина отравленной стрелой из хонкю. Но ни лука, ни стрел под рукой нет. Зато есть кое-что другое. Итиро снял с наспинной перевязи меч-посох. Вынул и отложил в сторону клинок. Сейчас ему нужен не сикоми-дзуэ, а ножны-сая из-под него. И маленький деревянный футлярчик, вложенный внутрь.

Руки проворно выполняли привычную работу. Раз – и с ножен скручено навершие-кадзири. Два – вынута и открыта миниатюрная коробочка с тремя иглами-хари.

Сами иглы – короче мизинца, прямые и тонкие, как сосновая хвоя. Под острием каждой имеется небольшая бумажная коническая пробка, позволяющая плотно вогнать иглу в отверстие сая и стабилизирующая ее полет. Острые наконечники хари покрыты смертельным ядом из сока тарикобуто, усиленного к тому же особыми тайными добавками, которые известны лишь дзенину клана. Такая отравленная «заноза» не летит далеко, не бьет сильно и не протыкает глубоко. Но уж если воткнется, то убивает наповал.

Итиро аккуратно, стараясь случайно не коснуться опасного острия, вставил иглу в узкую прорезь на конце – нет, не ножен уже – духовой трубки-фукибари, в которую теперь

превратились ножны. Просунув оружие в окошко двери, он замер, унимая стук сердца. Фукибари-дзюцу – тонкое искусство. Даже толчок крови может помешать точно метнуть ядовитый шип. Да и идзина следовало подпустить так близко, насколько это возможно.

Вот! Сейчас!

Идзин подошел. Идзин стоит в каких-то четырех-пяти шагах от двери и хорошо освещен факельным огнем. Стражник смотрит в ближайшую правую бойницу, подставляя правый же бок. Этот воин тоже одет в железную рубаху из мелких колец, под которой угадывается толстый стеганый поддоспешник. Но ворот рубахи расстегнут, кольчужный капюшон сброшен на спину, а широкими полями шлема прикрыты только уши. Ниже – на шее – беззащитно белеет кожа и пульсирует жилка.

Да, сейчас, именно сейчас! И именно туда!

Итиро набрал в грудь побольше воздуха. Дунул сильно и резко.

Идзин вскинул руку к мочке правого уха. Потом вдруг дернулся всем телом. Пошатнулся. Отступил на слабеющих ногах от бойницы. И еще на шаг. Открыл рот, издав тихий невнятный хрип. Повалился на пол… На этот раз поддержать падающего было некому, но звук падения, запертый в крытой галерее, не вырвался наружу и никого не встревожил.

После недолгих конвульсий стражник затих. Видно было, как из перекошенного рта сочится струйка белесой слюны. Яд тарикобуто действовал, как всегда, быстро и безотказно.

Духовая трубка вновь стала ножнами, меч-посох занял свое место в наспинной перевязи. Как и предполагал Итиро, дверь удалось отпереть без особых затруднений. Он вошел в галерею. Осторожно вынул из шеи мертвеца иглу. Таково старое доброе право синоби: чем меньше остается следов, тем лучше.

Итиро обшарил труп. Никаких ключей не было и у этого идзина. Что ж, очень умно… Расставить у запертых дверей вооруженную стражу, способную при необходимости дать отпор, но не имеющую возможности открыть запоры.

Он прошел до конца галереи. Уткнулся в еще одну запертую дверь – маленькую, тяжелую, обитую железными полосами, без смотрового окошка. Это был вход в главную замковую башню.

Приложив ухо к щели у косяка, Итиро долго и напряженно прислушивался. В башне тихонько подвывали сквозняки, но ни шагов, ни позвякивания металла, ни человеческого дыхания он не услышал.

Отмычки и буравчики не подвели и на этот раз. Щелкнул взломанный замок. Дверь со скрипом отворилась. Тишина, темнота… Итиро вновь ступил на винтовую лестницу.

Закручивающиеся спиралью ступени вывели его на верхний ярус башни – в широкий, но короткий изогнутый коридор. Проход заканчивался деревянной лестницей, поднимавшейся к квадратному люку наружной смотровой площадки. Правая часть коридора представляла собой толстую внешнюю стену, в которой зияли глубокие ниши бойниц. Слева располагалась очередная дверь. Судя по всему – тоже запертая. Именно за ней должно храниться то, ради чего Итиро пробрался в крепость.

По обе стороны от двери горели факелы. Перед дверью прохаживался стражник с длинным обнаженным мечом. Итиро, уже наученный горьким опытом, а потому передвигавшийся крайне осторожно, увидел идзина прежде, чем тот заметил его.

Страж был закован в железо с ног до головы. Поверх кольчужной рубахи – нагрудник из металлических пластин, стальные наручи и поножи. На голове – островерхий шлем с опущенным на лицо забралом, напоминавшем защитные маски-хоатэ дорогих кабуто[13]. Видимо, здесь нес службу знатный самурай.

[13] *Кабуто* – самурайский шлем.

Выждав момент, когда страж отвернулся, Итиро стремительно и беззвучно преодолел разделявшее их расстояние. Когда идзин повернулся снова, Итиро уже стоял перед ним с занесенным мечом.

Темная фигура, выросшая из ниоткуда, и мелькнувшая в свете факелов темная полоска стали оказались последним, что увидел в своей жизни идзинский самурай. Молниеносный удар пришелся под нижний край железного забрала – туда, где шею прикрывала лишь кольчужная сетка. Острие сикоми-дзуэ пропороло кольчугу и рассекло глотку стражника.

Итиро помог хрипящему идзину медленно и без лишнего шума сползти по стене. Теперь можно было заняться дверью. Последней дверью на его пути.

Ничуть не удивившись тому, что ключей не оказалось и у этого стража, Итиро снова взялся за отмычки. Сверху, с наружной смотровой площадки, доносился свист ветра и обрывки чьей-то неторопливой беседы. За дверью было тихо. Вроде бы…

С этим замком пришлось повозиться дольше, чем с предыдущими, но и он, в конце концов, поддался умелым рукам синоби. Итиро вошел в дверь.

Да, все верно… В просторной, округлой комнате не было ни одной живой души. И – ни единого окошка, ни бойницы. Только тяжелые расшитые полотнища свисали вдоль стен. В самом центре – небольшой деревянный помост. На возвышении – серебряная подставка с тремя изогнутыми ножками. А горящие бронзовые светильники, установленные по краям помоста, освещают…

Освещают…

Итиро замер от восторга, наблюдая, как трепещущие огоньки масляных лампадок преломляются в прозрачном, словно отлитом из чистейшего льда, кристалле-коконе, уложенном на треногу. По форме кристалл напоминал яйцо огромной птицы, по сути – драгоценную раку. Его широкие грани были помечены истертыми молочно-белыми знаками, недоступными пониманию непосвященных. А под ними, под неведомыми иероглифами, в гладкую толстую оболочку кокона была вмурована маленькая черная, как уголь, рука. Высохшая. Костлявая. Согнутая в локте. С чистым, ровным срезом на плечевом суставе.

Сухая кожа обтягивала мумифицированную конечность, не скрывая, а лишь подчеркивая очертания выпирающих суставов и суставчиков. Тонкие и длинные – невероятно длинные – скрюченные пальцы как будто стремились сомкнуться на горле невидимого врага. Ногти, больше смахивающие на звериные когти, словно пытались выцарапаться из прозрачного саркофага.

Вне всякого сомнения, это была та самая Кость, за которой пришел Итиро. Черная Кость.

Глава 3

По воле Феодорлиха, являвшегося единственным распорядителем и судьей императорского турнира, ханским послам надлежало открыть ристалищные игрища и сразиться с немецкими рыцарями в первом же бою. Уговорились на групповую схватку-бухурт. Причем император пожелал непременно увидеть конную сшибку на копьях – гештех, в котором германцы были особенно сильны. Правила оказались простыми, даже, как счел Тимофей, подозрительно простыми. Каждая сторона выставляла десяток воинов в тяжелом боевом доспехе и с привычным вооружением. Условие только одно: копья должны быть тупыми.

Послам пришлось снять боевые наконечники, превратив копья в обычные палки. Немцы же украсили свое оружие увесистыми набалдашниками, смахивавшими на ослиные копыта. Коронели – так называли их латиняне. Пробить подобным навершием щит или латы противника не представлялось возможным, зато, благодаря расширенной форме, турнирный наконечник не соскальзывал с доспехов и давал во время сшибки определенные преимущества.

Возле императорского шатра расчистили и утоптали ровное, подходящее для конной стычки поле. Однако достаточно просторным для полноценной схватки двух десятков всадников оно все же не было. Сильно вытянутое в длину, но стиснутое по бокам ристалище позволяло противникам лишь разогнаться как следует и съехаться в лобовой таранной сшибке. А вот обходного маневра, внезапного охвата и сокрушительного флангового удара, излюбленного татарами, здесь уже не совершить. Поле изначально готовилось для боя, к которому привыкли рыцари, а не степняки.

Границы ристалища обозначили горящими факелами. Огни горели ярко и часто. Трибун, скамей и навесов для зрителей не возводили, только у входа в императорский шатер стояло походное кресло-трон Феодорлиха. Прекрасных дам не было. Пышно разодетых герольдов – тоже. Молчали трубы. Не развевались над полем знамена. Не звучали долгие торжественные речи. Никто не брал и не давал клятв честного боя, никто не проверял доспехи бойцов, никто не мерил длину копий и не сравнивал щиты.

Тимофея не покидало нехорошее предчувствие. Во время былых странствий ему доводилось бывать на подобных состязаниях, но ни одно из них не походило на этот странный турнир.

– Слышь, Бельгутай, – шепнул он ханскому послу возле ристалища. – Здесь что-то не так. Точно тебе говорю.

– Охотно верю, – согласился нойон. На лице татарина не дрогнул ни один мускул. – Я уже принял меры, Тумфи.

– Меры? – насторожился Тимофей. – Какие меры?

– Какие мог. Так, на всякий случай…

– Ты не доверяешь мне? Настолько не доверяешь?

Степняк усмехнулся. Отмолчался.

– Вообще-то в этом турнире я участвую тоже, и заметь, на твоей стороне, – нахмурился Тимофей.

После недолгого раздумья ханский посол все-таки заговорил:

– Мои лучшие нукеры остались в лагере. Сейчас они тоже облачаются в доспехи и готовят оружие. Настоящее, боевое. Не затупленное.

Тимофей оглянулся.

Татарский курень издали выглядел мирно и сонно. Дымились притушенные костры под закопченными казанами. Между палаток лениво прохаживалась пара часовых. Но вот

что творилось в палатках? Этого отсюда не разглядеть. Правда, у коновязи посольства стояла пара десятков оседланных коней, но так было всегда или почти всегда.

– Погоди-ка, Бельгутай, – спохватился Тимофей. – Если твои лучшие воины остались там, кто тогда будет биться на ристалище?

– Тоже неплохие нукеры, – пожал плечами нойон. – Но все же не самые лучшие.

– А-а-а… – Тимофей вытаращил глаза, не зная, что и сказать.

– А еще я и ты – не забывай об этом, Тумфи, – чуть дрогнули уголки губ Бельгутая.

Тимофей хмыкнул: как же, забудешь об этом.

– Тем, кто остался в лагере, приказано наблюдать, – продолжал Бельгутай. – И ждать.

– Чего?

– Моего знака. Если возникнет необходимость, они вступят в бой.

Тимофей с сомнением покачал головой.

– Думаешь, латиняне позволят твоим воинам ускользнуть из лагеря?

– Я приказал им пробиваться туда, – Бельгутай кивнул на императорский шатер. – У моих воинов – хорошие луки…

Ах, вот оно что!

– Твоих воинов не подпустят даже к ристалищу, Бельгутай!

– …И не только луки, – загадочно улыбнулся нойон, словно не слыша собеседника. Хитрый степняк явно что-то скрывал.

– Надеешься подстрелить Феодорлиха или Михеля? – с сомнением спросил Тимофей.

– А лучше – обоих сразу, – кивнул Бельгутай. – Это единственное, что мы сможем сделать или хотя бы попытаться сделать, чтобы погибнуть не зря. Если, конечно, нам суждено погибнуть сегодня. Или ты считаешь иначе, Тумфи?

Пронзительный взгляд раскосых глаз впился в лицо Тимофея.

– А если твой план сорвется, Бельгутай? Если император и колдун уцелеют, а хан Огадай еще долго не узнает о гибели своего посольства?

– Ну, об этом-то как раз хан узнает быстро, – загадочно улыбнулся Бельгутай.

– Как? Откуда?

– Сильные шаманы служат не только императорам, – уклончиво ответил нойон.

Тимофей замолчал, вспомнив напутственные слова ищерского князя-волхва. Когда Угрим велел ему наблюдать за татарами, то обмолвился, что способен сам все видеть и слышать глазами и ушами Тимофея. Так отчего бы и ханским колдунам не владеть подобным волховством?

Десять посольских воинов во главе с Бельгутаем въехали за огни ристалища.

– Будем надеяться, Тумфи, что тревожиться не о чем и все обойдется, – проговорил Бельгутай, оглядывая факельный коридор. – Сосредоточься пока на турини…

– На турнире, – машинально поправил Тимофей.

– Не важно. Главное – показать Хейдорху, что сражаться обучены не только его рыцари.

Тимофей вздохнул. Да, латинянские рыцари были обучены хорошо. А уж как вооружены…

На противоположном конце ристалищного поля уже выстроились противники. Десять конных германцев из свиты Феодорлиха стояли сплошной линией, перегородив узкое пространство между огней от края до края. В неровном свете факелов латиняне казались не людьми, а ночными демонами. Большие треугольные щиты, закрывавшие всадников от бедра до шеи, пестрели намалеванными гербами, среди которых Тимофей сразу увидел знакомого геральдического льва – родовой знак барона Зигфрида фон Гебердорфа. Длиннющие копья, уже поданные всадникам оруженосцами, были уперты в стремена и направлены наконечниками вверх. На ветру реяли легкие копейные банеры. Тяжело колыхались плащи.

Рыцари были облачены в кольчуги и пластинчатые панцири. В факельных огнях поблескивали начищенные наплечники, поножи, наручи и латные рукавицы. Глухие горшкообразные шлемы с узкими смотровыми прорезями целиком закрывали головы.

Дополнительной защитой служили рыцарские седла. Высокие передние луки прикрывали животы и бедра всадников. Задние луки, тоже поднимавшиеся выше поясницы, позволяли обрести надежный упор и высидеть копейный удар противника. Твердую, «влитую» посадку, рассчитанную на таранную сшибку, обеспечивали также широкие стремена, опущенные на всю длину ноги.

Рослые немецкие кони, защищенные плотными попонами, кольчато-чешуйчатой броней и стальными оголовьями, были значительно выше и крупнее татарских степных лошадок.

Тимофей окинул взглядом турнирных бойцов Бельгутая. Тоже в общем-то тяжеловооруженные конники. Лошади прикрыты латами. На всадниках – панцири-куяки, мало в чем уступавшие рыцарскому доспеху. Крупные, покрытые кожей металлические пластины защищали тело. Островерхие шлемы-духулги с назатыльниками и наушниками из нашитых на кожу железных блях закрывали голову и шею. На лица были опущены кованые личины-тумаги.

Но вот круглые щиты-халахи значительно легче и меньше рыцарских. Да и степняцкое седло-эмээл лишено высоких лук. А стремена подтянуты так, что ноги всадников сильно согнуты в коленях. Такая свободная посадка позволяет наезднику вертеться в седле и биться сразу с несколькими противниками. В беспорядочной конной рубке, когда враг повсюду – и справа, и слева, и спереди, и сзади, – это безусловное преимущество перед латинянским рыцарем, зажатым между седельных лук. Но только не в таранном ударе на копьях, которому татары не очень-то и обучены. Да и сами копья к тому же…

Короткие татарские жада не шли ни в какое сравнение с рыцарскими лэнсами[14], увенчанными коронелями. Собственно, исход турнира еще до его начала во многом был предрешен разницей в длине копий. Первая же сшибка свалит наземь большую часть всадников Бельгутая. Если не всех сразу. Даже ратовище, которое держал Тимофей – крепкое и длинное (на полтора-два локтя длиннее татарских), все же уступало по размерам немецким копьям. Нет, слишком сильно разнится сегодня оружие ристалищных бойцов. И слишком очевидна эта разница, чтобы воспринимать все происходящее как честную схватку.

Ладно, что будет, то будет. Тимофей еще раз проверил, хорошо ли сидит доспех, надежно ли затянуты ремни. Повел плечами, пробуя, не сковывает ли броня движений. Сам он был облачен в добротную тяжелую кольчугу с зерцалом во всю грудь, с длинными рукавами и с подолом по колено. Предплечья закрывали стальные наручи. На левой руке висел круглый щит – побольше татарского, но меньше латинянских. Голову защищал куполообразный шлем с полумаской и мелкокольчатой бармицей. Копье, плащ. Все…

Гнедой конь под седлом начинал нетерпеливо рыть землю копытом. Конь чуял настроение всадника.

* * *

Из императорского шатра вышел Феодорлих. Зрители вокруг ристалища оживились: сейчас начнется!

[14] *Жада* – боевое татаро-монгольское копье. *Лэнс* – европейское кавалерийское копье, часто использовавшееся на турнирах.

Император сел на походный трон. А вот Михеля при Феодорлихе в этот раз не было. Странно… Мага вообще нигде не видать. Наверное, воинские забавы не представляют интереса для колдунов. Что ж, так оно, пожалуй, к лучшему.

– Приготовиться! – Бельгутай требовательно тряхнул копьем.

На лишенном стального острия древке колыхнулся нойонский бунчук из черного конского хвоста. Под бунчуком выпирал изогнутый крюк.

Тимофей усмехнулся. Хитер татарин, ох, хитер… Правила турнира требовали снять с копий лишь боевые наконечники, о прочем не говорилось ни слова. И кто теперь посмеет в чем-либо упрекнуть Бельгутая, оружие которого тупое, как подобранный с земли дрын?

Феодорлих взмахнул рукой, подавая сигнал к началу бухурта. Хрипло и коротко протрубил одинокий рог. Первым с места сдвинулся рыцарский отряд. Как стоял – сплошной ровной линией – так и двинулся, переходя на рысь и постепенно наращивая скорость.

Десяток поднятых к небу копий опустились почти одновременно. Древка прижаты налокотниками к окольчуженным бокам, тупые коронели направлены на противника. Закованные в латы рыцари скачут, пригнувшись в седлах и прикрывшись щитами. Над конскими головами виднеются только глухие шлемы с темными прорезями смотровых щелей. Банеры яростно бьются на ветру. Плащи развеваются за плечами, будто крашеные крылья.

Нервно дернулись огни, потревоженные воздушной волной от проносящихся мимо всадников, испуганно заметались тени…

Латинянский строй не ломался. Рыцари наступали красиво, стремя в стремя, демонстрируя великолепную выучку боевых коней и искусство верховой езды. Каждый выбирал цель для своего копья. Лязгало железо. Били землю копыта. Германцы скакали молча. Безмолвные конные фигуры, закованные в латы, влитые в седла, зловещие и неумолимые, готовые смести любую преграду на своем пути, мчались по огненному коридору…

– Гхурах! – с уст Бельгутая слетел гортанный выкрик. Боевой клич и приказ одновременно.

– Гхурах-х!! – отозвались степняки, сгрудившиеся возле нойона.

И вновь тревожно колыхнулось пламя факелов. На этот раз в другую сторону.

Татары сорвались в галоп сразу, с места – столь быстро и слаженно, что Тимофей, не ожидавший подобной прыти, чуть подотстал от степняков. Ристалище огласилось визгом и дикими криками кочевников, не любивших сражаться молча.

Расстояние между двумя отрядами быстро сокращалось. Длинное, огороженное факелами поле казалось все меньше, все короче. С каждым конским скоком, с каждым мгновением, приближавшим противников друг к другу, Тимофей чувствовал нарастающее возбуждение близящейся схватки. Радость и азарт, азарт и радость…

Бельгутай вырвался вперед. Поднятое копье нойона с пышным конским хвостом было сейчас не только оружием, и Тимофей старался не выпускать его из виду.

Справа и слева мелькали цепочки огней. Стесненные по флангам границами узкого ристалища и принужденные к лобовому столкновению с врагом, чьи копья длиннее, щиты больше, а кони крупнее, татары тем не менее стремительно набирали скорость. Они тоже скакали, пригнувшись и укрывшись за щитами и лошадиными шеями.

Татары исступленно кричали.

В таком оре трудно было отдавать команды. Голосом – почти невозможно. Но не случайно к копью Бельгутая прикреплен приметный сигнальный бунчук.

Нойон резко взмахнул своим жада. Черный конский хвост на древке мотнулся вправо-влево. Это был знак. Татарские всадники, и без того не особо стремившиеся удержать строй, вовсе рассыпались. Настолько, конечно, насколько позволяло имевшееся в их распоряжении пространство. Они неслись по тесному ристалищу бесформенной кучкой, друг за другом, то разъезжаясь, то съезжаясь вплотную.

Рыцарские копья неуверенно дернулись из стороны в сторону. Латиняне, ожидавшие красивого и предсказуемого столкновения стенка на стенку, где каждый бьется с противником один на один, тоже попытались перестроиться на скаку и вынудить татарских всадников к привычной манере турнирного боя.

Но момент был упущен, и серии единоборств из бухурта не получилось.

Строй немецких рыцарей налетел на плотный комок степняков. Принял удар чуть правее от центра.

Хруст. Треск…

Два отряда сшиблись неподалеку от императорского трона. Если бы не плотная стена щитоносцев и копейщиков, выстроившаяся сразу за огнями и надежно прикрывавшая шатер Феодорлиха, до императора можно было бы добраться в несколько конских скоков. Повалить факелы, прорваться сквозь пламя, ткнуть тупым копьем в белеющее под золотой короной лицо. Но…

Лязг. Крик…

Но сейчас было не до императора. И все мысли были сейчас о другом.

Всхрап. Всхрип…

Всадники столкнулись с такой яростью, которая рождается не на потешных схватках, а лишь в настоящих сечах. Даже факельные огни с шипением дернулись от налетевших друг на друга бойцов.

Неожиданный маневр, предпринятый татарами, позволил запутать рыцарей и избежать разгрома с первой же сшибки. Немцы, скакавшие плотной шеренгой, не успели распределить между собой сбившихся в кучу кочевников.

В кого-то из татар ударило два, а то и три коронеля сразу. Кто-то, наоборот, воспользовавшись этим, сумел избежать сокрушительного удара и, проскользнув между длинных древков, достал противника сам.

Все смешалось – германские рыцари и нукеры Бельгутая, обломки турнирных лэнсов и выроненные жада степняков, падающие щиты и слетающие с голов шлемы. Затрепетали огни и запрыгали тени. Взвилась поднятая бойцами пыль. Повалились первые сбитые всадники. Большей частью – татары: иначе в этой схватке, увы, быть не могло.

Вот один степняк, приняв таранный копейный тычок в нагрудные пластины куяка, соскальзывает с седла. Вот второй, наткнувшись стальным забралом-личиной на массивный коронель, кубарем катится по земле. Вот третий, нелепо взмахнув рукой с разбитым щитом, валится набок и волочится за стременем. А вот и четвертый, сам удержавшись в седле, рухнул вместе с лошадью, сбитой широкогрудым рыцарским жеребцом.

Зато там вон, справа, сверзился наземь немец в рогатом шлеме. И на левом фланге копыта низкорослого татарского конька уже топчут рыцарский плащ и треугольный латинянский щит.

Бельгутай налетел на германские копья в числе первых, однако сумел усидеть на лошади. Причем не просто усидеть. В нойона было направлено два копья. Одно целило в грудь. Второе – в забрало-тумагу. Нанести сокрушительный удар в голову намеревался Зигфрид фон Гебердорф. Лицо дерзкого юнца скрывал горшковидный шлем, зато напоказ были выставлены геральдические львы на щите и нагрудной котте.

Копья ударили почти одновременно. И от обоих Бельгутай увернулся, резко бросив тело вправо и на миг зависнув у бока приземистой степной лошадки, подобно вьючному мешку. Коронели мелькнули над опустевшим седлом. Длинные древка стукнулись друг о друга и разошлись. А Бельгутай вновь взлетел на коня, забрасывая щит на плечо, отпуская повод и обеими руками хватаясь за свое короткое копьецо.

Колоть тупым оружием Бельгутай не стал. Бесполезно, да и не было на это времени: промахнувшиеся немецкие рыцари уже проносились мимо, ворочая тяжелые турнирные

лэнсы, выискивая за спиной ханского посла другие менее верткие и ловкие цели. Однако, прежде чем германцы умчались дальше, копье посла резко ушло в сторону и назад.

Бунчук нойона черной кистью мазнул по воздуху. Конский хвост на татарском жада хлестнул по рыцарскому доспеху. Изогнутый металлический коготь впился в латы. Бельгутай зацепил копейным крюком рыцаря, скакавшего справа.

Дернул…

Сдернул!

Седло с высокой спинкой не помогло немцу. Над изогнутой седельной лукой блеснули золоченые шпоры. Латинянин на полном скаку грохнулся наземь.

«Жаль, не Зигфрид!» – промелькнуло в голове Тимофея.

И вдруг что-то произошло. Краем глаза Тимофей заметил, как Бельгутай дернулся, словно от вражеской стрелы, ужалившей в спину. Краем сознания удивился. Не было ведь никаких стрел! И не было видимых причин, которые могли бы заставить кочевника так пошатнуться в седле. Выронить оружие. Судорожно вцепиться в повод…

Но татарский нойон уже ускакал за распавшийся немецкий строй, и Тимофей забыл о Бельгутае. Пришел его черед уворачиваться от копья-тарана с массивным железным копытом на конце. Украшенный львами рыцарь избрал новой мишенью посольского толмача.

* * *

На Тимофея мчался Зигфрид фон Гебердорф. Что ж, пришло время проучить спесивого мальчишку! Опьянение боем захлестнуло Тимофея, растворило в мелькающих факельных огнях и рыцарских гербах.

К счастью, после неудачной атаки на Бельгутая немец не успел как следует довернуть тяжелое турнирное оружие. Тимофей исхитрился сильным взмахом своего копья отбить направленный в лицо коронель. Щит, подставленный под неопасный уже – скользящий – удар, отбросил рыцарский лэнс еще дальше.

А ратовище Тимофеева копья, закрутившись по инерции в руке, легло поперек седла, перегораживая путь немецкому жеребцу. Было лишь мгновение, доля мгновения, на принятие верного решения. Еще меньше – на действие. Но Тимофей успел среагировать.

Бросив повод, оставив щит болтаться на левом предплечье и полностью доверившись верному гнедку, он перехватил копье, как мужик хватает в драке оглоблю. Удерживая древко в поперечном хвате двумя руками, Тимофей достал-таки германца. Копье прогудело над стальным налобником рыцарского коня и, словно дубина, обрушилось на голову всадника. Ударило тупым концом по смотровой щели шлема-ведра.

И как ударило!

Бу-у-у…

Зудящий болезненный импульс в руках. Передающийся через ладони хруст дерева и разлетающаяся перед глазами щепа.

…у-у-у…

И гулкий – будто по колоколу колотушкой! – отзвук латинянского шелома, охоженного ратовищем.

…у-у-ум!

В тот момент Тимофей ничего больше не видел, не слышал, ничего не чувствовал и ни о чем не думал. Главное для него в тот момент было, что…

Бу-у-ум-м-м!!!

Голова рыцаря откинулась. Сбитый шлем закувыркался в воздухе. Оглушенный всадник мотнулся всем телом назад, потом, отброшенный высокой спинкой седла, – вперед.

Потерял стремя. Утратил равновесие. Молодой барон Зигфрид фон Гебердорф мешком повалился наземь.

Еще бы не повалиться! Тимофей вложился в этот удар полностью, целиком и без остатка. Отстранившись от всего остального. Позабыв обо всем на свете. Даже о том, о чем забывать не следовало. Даже в пылу настоящей сечи. И уж тем более в никчемной горячке потешного турнирного боя.

Расплата пришла незамедлительно.

Пока Тимофей тонул в безумном исступлении схватки, был нанесен ответный удар. Внезапный и неотразимый. Удар не крепкой рукой, не тупым коронелем, вышибающим человека из седла и мозги из черепа. Не боевым мечом и даже не предательской стрелой, пущенной исподтишка.

ВЗГЛЯДОМ!

Его ударили в тот момент, когда он бил сам. И в тот, и в следующий. И чуть позже. Его ковыряли и терзали, точно и метко вгоняя незримые клинья под шлем, под черепную коробку, под надежную магическую защиту, поставленную Угримом, но требовавшую и присутствия его, Тимофея, воли и силы. Воли и силы, которые сейчас были направлены на другое: на бой и победу.

Именно поэтому он пропустил удар. Поэтому не сразу понял, что происходит. Отчего вспыхнула в голове нестерпимая боль. Что за багровая искристая муть разорвалась в глазах. И чьи очи вдруг открылись в нем. Внутри него…

Понимание пришло лишь несколько мгновений спустя. Пристальный взгляд немигающих черных глаз, проникавший через его глаза, безжалостно и бесцеремонно копошившийся в его мыслях и чувствах, принадлежал Михелю Шотте. Колдун в красных одеждах, укрывавшийся за пологом императорского шатра, теперь стоял возле трона Феодорлиха. Латинянский маг стоял и смотрел. Из-за стены телохранителей-щитоносцев, из-за факельных огней.

ВСМАТРИВАЛСЯ.

Боль, потрясение и отчаяние оказались столь велики, что Тимофей едва удержался в седле. Пошатнулся, как Бельгутай. (Видимо, нойону тоже здорово досталось… То же и досталось!) Но все-таки усидел на коне, подмял боевое исступление, собрал волю в кулак, выпихнул прочь чужой взор, закрылся снова.

Поздно? Слишком поздно? Или все же не очень?

С зубовным скрежетом он гадал про себя, что сумел, а чего не смог выведать проклятый колдун, проникший за Угримову защиту. И где-то в глубине души понимал: Михель теперь знает все, что ему было нужно узнать.

…Через рыцарскую стенку удалось прорваться лишь четверым посольским воинам. Бельгутай, Тимофей и еще два нукера, достигнув противоположного края ристалища, где воткнутые в землю факелы образовывали огненный тупик, развернули коней, огляделись.

На месте недавней сшибки лежали люди и билась степная кобылка с поврежденными ногами. Шесть татарских воинов были повержены копьями и потоптаны конями. Трое неподвижны. Трое слабо шевелятся. Однако среди павших степняков валяются и немецкие рыцари. Четверо. Один не подает признаков жизни.

И что теперь? Брать новые копья и продолжать? На потеху императору, на радость императорскому колдуну?

Тимофей видел, как Михель склонился к уху Феодорлиха. Император внимательно выслушал мага, кивнул, небрежно махнул рукой. Хриплый звук рога возвестил об окончании бухурта. Все ясно. К чему продолжать бой, который уже выполнил свое предназначение?

Полтора десятка слуг и оруженосцев, опрокинув факелы, уже бежали к поверженным германцам. Несколько нукеров Бельгутая спешили к сбитым товарищам.

Тимофей покосился на ханского посла. Откинув защитную личину, тот хмуро наблюдал за суетой на турнирном поле. Смотрел Бельгутай туча-тучей. На выступающих скулах ходили желваки. Злобно щурились, отражая факельное пламя, глазки-щелки.

Нойон встретился взглядом с Тимофеем. Понимание без слов проскользнуло между ними. Потом прозвучали слова.

– Я ошибся, Тумфи, – процедил Бельгутай. – Не нужно было соглашаться на этот турини.

– Михель? – тихо и коротко спросил Тимофей.

– Он, – скрипнул зубами Бельгутай. Степняк хлестнул ненавидящим взглядом по красной фигуре у императорского трона: – Пр-р-роклятый шаман!

Феодорлих поднялся с трона и направился к шатру. За ним последовал Михель. Видимо, ни того, ни другого больше не интересовал турнир. Что ж, у императора и мага имелись дела поважнее. Им будет теперь, что обсудить.

Кто-то уже прокричал о победе «благородных германских рыцарей», хотя победа эта была еще не окончательной и не безусловной. От шатра Феодорлиха к Бельгутаю и Тимофею спешил рыцарь в дорогих доспехах и богатых одеждах. Приблизившись, посланник императора вежливо, но твердо попросил посольских воинов, усидевших на конях, покинуть ристалище вслед за теми, кто был выбит из седел.

– Его величество велел передать, чтобы вы никуда не отлучались из лагеря, – сказал немец. – Вас известят, когда его величество пожелает с вами встретиться.

– А его величество пожелает? – с сомнением спросил Тимофей.

Теперь-то?! После всего-то?!

– Его величество пожелает, – холодно было обещано ему.

Шесть немецких рыцарей с видом победителей уже торжественно объезжали поле. Желтые огни факелов отражались в начищенных доспехах. Зрители ликовали.

Тимофей переводил Бельгутаю слова германца.

– Возвращаемся в лагерь, – бросил нойон и зло взмахнул плетью.

Тимофей нагнал его уже за ристалищем.

– Что ты намереваешься делать, Бельгутай?

– Ждать, Тумфи. Ты же слышал волю императора.

– Чего?! – Тимофей аж сплюнул в сердцах. – Чего ждать-то?!

– Я совершил ошибку, и Хейдорх узнал то, чего ему знать не следовало, – посол вздохнул. – Но случившегося не переиначишь, и теперь я должен понять, что предпримет император, обладая полученным знанием.

* * *

В императорском шатре, отделенном от внешнего мира плотным пологом и колдовским словом, говорить можно было без опаски. Но все же император и маг вели беседу вполголоса.

– Итак, Михель, что тебе известно теперь? – обычно бесстрастный и невозмутимый повелитель Священной Германо-Римской империи Феодорлих фон Гуген с трудом сдерживал нетерпение. – Какова истинная цель посольства?

– Возможно, я узнал не все, ваше величество, – Михель начал издалека. – Магический щит открылся ненадолго, и времени было немного. К тому же должен предупредить: я искал ответы лишь на те вопросы, которые счел наиболее важными.

– Не тяни, – поморщился Феодорлих, – говори, что узнал.

– Ханскому послу поручено разведать удобные для конницы подступы к Вебелингскому замку, – перешел к делу Михель.

Феодорлих нахмурился.

– Кроме того, – продолжал колдун, – он должен был осмотреть крепость снаружи и, по возможности, изнутри, найти слабые места в обороне и выяснить, какая часть замка охраняется лучше всего.

– То есть где хранятся Черные Мощи?

– Верно, ваше величество. Похоже, кто-то ищет способ добраться до Реликвии.

– Та-а-ак! – губы Феодорлиха недобро искривились. – Выходит, я поступил правильно, не пустив послов к Вебелингу. Огадай все-таки готовится к войне.

– Да, ваше величество, – склонился маг, – вы поступили мудро. Судя по всему, степные варвары намереваются выступить походом на Вебелингские земли. Они знают о мощах.

– И о том, где искать Реликвию… – Щека императора дернулась.

– Это неудивительно, – прошелестел голос мага. – Я с самого начала предупреждал: чем чаще мы используем во благо империи силу Черных Мощей, тем больше привлекаем к ним внимание посвященных.

Феодорлих поморщился.

– Помню, помню. Думаешь, кто-то из посвященных оказался при ханской ставке?

– Очень похоже на то, ваше величество. Возможно, это случайность, а может быть, нет. Возможно, о местонахождении нашей Реликвии кроме татар никому больше не известно, а может, прочие хранители древней тайны просто затаились до времени и выжидают. Здесь ничего нельзя сказать наверняка…

Император задумался.

– Михель, способны ли Черные Мощи и твоя магия остановить татарский набег?

– Только в том случае, если у татар нет такой же Реликвии.

– А она… – Феодорлих облизнул пересохшие губы, – она у них есть?

Император уперся в мага тяжелым взглядом. Михель не отвел глаз.

– Может она у них быть?

– Я склонен полагать, что, скорее, да, чем нет, – ответил чародей.

– Ладно, – проговорил после недолгой паузы Феодорлих, – теперь расскажи о посольском толмаче. – С ним как? Ты сумел проникнуть сквозь его защиту?

– Да, ваше величество, – склонил голову маг.

– И что? Этот русин посвящен в тайну мощей?

– Нет, не похоже. Его задача – следить…

– За кем? – удивленно поднял брови император. – За мной?

– В первую очередь – за ханским послом.

– Интере-е-есно, – задумчиво протянул Феодорлих. – Оч-ч-чень интересно. Значит, толмач шпионит за послом…

– Это еще не всё, ваше величество, – осторожно заметил Михель.

– Говори, – кивнул император.

– Татарский посол, помимо всего прочего, тоже получил похожее задание.

– То есть? Какое?

– Наблюдать за толмачом. Вернее, не столько наблюдать, сколько исподволь расспрашивать его и вызнавать обо всем, что возможно узнать.

Феодорлих недоуменно покачал головой.

– Ничего не понимаю! Толмач следит за послом, а посол за толмачом?

– Именно так, – подтвердил Михель.

– Хм… В поведении толмача есть смысл, если русины хотят побольше узнать о планах татар. Но зачем это нужно ханскому послу?

– Через толмача он пытается получить информацию о князе, пославшем русина.

Император задумался.

– А откуда он вообще взялся, толмач этот?

– Из Ищерского княжества, ваше величество.

Феодорлих наморщил лоб, вспоминая:

– Ищерское… Ищерское… И-ще-ра… Погоди, Михель, а не об этих ли землях докладывали наши лазутчики при купеческих обозах? – оживился император. – Не там ли правит князь-маг… как его… Агрим… Урим…

– Угрим, ваше величество, – подсказал Михель.

– Да, точно! – кивнул Феодорлих. – И что ты обо всем этом думаешь?

Придворный маг потер лоб и, чуть сдвинув на затылок красный колпак, начал рассуждать:

– Возможно, ищерский князь посвящен в тайну Черных Мощей, и ему известно, какая Реликвия спрятана в Вебелингском замке, или он догадывается об этом. Кроме того, у Угрима могут быть основания полагать, что татары тоже обладают мощами, либо ценными сведениями о них. В таком случае отправить сюда вместе с ханским посольством верного человека – разумное решение. Правда, русский князь-маг использует своего посланника, не открыв ему сути дела. Угрим менее силен, чем татары, и, видимо, поэтому более осторожен. В свою очередь, татары также могут подозревать, что Угрим знает о мощах нечто, неизвестное им. Но, вероятно, полностью в этом они все-таки не уверены. А поскольку силой у опытного колдуна ничего не выпытать, степные варвары, полагаясь на хитрость, взяли в посольство русского толмача.

– Взяли, осознавая, что берут лазутчика? – усмехнулся император.

– При определенном умении и ловкости из чужого лазутчика можно вытянуть ценные сведения незаметно для него самого, – ответил Михель. – Кроме того, чужому соглядатаю можно преподнести выгодную ложь под видом истины, а это тоже немаловажно.

Феодорлих вздохнул:

– Похоже, хан Огадай – опасный враг. Да и Угрим этот тоже непрост, даром что владеет клочком земли с захудалое герцогство.

– Да, ваше величество, – согласился Михель, – это серьезные противники.

В словах мага прозвучало что-то неприятно-настораживающее. Феодорлих заглянул в глаза советника.

– Скажи прямо, Михель, мне есть, о чем беспокоиться?

– Чтобы обеспечить себе безмятежное спокойствие, беспокоиться нужно всегда, ваше величество, – развел руками маг. – Черные Мощи не только дарят великое могущество своему обладателю, но и являются причиной тревог. И так будет до тех пор, пока существует опасность, что кто-то другой владеет такой же Реликвией. Чтобы раз и навсегда развеять все треволнения, следует собрать разбросанные по свету мощи под своей рукой. А уж тогда…

– Я знаю, что будет тогда, – оборвал его Феодорлих. – Ты уже говорил мне об этом, Михель, и не раз!

Глава 4

Пару мгновений Итиро стоял перед ней как завороженный. Черная Кость, ради которой он пробрался в крепость бледнокожих широкоглазых чужеземцев, лежала на расстоянии вытянутой руки. Подрагивающее пламя светильников причудливо переливалось в широких гранях прозрачного кристалла-кокона.

Бронзовые лампадки горели ярко, освещая и деревянный помост в центре округлой башенной комнаты, закрытой от внешнего мира, и серебряную подставку-треногу, и усохшую черную руку в яйцевидном саркофажце, испещренном неведомыми письменами. Света было много, даже, пожалуй, слишком много. Наверное, главное сокровище идзинского замка должно всегда находиться на виду.

Стоп! А на виду у кого?!

И еще…

Почему пламя светильников так сильно дрожит? В помещении, где нет окон, не должно быть и сквозняков!

Итиро все понял еще до того, как колыхнулась, открывая тайные проходы и ниши, тяжелая ткань на стенах.

«Ловушка!» – промелькнуло в голове.

А из-за расшитых полотнищ уже высыпала стража. Все сплошь – идзинские самураи, с ног до головы закованные в латы. Около десятка воинов с обнаженными мечами заполнили комнату в считанные секунды. Окружили Итиро и Черную Кость.

Кажется, его не собирались рубить на куски сразу. Его хотели захватить живым. Что ж, разумно. Прежде чем убивать чужака, проникшего в крепость, следует выяснить, откуда он прибыл и кем послан. Разумно, но неправильно. В такой ситуации – нет. Промедление со стороны врага было на руку Итиро.

Огненные блики лампад играли на оружии и доспехах идзинов, медленно сжимавших круг. Тени плясали по стенам. Огненные блики играли… тени плясали…

Идзинский воин, стоявший ближе других, что-то глухо прокричал из-под ведрообразного шлема. Воин обращался к Итиро. Угрожая? Предупреждая? Приказывая?

Итиро не знал. Языка идзинов он не понимал.

Стараясь не делать резких движений и не нервировать противников понапрасну, Итиро вынул из широкого нарукавного кармашка небольшой глиняный шар с особой начинкой. Нагэ-теппо удобно прятать в ладони. Это будет сюрпризом для стражей Черной Кости.

Идзины придвинулись еще ближе. Нужный момент настал!

Итиро швырнул глиняный снаряд в бронзовые светильники на деревянном помосте, и крепко, до боли зажмурил глаза.

Стук. Хруст…

Это раскололась оболочка нагэ-теппо.

Шипение. Хлопок…

Это запечатанный в глину порошок поднялся пыльным облаком и коснулся огня.

И – сразу же – жаркая волна пыхнувшего в лицо пламени.

Яркую вспышку Итиро видел даже сквозь закрытые веки. А что стало с идзинами, не озаботившимися поберечь глаза! На какое-то время все они ослепли.

Вспышка погасла. Пламя опало. Итиро открыл глаза. Выхватил из-за спины меч.

Идзины вопили, хватаясь латными перчатками за опущенные забрала и смотровые прорези шлемов. Итиро – единственный зрячий в толпе слепцов – действовал.

Тремя ударами он сразил трех воинов, пытавшихся вслепую заслонить Черную Кость и попавших под темную сталь первыми. Потом пришел черед остальных – ничего не видящих,

орущих, наугад машущих длинными мечами, но рубящих лишь воздух, стены и друг друга. Сикоми-дзуэ мелькал над беспомощными противниками подобно черной молнии. Клинок особой ковки и закалки рассекал рубашки из железных колец, пробивал панцирные пластины и идзинские шлемы.

Все закончилось быстро. Десять трупов неподвижно лежали у ног Итиро. И уже некому было ему помешать.

Итиро метнулся к помосту, опаленному горючим порошком и испачканному маслом из опрокинутых светильников. Отложил в сторону меч. Сбросил заспинную сумку и вкатил в нее с треноги прозрачный кокон с Костью. Снова надел лямки нагабукуро на плечи. Ноша оказалась нетяжелой. Черная Кость на спине не сковывала движений. И все бы хорошо, но…

«У-у-у-у-х-у-у-у-х!» – хриплый протяжный звук разнесся над крепостью. Заунывный гул опускался сверху, словно густая вязкая жижа, и вплывал в башню.

Итиро снова взялся за оружие.

Сигнальный рог трубил прямо над его головой, на смотровой площадке башни. Видимо, стража услышала шум внизу и подняла тревогу. Плохо… Покинуть крепость будет сложнее, чем проникнуть в нее. Что ж, Итиро нашел то, за чем приходил. Теперь следовало поскорее уносить ноги и добычу. Он выскочил из комнаты-хранилища в изогнутый коридор.

Там его уже ждали…

Над стражником с разрубленным горлом стояли два мечника в кольчугах. Оба, судя по всему, спустились со смотровой площадки. Ну да, точно: верхний люк распахнут, и оттуда спускается по лестнице еще один воин с большим треугольным щитом. Видимо, именно из-за своего громоздкого щита третий идзин не поспевал за первыми двумя. А хриплый рог все гудит и гудит. Значит, там, наверху, есть еще и четвертый. А может быть, и пятый тоже, и, возможно, шестой… Итиро успел левой рукой сорвать с пояса кекецу-соге, но размотать веревку, привязанную к рукояти кинжала-крюка, ему не дали. Два противника бросились на него одновременно.

Вражеский клинок, ударивший справа, Итиро с силой отбил своим сикоми-дзуэ, заставив одного идзина отшатнуться к стене. Лезвие второго меча, рубившего слева, Итиро поймал в зазор между прямым кинжальным клинком и загнутым клювом кекецу-соге. Он отвел чужое оружие в сторону, резко крутанул крюк-кинжал, выворачивая и меч, и державшую его кисть.

Идзин вскрикнул от боли, выронил клинок и, обезоруженный, отступил назад, но его соратник атаковал снова. Мечник рубил сплеча, целя в голову. На этот раз Итиро лишь заслонился сикоми-дзуэ и, удержав над собой правую руку противника, нанес под нее, прямо в открывшийся бок, сильный колющий удар.

Узкий прямой обоюдоострый клинок кекецу пропорол кольчужную сеть и глубоко – по самый изгиб крюка – вошел в правое подреберье идзина. Тот охнул, переломился в поясе, грохнулся на колени. Прежде чем его тело распласталось по полу, Итиро дважды достал второго противника, попытавшегося поднять меч. Первый удар отсек тянущуюся к оружию руку. Второй – голову.

Увы, эта победа мало что дала Итиро: напротив него уже стоял спустившийся с лестницы щитоносец. Этот идзин нападать не спешил. Пригнувшись и прикрывшись щитом, он выжидал.

Из-под щита виднелись ноги в стальных створчатых поножах, а над окованной верхней кромкой щита торчали только островерхий шлем с кольчужным назатыльником и занесенный для удара клинок. Идзин тянул время. Он мог себе это позволить: время сейчас было на его стороне.

А рог наверху призывно ревет не умолкая. А снизу наверняка уже спешит подмога. А проклятый идзин ждёт, когда Итиро запаникует и подставится под удар. Или когда попятится к винтовой лестнице, плохо приспособленной для спуска спиной вперед. Ладно, пусть ждет.

Итиро отступил на пару шагов, разматывая веревочный хвост кекецу-соге. Не оглядываясь, сунул меч в заспинные ножны и перехватил кинжал-крюк двумя руками. Правой взялся за рукоять под железным клювом. Левой – за веревку, отмеряя ровно столько, сколько сейчас ему было нужно.

* * *

Наверное, щитоносец почуял опасность. Идзин прикрыл щитом ноги, сам пригнулся ниже. Но разве это поможет?!

Итиро взмахнул рукой.

Бросок. Кекецу-соге летит в идзинский шлем. Вернее – чуть выше шлема. Поворачивается в воздухе более тяжелой частью – крюком – вниз…

Идзин, по всей видимости, принимает оружие Итиро за большой метательный нож, машинально прячет голову за щитом. И, как только крюкастый кинжал пролетает мимо, снова поднимает ее.

Кекецу же, остановленный веревкой в полете, резко падает вниз. Правильно падает – перехлестывая и через щит, и через шлем. А в следующий миг Итиро что есть сил дергает веревочный хвост на себя и вверх.

И задуманное – исполняется. Рванувшись назад, острый крюк подцепляет кольчужную сетку на шее и затылке идзина. Сбрасывает шлем с головы. Раздирает снизу вверх обнажившуюся шею, пропарывает кожу, мышцы, жилы, входит под черепную кость…

Еще один р-р-рывок!

Идзин подался вперед – вслед за натянувшейся веревкой. Сделал шаг, другой. Рухнул на собственный щит. Задергался в предсмертной агонии, словно рыба, попавшаяся на крючок. Итиро подскочил к противнику, выдрал загнутое лезвие из глубокой рваной раны, бросился к винтовой лестнице…

Поздно! Уходить этим путем слишком поздно. Внизу уже грохотали десятки сапог, и не было никакой надежды пробиться сквозь живую пробку в закрученной спиралью каменной кишке. Единственный путь к спасению вел наверх – туда, где звучал рог. Да, там тоже враги, но внизу их сейчас намного больше.

Из-за поворота лестницы уже показались первые идзины. В тяжелых доспехах, с мечами, копьями и щитами, они поднимались, мешая друг другу в узком проходе. Но они поднимались! И их следовало задержать.

Итиро знал как.

Он отскочил назад – к факелам, над входом в хранилище Черной Кости. Вынул из потаенных кармашков две заклеенные бумагой бамбуковые трубочки-докуэн. Раз – и подожжены маленькие фитильки. Два – дымящиеся бамбуковые обрубки летят на лестницу, прямо под ноги поднимающемуся врагу.

А Итиро бежит к противоположному концу коридора.

«Пш-ш-ш-ших!» «Пш-ш-ш-ших!» – трубки заискрились, закрутились, завертелись на каменных ступенях. Закричали перепуганные идзинские воины.

На этот раз ярких вспышек не было, зато густо повалил дым. Смесь горючего порошка с аконитом, мышьяком, сухими бамбуковыми волокнами, беленой, тертыми кретоновыми плодами и едкими маслами, которой были набиты докуэн, не ослепляла, как нагэ-теппо, а душила.

Крики быстро стихли, люди на лестнице надсадно кашляли и хрипели. Послышался звон оброненного железа и звук падающих тел, закованных в доспехи.

Готово! Винтовая лестница временно перекрыта. Это хорошо. Плохо то, что самому теперь здесь надолго задерживаться нельзя: тяжелые клубы удушливого дыма уже вползали на верхний этаж башни. Нужно было выбираться на воздух.

Итиро бросился к деревянной лестнице, ведущей на смотровую площадку. С разбега вскочил на верхнюю перекладину, рывком подтянул тело к квадратному отверстию открытого люка и сразу же откатился в сторону, вправо…

Гудение рога оборвалось. Над головой раздался яростный вскрик. У самого уха металл сухо ударил о дерево.

Перекат через спину – и Итиро вновь стоит на ногах. Ловкость и быстрота в очередной раз сберегли ему жизнь. А еще – худощавое сложение и невысокий рост. Огромный идзин с топором и большим прямоугольным щитом, поджидавший его у люка, ударил немного запоздало и в расчете на более крупного противника. О том, что враг сможет проскользнуть под широким лезвием, надвое разрубившим темный проем люка, идзин не подумал.

Итиро отступил, выигрывая время и осматриваясь. Он оказался на просторной круглой площадке, огороженной каменной зубчатой оградой. Кроме него здесь было еще два человека. Первый – щитоносец с секирой. Второй идзинский воин, стоявший в отдалении, у бойничной ниши, был без щита, в легком кожаном панцире с нашитыми на груди металлическими бляхами. У ног второго лежал большой и изогнутый сигнальный рог. В руках он держал взведенный самострел.

Идзин-сигнальщик поднимает оружие… Нет – уже поднял!

Стреляет почти не целясь.

Щелчок, звон тетивы…

Чтобы увернуться от стрелы, Итиро пришлось отпрянуть назад, развернувшись всем корпусом. Короткий дрот, похожий на метательную стрелку-утинэ, задел жестким оперением куртку на груди и исчез в ночи. Стрелок тут же склонился над самострельным луком, намереваясь перезарядить его по новой.

А другой идзин уже наступает вразвалку, подобно рикиси[15], выходящему на поединок. Замысел понятен: разрубить Итиро топором, размазать его щитом о каменные зубцы или просто выпихнуть с башни, как с помоста-дохё[16]. И шансов уцелеть в этом идзинском хакудо[17] не так уж и много.

Итиро вновь держал в одной руке меч, вырванный из-за спины, в другой – крюк-кинжал. Противник приближался, выставив щит и занеся топор. Торчавший из-за щита конусовидный шлем – цельный, металлический, гладкий, с опущенным забралом – не пробить и не сдернуть с безопасного расстояния броском кекецу-сеге. Да и нет уже между ними безопасной дистанции: враг подошел практически вплотную.

Это был умелый и опытный воин. Идзин не отвел щит и не открылся, нанося удар. Тяжелая секира мелькнула над головой Итиро, и синоби едва успел подставить клинок сикоми-дзуэ под глубокий нижний вырез боевого топора. Ему удалось отвести чужое оружие в сторону. Широкое лезвие со звоном и скрежетом обрушилось на каменную кладку возле правого плеча Итиро. Брызнула сколотая щебенка.

Не имея возможности пробить прочный вражеский щит, свой ответный удар Итиро нанес по его верхней кромке. Стремительное движение левой кисти – и крюк кекецу-сеге, словно коготь гигантского зверя, зацепил обитое кожей и укрепленное железными поло-

[15] Борец сумо.

[16] Возвышение, использовавшееся в прошлом для борьбы сумо.

[17] Устаревшее название сумо.

сами дерево. А когда идзин снова взмахнул топором, Итиро дернул щит на себя и вниз, буквально повиснув всем телом на левой руке противника. Идзин, не ожидавший подобной хитрости, шатнулся вперед. И открылся, наконец! Щит опустился. Между его верхним клепаным краем и стальным шлемом щитоносца появилась широкая щель. Вот туда-то и скользнуло острие сикоми-дзуэ.

Темный клинок вошел под ворот доспеха. Пронзил идзина сверху вниз. И вырвался обратно в кровавом фонтане, провожаемый предсмертным хрипом умирающего.

Так, а что стрелок?! Стрелок-сигнальщик все еще возился со своей громоздкой метательной машиной. Итиро действовал быстрее. Взмах левой рукой. Веревочный хвост устремился через разжатые пальцы за брошенным кинжалом-крюком.

Кекецу-сеге зацепился за ложе самострела. Итиро перехватил веревку, дернул ее на себя. Оружие выскользнуло из рук идзина.

Прыжок, еще один. Безоружный противник поднял руки, прикрывая голову. Итиро ударил ниже. Меч синоби рассек грудь и вошел глубоко в живот. Вывалил кишки, выпустил душу.

Все! Хара[18] стражника вспорота до паха. Верхняя смотровая площадка очищена от врагов. Но вот надолго ли?

* * *

Затемненная сталь сикоми-дзуэ вернулась в ножны. Итиро осторожно высунул голову между каменных зубцов и глянул вниз. В крепости царил переполох, словно в пчелином улье, в который влезла медвежья лапа. Повсюду горели факелы. По замковому двору, по внутренней цитадели, по переходам и галереям, по боевым и смотровым площадкам метались вооруженные люди. Снизу доносились лающие команды на незнакомом Итиро языке.

Из верхних бойниц главной башни еще тянулись темные струйки, сливающиеся с ночью, но как только дымная преграда на лестнице рассеется, идзины будут здесь. Итиро к тому времени здесь быть не должно.

Он уже наметил себе путь к отступлению. Сначала следовало спуститься на крышу переходной галереи, по которой он прибыл сюда и которая соединяла главную и угловую башни внутренней крепости. Потом – вернуться на замковый двор и знакомым путем пробраться к внешней стене.

Для быстрого спуска когти-сюко и ножные накладки-асико не годились. Итиро зацепил за выступ бойницы крюк кекецу-сеге и перебросил через зубчатую ограду черную веревку. Затем скользнул вниз сам.

Он уже почти спустился на крышу галереи, когда услышал окрик сверху. Подняв голову, Итиро увидел человеческую фигуру, перегнувшуюся через зубцы башни. Проклятые идзины уже поднялись наверх! Или сквозняки из башенных бойниц слишком быстро рассеяли ядовитый дым бамбуковых докуэн, или кто-то сумел, задержав дыхание, прорваться сквозь удушливые клубы.

Фигура наверху взмахнула мечом.

Итиро оттолкнулся от неровной кладки за миг до того, как идзинский клинок перерубил веревку.

Высота была небольшой, и падать пришлось недолго. Кровля переходной галереи мягко спружинила под распластавшимся телом синоби. Но возле фигуры с мечом появилось еще две. Одна – с горящим факелом. Вторая – с заряженным самострелом.

[18] В данном случае – живот, центр туловища.

С башни сбросили факел. Огонь полетел вниз, разгоняя ночную тьму. Упал рядом с Итиро, разметав сноп искр. Теперь стрелок, должно быть, хорошо видит цепляющегося за крышу беглеца.

Стрелок целится…

В последний момент Итиро успел отпрянуть от мелькнувшей в воздухе короткой стрелы. Стрела пробила крышу насквозь и сухо стукнула где-то внутри галереи. Все-таки мощные самострелы идзинов били сильнее обычных луков.

Итиро спихнул горящий факел вниз, вскочил и побежал по гребню крыши к угловой башне. Только бы добраться туда незамеченным!

Незамеченным – не получилось. Послышался противный свист над головой. И – опять. И еще одна стрела ударила в крышу под ногами. Нет, в него уже стреляли не сверху. Теперь стрелы летели с земли и из бойниц соседних переходов. Справа, слева… Оставаться на открытом пространстве было опасно. Итиро присел, выхватил из-за спины меч и быстрыми сильными ударами прорубил отверстие в мягкой податливой кровле. Протиснулся внутрь, спрыгнул в галерею.

Вот тут-то его и зажали. С двух сторон сразу.

Из двери, ведущей в главную башню, выскочил лучник. С противоположного конца перехода, где валялся стражник, убитый Итиро отравленной иглой, в галерею ввалилось еще шестеро идзинов. Полдесятка копейщиков под предводительством самурая в тяжелых пластинчатых латах, белом плаще и шлеме-ведре преграждали путь к угловой башне. А стрелок уже натягивал тетиву.

Лучник выстрелил. Возможно, он и был мастером кю-дзюцу[19], но ведь и Итиро не зря считался лучшим воином клана.

Итиро упал на колено. Первая стрела прошла над головой и вонзилась в столб, удерживавший кровлю. Лучник потянулся за второй, но идзин-самурай, взмахнув мечом, что-то прорычал своим копейщикам. Судя по всему, это был приказ атаковать.

Копейщики двинулись на Итиро. Лучник медлил. Он то ли опасался задеть своих, то ли решил, что его участие более не требуется.

Итиро медлить не стал.

Отбить мечом сразу пять копейных наконечников непросто, но остановить врага на расстоянии еще возможно. Миг – и с пояса сорван кожаный футляр с девятью уложенными друг на друга сякенами. Еще миг – и пальцы Итиро заученным движением вытянули из стопки верхнюю «звезду смерти». Плоская, черная, с отверстием посредине, с заточенными и окропленными ядом лучами-бритвами по краям, она жаждала крови.

Тела идзинских копейщиков прикрывали кольчужные рубахи и кожаные доспехи. Округлые тазообразные, с широкими полями, шлемы хорошо защищали головы от рубящих ударов сверху. Но вот лица… Сосредоточенные лица приближавшихся противников были открыты. На них Итиро и обрушил смертоносный «звездопад».

Сякены метала не рука – лишь кисть руки. Неуловимо быстрыми экономными движениями пальцы закручивали лучистые диски в воздухе и, едва пустив в цель одну звезду, тут же хватали и отправляли следом другую. Итиро разил врага, как учили, как привык.

Вдох…

Три броска.

Звон металла о металл. Вскрики.

И еще три броска.

Выроненные копья. Руки, запоздало прикрывающие лица.

И еще – три.

[19] Искусство стрельбы из лука.

Падающие тела. Предсмертные хрипы.

Выдох…

Кожаный футляр опустел. Четверо идзинов бились в предсмертных судорогах. В незащищенных лицах торчали отравленные сякены. Кому-то досталось по одной звезде, кому-то – по две. Но смерть ко всем приходила одинаково быстро.

До Итиро добрался лишь один копейщик, который по чистой случайности вовремя пригнул голову и принял удар метательного лезвия на поля стального щлема-таза. Ошеломленный, непонимающий, испуганный, он все же нанес удар копьем. Времени хвататься за меч не было, и с этим противником Итиро расправился без оружия.

Было просто. Левая рука отводит копейный наконечник в сторону. Ноги бросают тело навстречу врагу, по инерции все еще двигающемуся вперед. Правая рука устремляется под шлем – к лицу, до которого не достали сякены.

Глаз – одна из самых уязвимых точек-кюсё на теле человека, а хорошо набитые, крепкие как камень пальцы синоби в ближнем бою не менее опасны, чем «звезда смерти», брошенная на расстоянии.

Два пальца-гвоздя, выставленные вперед, целят под правую бровь. Кан-сю – рука, обращенная в копье – наносит страшный тычок. Слышится хлюпающий звук, и лопнувшее глазное яблоко вылетает комком бесформенной жижи, словно выплюнутое из черепа. Податливая слизь не способна смягчить смертельный удар. Пальцы проламывают тонкую хрупкую кость в опустевшей глазнице, вгоняют костные обломки в мозг.

Пятый копейщик умер быстрее, чем его соратники. Но Итиро уже атаковал идзинский самурай с мечом.

Итиро стряхнул копейщика, череп которого еще был нанизан на его пальцы, и тоже потянулся к мечу, поворачиваясь к противнику.

Самурай остановился в трех шагах от Итиро. Что-то громко и отрывисто выкрикнул из-под шлема.

Кому?!

Лучнику в противоположном конце галереи – больше некому!

Итиро отшатнулся к стене, стараясь держать в поле зрения обоих идзинов.

Так и есть! Лучник, повинуясь приказу самурая, натянул тетиву. Выстрелил.

И в тот же миг мечник нанес удар – издали, чтобы самому ненароком не попасть под оперенную смерть.

Стрела с одной стороны, острие длинного идзинского клинка – с другой… Рука Итиро, тянувшаяся к мечу, резко изменила направление, ударила по воздуху. Со стороны могло показаться, что по воздуху. Могло. Показаться…

* * *

Его учили не только уворачиваться от стрел. Ловить стрелы на лету Итиро учили тоже. Конечно, остановить голой рукой короткий толстый дрот мощного идзинского самострела он едва ли смог бы, но эту стрелу – длинную, приметную, пущенную из лука в освещенном факелами проходе – сумел.

И он не только поймал ее.

Перехватив стрелу и словно продолжая, перенаправляя словно ее полет, Итиро резко и расчетливо, будто в диковинном танце, сам развернулся всем телом. Уходя от рубящего удара идзинского меча и в то же время выбрасывая навстречу вражескому клинку руку со стрелой.

Он ткнул в смотровую прорезь на шлеме-ведре.

И он попал, куда целил! Плоский наконечник вошел в темную щель.

Под шлемом вскрикнули. Идзинский самурай покачнулся. Но на ногах устоял. Итиро добавил: ударил ладонью по раздвоенному, оперенному концу, торчавшему из шлема. Вгоняя наконечник дальше, глубже. Стрела вошла – и дальше, и глубже.

Идзин рухнул.

Когда ошеломленный лучник пришел в себя и наложил на тетиву новую стрелу, Итиро уже выскакивал из галереи. Он вовремя захлопнул за собой дверь с маленьким смотровым окошком. В дверь стукнуло. Эта стрела тоже не настигла беглеца.

Угловая башня внутренней крепости. Он наконец добрался до нее! Здесь Итиро наткнулся еще на двух идзинских воинов с мечами и факелами. Но они задержали его ненадолго. Одновременный взмах двумя руками. Два вырванных из нарукавников бодзе-сюрикена, вращаясь, полетели навстречу врагу. Обе заостренные стальные палочки вошли под налобники открытых шлемов. Перепрыгнув через упавшие тела, Итиро сбежал по винтовой лестнице на несколько ступеней вниз.

И опять скоротечная стычка. Теперь перед ним стоял идзин с копьем и щитом – оружием, плохо приспособленным для боя в тесном проходе. Итиро легко отклонил копье, мощным ударом ноги в щит опрокинул противника. По щиту же и пробежал.

Еще ниже…

Кто-то поднимается навстречу. По ступеням громыхают чьи-то сапоги. Много сапог. Снизу доносятся крики, лязг железа. Но вот уже и спасительная дверь, ведущая к навесным бойницам! Итиро вбежал на знакомую боевую площадку, задвинул изнутри дверной засов, метнулся к амбразуре в полу.

Внизу, под угловой башней внутренней цитадели, его не ждали. Пока – нет. По замковому двору носились люди с факелами и без, однако сюда, под навесные бойницы, никто вроде бы не спешил. Никто не смотрел вверх, выискивая чужака. Зато кто-то уже ломился из башни в запертую дверь!

Нужно было спускаться в кишащий идзинами двор, причем, спускаться быстро, тихо и незаметно. Жаль, под рукой больше нет веревки и крюка кекецу-сеге. Итиро надел на ладони когтистые «кошачьи лапы». Времени завязывать на ногах шипы-асико не было: дверь трещала и разваливалась под ударами топора.

Он снова втиснул тело в узкое отверстие, снова выкрутил податливые гибкие суставы. Тело прошло. Повиснув на стене, Итиро вытянул из бойницы сумку с добычей.

Спуститься скрытно, не привлекая к себе внимания, ему все-таки не удалось. Едва ноги Итиро коснулись земли, на него напали. Откуда взялись под башней два молодых идзина – без факелов, но с мечами в руках, в кольчужных рубахах и капюшонах – он так и не понял. Один, отступив назад, принялся орать во всю глотку, сзывая подмогу. Второй сразу бросился в атаку, не дав возможности даже схватить оружие.

Меч, ударивший слева, Итиро принял на левую же ладонь. Вернее, на железную перчатку-сюко с когтями. Поймав вражеский клинок между загнутыми шипами и отведя его в сторону, правой рукой Итиро нанес ответный удар. Молниеносный и сильный, по-кошачьи. Сверху вниз, под кольчужный капюшон, в белеющее лицо, окаймленное металлической сеткой.

Четыре – по числу когтей на сюко – косых глубоких борозды прошли от лба до подбородка. Хлынула кровь, обвисли срезанная кожа и порванные лицевые мышцы, обнажились кости, потек разодранный глаз. Противник, бросив меч и схватившись за лицо, с диким воплем покатился по земле. Второй идзин, тоже захлебываясь от крика, в ужасе отскочил прочь.

На внутреннем замковом дворе было полно народу. В большинстве своем не настоящих воинов, не истинных буси-самураев. Так, но-буси – слуг, более-менее обученных сражаться, обряженных в доспехи и получивших оружие. Но их было много и они уже заметили Итиро.

Не таясь больше – в этом теперь не было нужды, – он устремился к внешней стене крепости. Уворачиваясь, ускользая от ударов, не задерживаясь ни на миг, не тратя драгоценных секунд на навязываемый ему бой, Итиро бежал со всех ног. Бежал между кричащими людьми, между горящими факелами, между заточенной сталью…

Копье! Узкий граненый наконечник, целивший ему в живот, не достиг цели: Итиро с разбегу перепрыгнул через блеснувшее острие. Изумленное ругательство копейщика прозвучало уже за его спиной.

Меч! Длинный тяжелый клинок, норовивший снести ему пол-черепа, лишь рассек воздух над головой: Итиро вовремя склонился перед блеснувшей полоской металла и подался в сторону.

Секира! Стальной изогнутый полумесяц сверкнул у самой груди. Итиро, пригнувшись еще ниже, перекатился под боевым топором. Вскочил на ноги. Побежал дальше, словно и не падал.

А вот еще двое впереди, в узком проходе. С щитами и мечами. В тяжелых латах, в глухих шлемах. Идзинские самураи! И этих не обежать так просто. И между ними не проскочить.

Но Итиро не останавливался. Он несся прямо на них, неповоротливых, закованных в железо. А когда идзины выставили перед собой клинки и вознамерились насадить его на боевую сталь, как ощипанную куропатку на поварской прут, Итиро что было сил оттолкнулся от земли. Вверх. И вперед. Сильно, резко, вкладывая в гигантский шаг-прыжок с разбега всего себя.

Длинные мечи проткнули пустоту. Где-то там, внизу, под ним. Прыгучесть, которую Итиро не один год развивал изнурительными тренировками, наверное, и не снилась этим обвешанным железом идзинам. И сейчас он их попросту пе…

Земля, казалось, на время утратила над ним всякую власть.

…ре…

Полет воина-тени был легким и стремительным.

…пры…

Толчок правой ногой от верхнего края вражеского щита придал ему дополнительное ускорение.

…ги…

Идзины, оставшиеся внизу, не успели ни вскинуть свои мечи вверх, ни повернуться.

…вал!

Перепрыгнул! Живая преграда осталась позади. Земля вновь приняла легкое пружинистое тело Итиро. И он побежал дальше.

Рядом просвистела стрела, вторая. Итиро удачно увернулся от третьей. Потом обстрел прекратился. Видимо, его, запертого во внутреннем дворе замка, как в клетке, пытались взять живым.

Идзины перекрыли подступы к лестницам на внешнюю стену и даже зачем-то перегородили стеной щитов и копий запертые ворота. Но Итиро сейчас не нужны были ни лестницы, ни ворота. Сейчас ему нужно было добежать до углового излома наружных укреплений – туда, где стена смыкается с башней. И где к стене пристроена нижняя стрелковая площадка с десятком узких бойниц и без единого человека.

Он добежал. Неприступная каменная кладка башни высилась перед ним. Только не для Итиро неприступная. Не останавливаясь, не сбавляя скорости, а лишь наращивая ее, он бежал на угловую башню, словно намереваясь убиться о нее. А потом…

Толчок. Стопа – в камень. Сила набранной инерции прижимает к башенной кладке. И остается только быстро-быстро переставлять ноги. Под испуганные и удивленные вопли

идзинов Итиро бежал по вертикальной плоскости столь же уверенно, как прежде – по земле. Быстрыми-быстрыми, мелкими шажками.

Шаг-шаг-шаг-шаг.

Выше, выше, выше, выше…

Шаг-шаг-шаг.

До уровня нижней боевой площадки на стенном пролете.

Шаг, шаг!

И еще чуть…

Ша-а-аг!

…чуть-чуть повыше.

В тот миг, когда земля неумолимо повлекла тело вниз, Итиро с силой оттолкнулся от каменной кладки. Прыгнул. Назад и в сторону. Протягивая руки в перчатках-сюко к перилам стрелковой площадки.

Все было рассчитано правильно. Взбежать до зубчатого гребня стены он бы, конечно, не смог, но железные когти на ладонях хрустко впились в прочную деревянную ограду нижнего яруса укреплений. А уж там…

На миг Итиро повис над головами изумленных идзинов. В следующий миг он уже был у лестницы, соединявшей нижний и верхний ярусы стен. А еще пару мгновений спустя стоял на верхней боевой площадке.

Перед новым противником.

* * *

Из темного проема угловой башни на него словно выскочил демон-они из адской бездны-дзигоку. Это был идзинский самурай в глухом шлеме-ведре с бычьими рогами. С противоположного конца стенного пролета бежали еще несколько воинов. Они, правда, были пока далеко, но рогатый идзин действовал решительно и без промедления, не дожидаясь подмоги.

Тяжелый меч прогудел перед лицом Итиро. Синоби едва успел отпрянуть в сторону. Идзин ударил снова, оттесняя противника от каменных зубцов и стараясь сбросить его во внутренний двор замка. Итиро увернулся, отведя вражеский меч когтями «кошачьей лапы». Но третий удар, нанесенный сразу же вслед за вторым, – очень быстрый, хотя и не очень сильный – непременно срубил бы Итиро, не подставь он под секущую сталь левое предплечье.

Под черной тканью куртки звякнул металл. Рука на миг онемела от тупой боли. Зато вражеский клинок скользнул в сторону. На этот раз жизнь Итиро спасли металлические щитки, вшитые в рукава уваппари.

Отскочив назад, Итиро стряхнул с ладоней и сунул за пояс когти-сюко. Увернулся от очередного выпада врага. Выхватил из-за спины темную сталь сикоми-дзуэ и на выдохе резким рубяще-режущим движением попытался снести железное ведро с латных плеч.

Раз попытался, два, три…

И с удивлением обнаружил, что чужеземец орудует мечом ничуть не хуже, а, быть может, даже лучше его, первого воина в клане! Несмотря на тяжесть доспехов, противник двигался с необычайным проворством, а увесистый клинок в его руке летал, как легкая бамбуковая палка. Незнакомые приемы идзинского кен-дзюцу[20] оказались весьма эффективными. К тому же долго фехтовать мечом-посохом, лишенным защитной гарды, было непросто, а парировать удары – опасно: можно запросто лишиться пальцев.

[20] Искусство боя на мечах.

Внизу, под стеной, пылали факелы и белели поднятые лица с провалами разинутых ртов. На них смотрели. За их смертельным танцем наблюдали. А драгоценное время уходило… уходило… у-хо-ди-ло!

Воин в рогатом шлеме – вне всякого сомнения, великий кенси[21], у которого многому можно научиться – уверенно теснил Итиро, осыпая его градом смертоносных ударов. А хуже всего было то, что идзинский меч значительно превосходил по длине сикоми-дзуэ Итиро. Что ж, если в бою нельзя удлинить клинок, возможно другое…

Уклонившись от очередного выпада противника, Итиро ударил сам. Но на этот раз не просто ударил, а с силой выбросил правую руку, выкинул ее в буквальном смысле. Вместе со сжатым в кулаке мечом.

Бесконечные тренировки на грани человеческих возможностей, болезненные растяжки и вывихи, которым регулярно подвергали гибкое тело Итиро, сделали свое дело. С легким хрустом локтевой и плечевой суставы на миг вышли из суставных сумок. Рука удлинилась на добрую ладонь, увеличилась дистанция удара…

Такого приема враг не ожидал.

Темное острие сикоми-дзуэ рассекло кольчужную сетку под правым наплечником и вспороло рукав поддоспешника. Брызнула кровь. Идзин глухо вскрикнул. Отступил, споткнулся, упал, роняя оружие из ослабевших пальцев. Его меч, кувыркаясь, полетел со стены.

Раненый и обезоруженный противник больше не представлял опасности, и Итиро не стал его добивать. Не до того! По стене бежали другие идзины. Подбегали! Топот и звон железа доносились и из темного башенного проема за спиной Итиро. Там тоже кто-то поднимался наверх.

Суставы уже встали на место и почти не болели. Итиро сунул меч-посох в заспинные ножны, вырвал из поясного кармана широкий деревянный пенальчик. Щелк! Пенал открылся, и Итиро, подобно сеятелю, бросил металлическую «зернь» – мелкие, но остро заточенные «ежи»-тэцубиси. Вправо. Влево…

Россыпь железных колючек оказалась под ногами у воинов, бегущим по стене. Еще одна порция «ежей» полетела через раненого идзина на темную лестницу башни. Тэцубиси не отравлены, но они способны пропороть обувь и поранить ногу. Это должно на время задержать врага.

И в самом деле – задерживало. Уже почти добежавшие до Итиро идзины с воплями повалились друг на друга. На лестнице в башне тоже слышатся вопли, звон железа о камень, грохот падающих тел.

Пора! Итиро был готов к последнему рывку. Но чья-то рука вдруг схватила его за маску-дзукин. Рванула ткань…

Проклятье! Раненый идзинский самурай вновь стоял на ногах и пытался его остановить! Правая рука безоружного мечника висела плетью, левая – сдирала с лица Итиро маску.

Но пальцы уже нащупали в боковом кармашке бумажный мешочек. Итиро сжал тонкую оболочку. Бумага порвалась. Итиро швырнул жмень мелкого порошка в смотровую щель рогатого шлема. Над головой чужеземца заклубилась пыль – слепящая смесь из песка, железных опилок, высушенных и перемолотых в труху жгучих трав. Идзин заревел медведем. Шараханулся назад, споткнулся, упал.

Видел ли он лицо Итиро? Успел ли разглядеть, прежде чем ослепнуть? Если да – то плохо. Никто не должен видеть лица синоби. Так его учили…

Снова дождем посыпались стрелы: беглеца уже не надеялись взять живым. Или просто не хотели.

---

[21] Мастер фехтования.

Итиро вскочил на зубчатый край стены. Одна стрела пропорола вздутую порывом ветра куртку. Еще одна – ударила в спину, соскользнув с округлого бока сумки-нагабукуро. Стрела звякнула о кристалл с Черной Костью и едва не сбросила Итиро вниз. А с такой высоты нужно прыгать самому. Аккуратно, умело и расчетливо нужно…

Итиро быстро перекинул нагабукуро на живот, вздохнул поглубже. Задержался еще на миг. Сконцентрировался перед опасным прыжком. И шагнул во мрак. Исчез в ночи под изумленные крики идзинов. Растворился тенью среди ночных теней.

Пару мгновений, показавшихся нескончаемо долгими, он, раскинув руки в стороны, удерживал тело в правильном – ногами вниз – положении. Итиро падал вдоль неровной кладки – спиной к выступающим камням, едва не касаясь их. Падал, как стоял.

Ночной воздух тугой, упругой струей бил в открытое лицо. Сухая земля – темная полоска между стеной замка и увенчанным частоколом валом стремительно приближалась, грозя ударить до хруста в костях и до хлюпанья в потрохах. Ударить, сломать, разбить, размазать.

Это был самоубийственный прыжок. Для любого другого – да, но не для опытного синоби. Не для лучшего генина клана. Еще стоя на зубчатом гребне стены, Итиро хладнокровно рассчитал ма-ай – соотношение времени и пространства. У самой земли, в нужный, самый нужный момент Итиро ударил ногами в кладку за спиной. Удар отозвался сильной болью в пятках. Сильной, однако не смертельной.

Промежуточный толчок погасил скорость. Тело, до сих пор падающее вертикально, отскочило от стены под углом. Итиро сгруппировался, прижимая нагабукуро с добычей к животу, стараясь уберечь кости. Свои кости. Черную Кость защитит прочный кристалл-саркофаг.

Приземление, конечно, не было безболезненным, но все же не убило и не покалечило его. Итиро по инерции докатился до вала с частоколом. Вскочил на ноги. Выхватил из кармана еще один бумажный мешочек, надорвал его и рассеял пыльное облако неприметного землистого цвета. Этот порошок предназначался не для людей. Он защитит его от собак, которых идзины могли пустить вокруг крепости. Если пес хоть раз вдохнет такую смесь, проку от него больше не будет: пес потеряет обоняние.

Не оставляя на плотной земле следов и присыпая путь отступления едкой пылью, Итиро быстро поднялся к частоколу, легко перемахнул через него…

Когда со стены в ночную тьму полетели горящие факелы, он уже спускался в ров. Без шума и всплеска погрузившись по горло в мутную воду, Итиро достал из-за спины сикоми-дзуэ, вынул клинок и не торопясь открутил с ножен набалдашник-кодзири…

Из крепости доносились переполошенные крики. Со скрипом и скрежетом опустился подъемный мост. Послышался стук подкованных копыт по деревянному настилу. Всадники с факелами рассыпались по ту сторону рва. Несколько конных идзинов направлялись в его сторону, и Итиро скрылся под водой с головой. Над черной поверхностью, почти не тревожимой прикосновением слабого ветерка, остались торчать лишь ножны-сая, обращенные на этот раз не в плевательную, а в дыхательную трубку. Среди водорослей и травы, разросшейся над стоячей водой, кончик ножен трудно было бы разглядеть даже днем, а уж ночью и подавно.

Вода оказалась прохладной, но Итиро не обращал внимания на подобные мелочи. Его тело прошло хорошую закалку-танрен, он мог часами лежать в снегу.

Итиро приготовился к долгому ожиданию. Пока идзинские всадники рыскают поблизости, уходить было опасно. Он ускользнет позже – когда погоня удалится или когда идзины, утратив бдительность, начнут возвращаться. Когда уже никому не придет в голову искать похитителя Черной Кости под самыми стенами крепости. А ждать Итиро умел. А ночь только-только перевалила за половину.

У него еще будет и время, и возможность незаметно уйти до рассвета. Уйти самому и унести добычу. Сознание Итиро погружалось в блаженное состояние макусэ – глубокой медитации и полной отрешенности от происходящего.

Глава 5

– Черные Мощи, ваше величество… – таковы были первые слова вестника, примчавшегося из Вебелинга и переступившего порог шатра.

В императорскую ставку на берегу Дуная прибыл сам Дитрих Кнауф, кастелян вебелингского замка и один из немногих императорских рыцарей, имевших представление о том, какое сокровище хранится в замковом донжоне. Это уже само по себе внушало беспокойство. К тому же Дитрих сейчас походил не на благородного дворянина из знатного рода, а на побитую собаку. Изнуренный долгой скачкой, пропахший своим и конским потом, в плаще, заляпанном грязью, с перевязанным темно-бурой тряпицей плечом, он стоял перед императором, опустившись на правое колено и не смея поднять глаз. Рядом лежала седельная сума, которую вестник зачем-то притащил с собой.

– Что? – с трудом вымолвил побледневший Феодорлих. – Что мощи?!

В императорском шатре не было никого, кроме самого императора, вебелингского рыцаря и советника-колдуна в красных одеждах. Стражу и свиту Феодорлих выставил прочь.

– Они… они похищены, ваше величество.

– Что-о?! – взревел Феодорлих.

Теперь лицо императора налилось красным и стало похоже по цвету на колпак и мантию придворного чародея.

– Что? – беззвучно, одними губами, вслед за Фридрихом прошептал Михель.

Маг подошел ближе, почти вплотную к Дитриху, вперился в него пронзительным взглядом.

– Мощи… похищены… – хрипло повторил рыцарь. И решился поднять лицо. – Мы не уберегли Реликвию, ваше величество.

– Когда? – выплюнул император. – Когда это случилось?

– Прошлой ночью, – смиренно ответил кастелян. – Кто-то проник в замок, пробрался в донжон и…

– Как?! – процедил Феодорлих. – Кто посмел? Кто сумел? Куда смотрела стража? Почему вор ушел живым?

Рыцарь глубоко вздохнул, прежде чем ответить.

– Это был не человек, ваше величество, и только поэтому…

– Что значит «не человек»? – прошипел Феодорлих. – Отвечай!

– Это исчадие ада, – Дитрих выпихивал слова, словно выдирал зазубренные наконечники стрел из раны – Это демон. Это сам… сам… сата…

– Это всего лишь слова, за которыми удобно прятать свою нерадивость и трусость! – гневно пророкотал император, вновь перебивая вестника. – Ты лжешь, Дитрих, и понесешь за это надлежащую кару.

– Ваше величество, он не лжет, – Михель, пристально следивший за вебелингским кастеляном, неожиданно вклинился в беседу. – Все, что говорит кастелян – правда. Либо он искренне верит в то, что это так.

Феодорлих резко повернулся к магу.

– Откуда тебе знать, Михель? Ты что, уже заглянул в его мысли?

– Да, ваше величество. Они открыты. Правда, мне трудно в них разобраться. Мысли Дитриха – как неготовое варево в бурлящем колдовском котле. Но он не лжет. Он просто находится в смятении и не знает, как объяснить случившееся.

Император, сверкнув глазами, подступил к колдуну.

– Вот как?! Тогда, может быть, ты объяснишь, Михель? Ты, помнится, убеждал меня, что мощи надежно защищены от любого магического воздействия извне. Ты утверждал, что

никакой колдун, никакой демон и никакая иная тварь не способны проникнуть в замок при помощью магии, и что никто на свете не сможет использовать магическую силу, чтобы похитить Реликвию.

Михель кивнул.

– Я не отказываюсь от своих слов, ваше величество. Все так и есть. Если Черные Мощи похищены, значит, это сделано не с помощью магии. Но это вовсе не значит, что кому-то могло ПОКАЗАТЬСЯ иначе.

Феодорлих снова навис над несчастным кастеляном:

– Кто-нибудь хотя бы разглядел похитителя?

– Он был в черных одеждах, и на нем была маска, ваше величество…

– С каких пор демоны рядятся в одежды и носят маски? – негромко вставил Михель.

– Не знаю, – облизнув сухие потрескавшиеся губы, Дитрих растерянно смотрел то на мага, то на императора, – этого я не знаю, но…

– Что «но»?! – рявкнул Феодорлих.

Рыцарь торопливо потянулся к своей суме, судорожно дернул ремешки.

– Когда демон… или не демон… или кто он там есть на самом деле… – путаясь в словах и завязках мешка, бормотал рыцарь. – Когда он перебирался через внешнюю стену…

Дитрих, наконец, справился с сумой и сунул в нее руку.

– Мне удалось сорвать с него маску.

Рыцарь вытащил два куска черной ткани.

– Вот это было намотано на его голову.

Феодорлих брезгливо покосился на скомканные черные платы в руке кастеляна:

– И что же тебе привиделось под «этим»? Звериная морда? Череп с пустыми глазницами?

Дитрих покачал головой:

– Нет, ваше величество. Под ней было лицо. Человеческое. Но не лицо христианина. Узкие глаза, желтая кожа…

Император и маг переглянулись.

– Татары? – сдавленно прохрипел Феодорлих. – Все-таки они! Послы!

– Или тот, кто пришел с ними, – кивнул Михель. – Тот, о чьих тайных помыслах не ведал ни глава посольства, ни толмач-русин.

– Это не человек, – покачал головой Дитрих. – Это…

– Хватит! – яростно осадил кастеляна Феодорлих. – Я уже слышал!

* * *

На пару секунд в шатре повисла напряженная тишина.

– Позвольте мне, ваше величество, – Михель вопросительно поднял глаза на императора и, уловив слабый кивок, продолжил, обращаясь уже к вебелингскому рыцарю: – Почему ты считаешь похитителя демоном, Дитрих?

– Не только я, все так считают, – выдохнул тот. – Все, кто сталкивался с ним прошлой ночью и кто, столкнувшись, сумел выжить. Он вытворяет такое, на что не способен обычный человек из плоти и крови.

– Что именно он вытворяет?

В вопросе Михеля не слышалось интереса, словно все ответы Дитриха маг знал наперед и спрашивал для того лишь, чтобы ответы эти из уст вебелингского кастеляна услышал император.

– Он… – Дитрих замялся, но быстро совладал с волнением и продолжил: – Он выходит из мрака и бесследно растворяется в нем. Ловит стрелы голыми руками и руками же отбивает

клинки. Может растягивать руку с мечом, как тетиву арбалета, а пальцами наносит такие раны, словно имеет когти. Он душит насмерть адским смрадом своего дыхания. Ослепляет едкой колдовской пылью. Бегает по стенам, как по земле, летает по воздуху…

– И летает тоже? – со снисходительной усмешкой переспросил Михель. – Вот даже как?

– Десятки рыцарей, слуг и оруженосцев видели, как демон спрыгнул с восточной стены. Вы знаете, какая там высота. Никто не смог бы упасть вниз и остаться в живых. Однако мы не нашли под стеной трупа. Значит… значит, демон улетел… – не очень уверенно закончил Дитрих.

– Демон что-нибудь оставил после себя, кроме своей маски? – маг пристально смотрел на суму вебелингца, которая вовсе не выглядела пустой.

– Да, да… – оживился рыцарь, – оставил… кое-что оставил…

Дитрих вынул из своего мешка сверток грубой толстой рогожи, размотал…

– Вот!

К ногам императора и мага лег странный кинжал, скованный с крюком. Темная, не отражающая света сталь. К рукояти привязан обрывок веревки из черного конского волоса. Судя по всему – рассеченной мечом или топором. На кинжал кастелян положил прочный моток с петлей на конце. Видимо, отрубленную часть веревочного хвоста.

– При помощи этого крюка и этой веревки демон спустился с донжона, – пояснил Дитрих.

Михель прищурился:

– Спустился, говоришь? По веревке? Но если демон способен летать, зачем ему понадобилась веревка с крюком? Почему он просто не упорхнул из крепости сразу, как только захватил мощи?

Кастелян захлопал глазами:

– Я не… не знаю…

– Покажи, что еще у тебя есть, – потребовал маг.

Из сумы был извлечен другой сверток – поменьше и поплотнее – из толстой кожи, намотанной в несколько слоев. Повозившись немного, Дитрих достал из него два металлических шипастых «ежа».

– Это ночной демон… вор… бросал нам под ноги.

Феодорлих тронул железную колючку носком сапога.

– Похоже на «чеснок», – пробормотал император. – Только маловат. Подкованное копыто может и не проткнуть. Если на влажной земле лежит, то всадника сразу и не остановит.

– Зато пропорет ногу человеку на темной лестнице или на крепостной стене, – заметил Михель. – И спрятать при себе такие шипы нетрудно. Вот только существо, способное летать и исчезать во мраке, вряд ли стало бы ими пользоваться. Как, впрочем, и веревкой, как и маской. А это еще что?

Дитрих с величайшей осторожностью извлекал из кожаной, затянутой шнурами обмотки плоскую черную звезду. Края странного предмета были заточены до бритвенной остроты.

– Это что-то вроде метательного ножа, – пояснил рыцарь. – Отравленного к тому же. Одна царапина – и человек гибнет.

– Опять неувязка, – хмыкнул Михель. – Много неувязок, слишком много. Для чего демону, который умерщвляет противников одним лишь своим дыханием, мазать ядом свое оружие? Зачем ему вообще оружие? И метать эти заточенные лезвия – зачем, если, как ты говоришь, его рука способна вытягиваться и разить врага на расстоянии? Впрочем, продолжай…

Следующими были две полые, сильно обгоревшие изнутри и потрескавшиеся снаружи трубки из неизвестного дерева. Больше всего они напоминали обрубки гигантского камышиного стебля. От трубок исходил резкий неприятный запах.

– Их нашли под трупами на лестнице донжона, – сказал Дитрих. – Видимо, это использованные факелы.

Михель покачал головой.

– Факелы ночным демонам не нужны, эти твари прекрасно видят во тьме. К тому же…

Маг поднял одну из трубок, внимательно осмотрел ее, понюхал, поморщился.

– Факелы к тому же так не воняют. Я, скорее, склонен полагать, что смрадное дыхание, о котором ты упомянул, испускал вовсе не демон, а эти штуки.

Михель задумчиво повертел в руке обгоревший деревянный обрубок.

– Если принюхаться, можно различить запах мышьяка и белены. Но наверняка здесь была и еще какая-то отрава.

Он брезгливо отбросил трубку и отряхнул руки.

– Что-нибудь еще удалось найти в замке, Дитрих? – нетерпеливо спросил Феодорлих.

– Ничего, ваше величество, – поник рыцарь, – в замке больше ничего нет.

– А за его пределами? Какие-нибудь следы?

– Никаких следов. Ни человеческих, ни лошадиных. Мы прочесали окрестности. Перекрыли все дороги и тропы. Но этот демон… вор этот… он действительно словно улетел по воздуху, ну, или сквозь землю провалился. Он исчез.

– Исчез, говоришь? – хмуро переспросил Феодорлих. – Собак спускали?

– Да, ваше величество. Только собаки следа не взяли. А два пса вовсе утратили чутье. Словно заклятье на них кто наложил. Единственное, что удалось обнаружить – это ряса. Она лежала в дупле и…

– Ряса? – изумился Феодорлих. – Какая еще ряса?

– Монашеская, ваше величество, – быстро ответил Дитрих. – Черная. Похожая на бенедиктинскую. И дырявая вся какая-то. А так – ничего примечательного. Я даже брать ее с собой не стал.

– Возможно, злоумышленник пробирался к замку, прикинувшись странствующим богомольцем, – пробормотал Михель. – Под монашеским куколем удобно прятать лицо. Но опять-таки, зачем укрываться рясой демону, который способен обретать невидимость?

На этот вопрос Дитрих ответить не смог, и маг задал другой:

– Кстати, а не было ли там, в дупле, нагрудного креста?

– Был, – побледнев, ответил вебелингский рыцарь. – Но ведь… ведь нечисть святого креста не наденет и даже в руки не возьмет.

Маг повернулся к императору:

– Что и требовалось доказать, ваше величество. Мы имеем дело не с исчадием ада, а с человеком из плоти и крови. Быть может, человек этот нечеловечески ловок, но не всемогущ. К тому же без монашеского одеяния ему придется трудно. Слишком уж приметная у нашего «демона» внешность.

– Я уже снарядил и выслал по дорогам дополнительные конные дозоры, – поспешил доложить Дитрих. – Весь замковый гарнизон поднят на ноги. Рыцари и кнехты прочесывают леса. Возможно, нам удастся найти вора и мощи.

– Что ж, тогда, возможно, ты будешь жить, Дитрих, – процедил сквозь зубы Феодорлих.

Широким твердым шагом он прошел к выходу из шатра и откинул полог.

– Стража!

На зов явились два мечника-телохранителя в начищенных латах.

– Взять его, – Феодорлих мотнул головой в сторону кастеляна.

Когда вебелингского рыцаря вывели из шатра, император перевел взгляд на придворного чародея.

– Думаю, теперь не лишним будет навестить наших гостей, – проговорил Феодорлих.

Улыбка на его лице больше походила на звериный оскал.

– Вы правы, ваше величество, – склонился перед императором Михель. – Следует проверить посольский лагерь.

* * *

Их обложили плотно и со всех сторон. Сразу же после турнира вокруг татарского куреня сплошным кольцом расположились пара сотен немецких рыцарей со сворами оруженосцев и слуг, пешие арбалетчики и отряды копейщиков. Латиняне были в доспехах и при оружии, однако держались в отдалении и не выказывали явной враждебности. Послам просто давали понять, что император не намерен выпускать из лагеря никого из них.

Странная осада длилась всю ночь и весь следующий день. На расстоянии выстрела из лука, группками и поодиночке, постоянно маячили всадники и бродили пешцы. Арбалеты латинянских стрелков были взведены. Напряжение росло.

Бельгутай велел своим воинам облачиться в доспехи, оседлать коней, собрать припасы в дорогу, проверить оружие и, по возможности, не выходить из палаток. Нойон обошел лагерь и перебросился краткими фразами с каждым десятником-унбаши. Унбаши молча и понимающе кивали. Бельгутай говорил быстро и тихо. Единственное, что смог разобрать Тимофей: речь шла о возможной стычке. Попытка расспросить ханского посла успехом не увенчалась. Бельгутай только раздраженно отмахнулся:

– Если дело дойдет до драки, просто держись меня, Тумфи, и делай, что я скажу. Тогда, может быть, уцелеешь.

Близилась ночь. Еще засветло дозорные развели костры вокруг лагеря, и, едва начало смеркаться, огни четко обозначили границу татарского стана, лишив латинян возможности подобраться незамеченными. Те, впрочем, и не думали таиться.

Вечером возле лагеря появился Феодорлих со свитой. Кольцо вокруг куреня еще более уплотнилось и сжалось. Латиняне открыто подступили к кострам и крайним палаткам куреня. Надвинулись почти вплотную. Словно петля легла на горло – пока еще не тугая, но готовая в любой момент затянуться, смять и раздавить немногочисленный отряд степняков. Как только в этом возникнет необходимость. Как только император даст команду.

Феодорлих в сопровождении Михеля и пары дюжин вооруженных рыцарей въехал на территорию лагеря, миновал палатки нукеров и приблизился к шатру Бельгутая. Император был облачен в боевые доспехи, у седла Феодорлиха топорщилась небольшая и явно не порожняя сума.

Большие щиты конных телохранителей надежно прикрывали монарха, да и сами закованные в латы всадники располагались впритирку друг к другу: копье не пройдет, стрела не пролетит. Придворный чародей держался подле императора и тоже находился под прикрытием рыцарей. Правая рука Михеля была чуть приподнята, чтобы в любой момент сотворить защитный магический знак.

Арбалетчики, выстроившиеся у огней посольского стана, держали заряженные самострелы наизготовку. За линией стрелков выжидала конница. Немецкие лошади фыркали и рыли копытами землю. За всадниками располагалась пехота. Колышущаяся стена пик закрывала татарам дорогу к бегству.

Вряд ли удастся прорваться через такое окружение, – трезво оценил ситуацию Тимофей. И едва ли возможно сейчас причинить императору вред. Если конечно, у татар нет в

запасе какой-то особенной хитрости. Тимофей покосился на посла-нойона: от этих кочевников всего можно ожидать.

Бельгутай встретил императора перед своим шатром. Тимофей стоял справа от ханского посла. Позади, у коновязи, два неподвижных факельщика разгоняли огнями сгущающиеся вечерние сумерки. Пламя они держали прямо перед собой, закрывая лица от пристального взгляда Михеля. Это могло быть случайностью, а могло и не быть. Больше татарских воинов поблизости видно не было.

И посол, и толмач, и оба нукера с факелами дожидались незваных гостей без оружия – так распорядился Бельгутай. Да что там оружие! Как ни присматривался Тимофей, он не заметил ни у кого каких-либо подручных предметов, которые можно было бы использовать в качестве оружия. Ну, разве что на шее нойона болталась увесистая золотая пайзца, да пояса факельщиков оттягивали небольшие мешочки-кошели, в которые дозорные обычно клали просяные лепешки, если предстояло долгое бессменное дежурство. Но в такой мешочек не спрятать ничего страшнее камня. А какой вред может причинить булыжник закованному в латы рыцарю?

Бельгутай и Тимофей двинулись навстречу Феодорлиху, чтобы надлежащим образом поприветствовать императора, но были остановлены предупреждающим окриком и полудюжиной копий, направленных в лицо и грудь. Им запрещали подходить близко. Им открыто угрожали.

После этого пустую вежливость можно было отринуть и говорить по существу.

– Что происходит, ваше величество? – спросил Бельгутай, едва не упершись грудью в острые наконечники.

Тимофей перевел вопрос нойона, стараясь не обращать внимания на маячившую перед глазами сталь и настырное давление черных глаз Михеля, глядевшего из-за императорского плеча.

– Ничего особенного, – мирно, почти дружелюбно ответил Феодорлих. – Я всего лишь хочу вернуть принадлежащее мне.

Бельгутай выслушал перевод, нахмурился.

– Вы в чем-то нас подозреваете?

Ответ прозвучал не сразу. Видимо, император что-то взвешивал на незримых весах, о чем-то раздумывал, что-то решал.

– Лично вас – нет, – наконец, заговорил он. – Пока нет. Но у меня имеются основания полагать, что вместе с вашим посольством в мои земли прибыл злоумышленник, который прошлой ночью проник в Вебелинг и забрал одну ценную… очень ценную и дорогую для меня вещь.

Кажется, Феодорлих решил говорить прямо и откровенно, однако его слова ясности пока не вносили.

– Что забрал? – Тимофей позволил себе самостоятельное уточнение. – Какую вещь?

– Некую Реликвию, – глаза Феодорлиха внимательно следили за послом и толмачом. Взгляд Михеля, казалось, вовсе просверливал их насквозь. – Черные Мощи. Не слыхали о таких?

В голове Тимофея звякнул колокольчик. Да чего там – целый колокол загудел. Припомнилось, как Бельгутай после аудиенции в императорском шатре случайно, а может быть, и нет, упомянул о некоей Черной Кости. Уж не о ней ли идет речь?

– Я ничего не скрываю, потому что не вижу в этом нужды, – продолжал Феодорлих. – Тот, кто похитил Черные Мощи, знает об их похищении. Кто не знает – скоро догадается. И все же я надеюсь вернуть украденное. И от того, удастся ли мне это, напрямую зависит ваша судьба.

Стараясь скрыть волнение и собраться с мыслями, Тимофей перевел слова императора.

* * *

Видимо, похищение таинственных мощей оказалось неожиданной новостью для посла. И притом новостью важной. Глаза Бельгутая обратились в две непроницаемые щелки.

– Почему вы решили, ваше величество, что именно мой человек повинен в столь постыдном деянии, как воровство? – спросил посол.

– Потому что именно вашего человека, воровским способом пробравшегося в мой замок, видели мои люди, – таков был ответ императора.

– Они могли ошибиться…

Тимофей переводил вопросы и ответы, запоминая каждое слово.

– Не могли. Вор носил черные одежды и прятал лицо под маской. Однако одежда не укрыла его в ночи, а маска была сорвана.

– И что? – Бельгутай держался хорошо. Он не оправдывался и не спасал свою жизнь. Сейчас он просто добывал информацию, которая могла оказаться полезной. – Чье лицо пряталось под маской?

– Откуда мне знать, – поморщился Феодорлих. – Таких лиц много в вашем стане, посол. Среди добрых католиков людей с такими лицами нет.

Бельгутай покачал головой.

– Это невозможно. Мои люди всегда при мне. И днем, и ночью. И этой ночью, и прошлой, и позапрошлой. Они не отлучались из лагеря. Да и вряд ли смогли бы. Незамеченными…

Бельгутай многозначительно покосился на императорских рыцарей.

Тимофей переводил. Он говорил и за ханского посла, и за императора, стараясь не привлекать внимания к себе. Тимофей был эхом чужих речей. Но эхом, впитывающим и сохраняющим в себе все сказанное и все услышанное.

– Кто-то смог, – хмуро подытожил Феодорлих. Поколебать его уверенность в этом было невозможно. – Я хочу знать, кто. И где сейчас этот человек. Но еще больше меня интересует не он сам, а украденное им.

– Боюсь, нам нечем вам помочь, ваше величество, – с подобающей почтительностью, но и с твердостью в голосе произнес Бельгутай.

В факельном свете видно было, как на скулах императора заиграли желваки. Бельгутай не мог этого не замечать.

– Я не знаю, кто проник в вашу крепость, – спокойно продолжал ханский посол. Тимофей так же спокойно переводил. – Но я точно знаю, что это был не мой человек. Я еще раз повторяю, все мои люди…

– Вам знакомо это, посол? – Феодорлих, не дослушав, извлек из седельной сумы странный предмет.

«Это» оказалось небольшим кинжалом с прямым клинком и изогнутым крюком-когтем, скованными воедино. На рукояти болтался обрывок черной веревки.

Император швырнул кинжал к ногам Бельгутая.

– Вы сами ловко управлялись на ристалище крюкастым копьем, – Феодорлих не отводил глаз от лица татарского нойона. – Так, может быть, кто-то из ваших воинов в совершенстве владеет и этим оружием? А еще – вот этим?

Рука Феодорлиха вновь скрылась в суме. Император с величайшей осторожностью достал еще более диковинную вещицу. Перед Бельгутаем и Тимофеем упала плоская остроконечная звездочка – черная, с отверстием посредине, с заточенными гранями по краям.

– И пользуется этим?

В землю воткнулся железный «еж», щетинившийся острыми шипами. Маленький, неприметный – такие, наверное, удобно прятать при себе, – но способный пропороть толстую подошву и поранить ногу.

– И этим?

Две небольшие обгоревшие деревянные трубки, брошенные императором, откатились в сторону. Даже на расстоянии Тимофей почувствовал исходивший от них неприятный запах.

Бельгутай молчал, ничем не выказывая того, что узнает предъявленные предметы. Впрочем, в том, что он их не узнает, Тимофей сейчас не был уверен тоже.

– Поймите, посол, – устало вздохнул Феодорлих. – Вторжение в мой замок и совершенная там кража будут дорого стоить и вам, и вашим людям, вне зависимости от того, причастны вы к случившемуся или нет. Легкой смерти я не обещаю никому.

– …в общем, нам не дадут умереть легко и быстро, – закончил перевод Тимофей.

Степняк пожал плечами.

– Тот, кто осмелится поднять руку на посланцев Великого хана, не обретет в итоге ничего, кроме собственной смерти, – спокойно и миролюбиво, без намека на угрозу, а скорее даже с искренним сочувствием в голосе произнес Бельгутай.

На груди степняка поблескивала охранная пайзца.

Тимофей постарался передать Феодорлиху не только смысл сказанного, но и каждую нотку, прозвучавшую в ответе нойона.

Латиняне поняли. Дернулись было телохранители императора, однако Феодорлих едва уловимым движением руки остановил ретивую стражу. Он долго смотрел на посла и толмача. Затем заговорил снова:

– Вы оба либо отчаянно смелы, либо безрассудны до неприличия, либо попросту глупы. Но я хочу, чтобы вы усвоили одно: войны с Огадаем я не боюсь. Хотя бы по той причине, что ее не избежать – об этом хорошо известно и вам, и мне. А бояться неизбежного бессмысленно. Вот только, чтобы успешно противостоять хану, мне необходимо вернуть похищенную Реликвию. Как видите, у меня не остается выбора, и я не остановлюсь ни перед чем. Все дороги перекрыты. Вы полностью в моей власти. Ваш лагерь окружен, а то, что я ищу, наверняка окажется здесь.

– Ваше величество… – начал было Бельгутай, но Феодорлих не стал дожидаться ни окончания фразы, ни перевода.

– Возможно, вам действительно ничего не известно, – вяло отмахнулся император. – Возможно, кто-то из ваших людей ведет свою игру втайне от вас. Но это ничего не меняет. Ровным счетом ничего. Ваша миссия закончена, посол.

Повернув голову, Феодорлих бросил через плечо:

– Татар разоружить. Лагерь обыскать. Кто вздумает сопротивляться – рубить на месте. Прочих вязать и тащить сюда. Михель, ты знаешь, о чем спрашивать и что искать. Начинайте…

Однако, прежде чем латиняне приступили к выполнению императорского приказа, Бельгутай взмахнул рукой, отдавая свой – краткий и безмолвный.

Это был оговоренный заранее знак. Сигнал к бою.

* * *

За приподнятым пологом Бельгутаева шатра гулко и раскатисто ударил барабан. Затаившийся лагерь вмиг ожил и преобразился. Из палаток выскакивали воины, уже облаченные в доспехи и с оружием в руках. Одни степняки натягивали луки, другие бежали к оседланным лошадям. Суета была деловитой, а действия нукеров – продуманными. Каждый знал свое место и свое дело. Каждый выполнял, что ему было поручено.

Воздух наполнился свистом стрел. Послышались вскрики раненых и стоны умирающих. Стрелять сейчас было удобнее из лагеря. Костры, грамотно разложенные по краю куреня, хорошо освещали строй рыцарей и кнехтов и слепили латинянских арбалетчиков.

Длинные татарские стрелы свалили первых всадников и пешцев противника. Арбалетные болты, ударившие по посольскому лагерю, тоже достали нескольких нукеров. Однако болты били не так точно и часто, как степняцкие стрелы. А некоторые снаряды, выпущенные из мощных немецких самострелов, пролетев сквозь курень и не найдя в нем жертвы, разили самих латинян на противоположной стороне лагеря.

В шатре нойона тоже, как выяснилось, укрывались лучники. Полдесятка человек выскользнуло из-под широкого полога, натягивая тетивы. Телохранители императора дружно вскинули щиты. Лучников взяли на прицел арбалетчики, не успевшие еще разрядить самострелы. Но Михель опередил всех.

Маг простер перед собой правую руку, сжатую в кулак, выкрикнул колдовское слово и резко, с силой, разжал персты, словно стряхивая с них воду. Сверкающие нити – тонкие, как паутина, и изломанные, как молнии, соединили кончики пальцев Михеля с луками татарских стрелков. Тугие номо, направленные на императора и чародея, с хрустом переломились. И все же лучники на пару мгновений отвлекли внимание латинян. Этого времени оказалось достаточно, чтобы…

Безоружные факельщики, прикрытые от взоров императорской свиты спинами Бельгутая и Тимофея – вот на кого делал ставку ханский посол. Ибо не такими уж безоружными они оказались. Но все это Тимофей понял потом, позже. В первые мгновения боя он не видел, как нукеры с факелами извлекают из поясных кошелей небольшие железные шары. Не видел Тимофей и того, как татары подпаливают короткие фитили, обмазанные особой горючей смесью. И лишь когда круглобокие снаряды, брызжущие искрами, полетели мимо него и Бельгутая под копыта латинянских коней, Тимофей вспомнил о факельщиках. Просто вспомнил – ещё не осознавая до конца происходящего.

На новую непонятную угрозу не успели отреагировать ни Михель, ни императорские телохранители. А искрящиеся фитили сгорели быстро.

А шары, набитые невесть чем…

– Ложись, урус! – падая сам, Бельгутай сильно и неожиданно толкнул Тимофея в бок.

Тимофей упал, заметив краем глаза, что метатели шаров, побросав факелы, тоже вжимаются в землю.

Да, залегли они вовремя. Над головой Тимофея свистнули два или три арбалетных болта. Но, как оказалось, главная опасность исходила не от них.

Вдруг (все сейчас происходило внезапно, стремительно, вдруг!) вспыхнули сумерки, разверзлась земля, содрогнулось небо. В лицо пахнуло горячей серой. Яркое пламя, оглушающий грохот… Неведомая сила разметала латинян. Брызнула кровь, звякнуло железо, чавкнули ошметки плоти и вывороченные потроха. Повалились наземь лошади. Посыпались с седел телохранители Феодорлиха. Рухнул и сам император. Придавленный конем и заваленный телами своих рыцарей Феодорлих исчез из виду. Упал навзничь Михель – упал и, видимо, крепко приложившись красным колпаком о землю, остался лежать недвижимо.

Похоже, этот взрыв тоже был сигналом. Огненные вспышки заполыхали по всему куреню. Загромыхало так, что заложило уши.

Тимофей сообразил наконец, что происходит. Подпустив латинян к лагерю, татары пробивали себе путь гремучей заморской смесью, набитой в железные сосуды. Об огненном зелье, обладавшем невиданной разрушительной силой, Тимофей слышал неоднократно, однако видеть ТАКОЕ ему пока не доводилось.

А сегодня вот довелось.

Не зря, совсем не зря горели костры по внешней границе лагеря. Татары поджигали от них фитили железных шаров. Или попросту бросали в огонь свои адские снаряды. Громовые сосуды разрывались сами и рвали в клочья все и вся вокруг, убивали, оглушали, внушали ужас, сеяли панику. Грохот стоял немыслимый. Разлетающиеся осколки секли плотные ряды латинян. Обезумевшие, перепуганные и израненные рыцарские кони метались, сбивая друг друга, сбрасывая всадников и затаптывая пешцев. Густые клубы дыма застилали взор и вышибали слепящую слезу из глаз. Вопли и стоны людей мешались с истошным лошадиным ржанием.

Взрывы гремучих снарядов, а пуще того – смятение и страх, овладевшие имперцами, взломали кольцо латинян сразу в нескольких местах. Путь был открыт, и первые татарские всадники уже проносились сквозь бреши, завывая, словно демоны надвигающейся ночи. Степняки кружили за вражескими рядами, на скаку осыпая ошеломленного противника стрелами, множа панику и предоставляя возможность вырваться тем, кто еще оставался в лагере.

– Вставай, Тумфи!

Бельгутай был уже на ногах.

Кто-то подвел нойону приземистую степную лошадку. Да нет, не кто-то: Тимофей узнал одного из факельщиков. А где второй? Ага, второй подняться не смог. И не сможет уже. Второй так и остался лежать – скрюченный, вжавшийся в землю. В спине второго, между пластин куяка, торчало оперение арбалетного болта. Достала-таки латинянская стрела!

Впереди, в пыли и дыму копошилась груда обвешенных железом человеческих и конских тел. Доспехов императора среди рыцарских лат видно не было. Красные одежды придворного чародея тоже затерялись в обильных потеках крови. Живы ли Феодорлих и Михель? Нет ли?

А из переполошенного многоязыкого лагеря латинян уже спешила подмога. Скоро, очень скоро, невеликий посольский стан снова возьмут в кольцо – еще более плотное и прочное, чем прежде. Тогда из куреня нипочем не вырваться. Ну а пока…

Пока около двух десятков всадников, не дожидаясь помощи, спешили с левого фланга на выручку Феодорлиху. Впереди скакал рыцарь в горшкообразном шлеме и с золочеными львами на щите и гербовой котте. Тимофей невольно почувствовал уважение к заносчивому молокососу. Зигфрид фон Гебердорф не только не поддался всеобщей панике сам, но и сумел увлечь за собой других.

Полдесятка татарских лучников, оказавшихся на пути баронского отряда, германцы смяли в два счета. Следующими под удар должны были попасть Бельгутай и Тимофей.

– Тумфи!

Бельгутай вскочил на лошадь. Верный нукер-факельщик, припав на колено, подносил к оброненному огню еще один железный шар с фитилем. Вот-вот снова рванет огненное зелье!

– Тумфи, назад!

Ханский посол направил лошадь за шатер. Тимофей тоже метнулся к своей палатке, где бился на привязи оседланный гнедой конь. К седлу приторочены меч, щит и седельная сума. Гнедок был готов и к походу, и к бою.

Тимофей сорвал с коновязи повод, перекинул его через голову жеребца, впрыгнул в седло, саданул пятками по конским бокам. Оглянулся на скаку.

Зигфрид и его всадники уже почти достигли того места, где в куче мертвых и полуживых тел лежали император и маг. Но нукер Бельгутая все же успел раньше. Поджечь успел, метнуть успел…

Темный шар, разбрасывающий искры, мелькнул в воздухе.

И снова – взрыв, пламя, грохот.

Столб огня и дыма ударил из груды человеческих тел и конских туш. Отлетели в сторону чей-то меч, разбитый шлем, оторванная нога… Теперь у Феодорлиха и Михеля шансов выжить было еще меньше.

Кони спешивших на помощь латинян шарахнулись в стороны. Два или три всадника из отряда Зигфрида упали. Однако сам фон Гебердорф, прикрывшись щитом, удержался в седле и сумел справиться с конем. Молодой рыцарь настиг факельщика, срубил татарского нукера длинным мечом. Закричал что-то из-под шлема. Баронская свита заслонила дымящееся месиво из тел, в котором должен был находиться Феодорлих – живой или мертвый. Тимофей видел: пробиться туда уже не было возможности. И оставаться в лагере не имело смысла.

Взрывы больше не гремели. Латиняне приходили в себя, бреши в прорванном кольце начали затягиваться. Бельгутай уводил за собой последних нукеров, и Тимофей присоединился к степнякам.

Татар было немного, до смешного мало их было сейчас, по сравнению с несметной императорской ратью, стягивавшейся к куреню. Но, сбившись в единый кулак, пуская на скаку стрелу за стрелой, воины Бельгутая расчищали себе дорогу. Им вдогонку тоже летели стрелы. Короткие арбалетные болты сбивали всадников и валили коней. И все же десятку посольских воинов удалось прорваться сквозь вражеские ряды.

Латинянские стрелы теперь не свистели над головой, но сзади нарастал шум погони. Оглянувшись, Тимофей увидел всадников, разворачивавшихся широкой облавной цепью. А со стороны императорского лагеря мчались все новые и новые преследователи.

Громкий гортанный выкрик-приказ Бельгутая перекрыл стук копыт. Скакавшие плотной группкой татары рассыпались в разные стороны. Все правильно: поодиночке сейчас спастись проще. Тимофей, однако, продолжал держаться Бельгутая. Угрим наказал ему следить за ханским послом, и Тимофей намеревался исполнять повеление князя, покуда это было возможно.

Так, вместе – бок о бок, стремя в стремя с нойоном – они и нырнули в спасительный перелесок. Еще несколько минут бешеной скачки среди редких деревьев, и беглецы очутились в лесной чащобе – настоящей, густой, дремучей. Здесь пришлось попридержать коней. Хотя ночь только-только вступала в свои права, но под сенью пышных крон уже царил мрак, и излишняя спешка могла только навредить. Во влажной тьме немудрено было лишиться глаза, свернуть шею себе или переломать ноги коню.

По ночному лесу от погони следовало уходить неторопливо и осторожно, полагаясь не столько на скорость, сколько на хитрость, доверяя не зрению, но слуху. Тимофей, в отличие от степняков, знал, как это делается. После ищерских чащоб он в любом лесу чувствовал себя как рыба в воде, а потому без труда ушел от преследователей сам и увел Бельгутая.

Звуки погони постепенно стихали где-то по левую руку. Ханский посол и русский толмач забирали правее.

Глава 6

Укромные леса и перелески закончились к утру. Внезапно закончились – как отрезало. Тимофей и Бельгутай едва успели остановиться под прикрытием обрывающейся зеленой стены. Но поводья оба натянули вовремя.

Впереди раскинулись обширные, хорошо просматриваемые луга. За лугами виднелись поросшие тенистыми рощицами холмы и овраги. А на полпути к ним шла… Погоня? Охота? Вооруженные всадники гонялись за мечущейся зайцем темной тенью. Маленький человечек, одетый во все черное, с невероятной скоростью бежал к лесистым холмам. Причем двигался он не по прямой, а непредсказуемыми зигзагами и стремительными рывками – из стороны в сторону, путая лошадей и не давая себя окружить. Преследователи старались заслонить путь к спасительным деревьям и поймать юркую тень в клещи, но пока им это удавалось плохо. Ветер доносил обрывки лающих команд на немецком.

Всадников было трое: рыцарь в шлеме-ведре и в гербах, изображающих запертые ворота, с ним два помощника-ловца. Судя по всему – оруженосцы. Еще один преследователь неподвижной кочкой лежал в траве – неподалеку от Тимофея и Бельгутая. Рядом валялась лошадиная туша и сломанный при падении арбалет. Видимо, беглец был не так уж и безобиден, как это могло показаться на первый взгляд.

Тимофей присмотрелся к убегавшему. Черные порты, короткий черный кафтанчик с длинными рукавами, широкий черный кушак. Удобная одежда, не стесняющая движений, вот только цвет… В черном наряде хорошо прятаться ночью, но при свете солнца да на зеленом лугу она слишком приметна. Потому и напоролся, видать, на латинянский дозор, бедолага. И на кой его понесло через открытое пространство? Стороной не мог обойти?

За спиной беглеца болталась небольшая сума и торчала прямая палка. Посох, что ли? Но кто таскает посохи за плечами? Не проще ли выбросить палку, чтоб шибче бежать?

Еще больше Тимофей изумился, когда беглец оглянулся назад. Лицо над черным воротом было желтоватым и плоским как блин, с узкими глазками и маленьким приплюснутым носом. Степняк-татарин? Или иной какой бесермен? Но откуда взяться ему в латинянских краях? Уж не из ханского ли посольства?

Да, интересную… очень интересную добычу ловили конные германцы.

– Бельгутай?! – негромко окликнул Тимофей.

– Вижу, – хмуро отозвался тот.

– Твой человек?

– Нет.

– Точно?

– Я своих людей знаю.

Тимофей кивнул. Уж на что степняки похожи друг на друга, но человека с таким лицом он среди татар тоже не припоминал. Да и телосложение. Не было в посольской дружине столь худосочных и низкорослых воинов.

– Погоди-ка, Бельгутай, – вдруг вспыхнула в мозгу неожиданная догадка. – А это случаем не тот, который… А?

Они переглянулись. Поняли друг друга сразу, без слов. А чего не понять-то? Феодорлих говорил, будто неведомый вор, проникший в Веберлингскую крепость, носил черные одежды и лицом смахивал на татарина. Так что вроде бы все сходится.

– А ведь ты прав, Тумфи, – процедил Бельгутай. – Он это. Руку даю на отсечение – он.

Беглеца тем временем атаковали. Улучив момент, когда оруженосцы зажали-таки юркую темную фигуру с двух сторон, ограничивая пространство для маневра, германский

рыцарь направил коня на чужеземца. Опустилось поднятое к небу копье. Золоченые шпоры вонзились в конские бока.

Бесермен заметил опасность. Перестал метаться. Остановился. Рванул из-за плеча свою палку. Нет, не палку! Тимофей ахнул: в заспинном посохе, оказывается, укрывался небольшой потаенный меч!

Из простой, нарочито даже простой, удлиненной деревянной рукояти, лишенной защитного перекрестия и имитировавшей верхнюю часть посоха, торчал чудной клинок – темный, короткий, прямой, со скошенным острием. Полые ножны – нижняя часть посоха – так и остались висеть за спиной.

Чуть пригнувшись и удерживая двумя руками меч над головой, черный бесермен замер в диковинной боевой стойке.

Германец коня не остановил. Оно и понятно: шансов у пешца, пусть даже и обретшего оружие, не было никаких. Ну, или почти никаких.

«Интересно, эти трое хотят убить его или только ранить и полонить? – пронеслось в голове Тимофея. Он покосился на труп четвертого германца, явно павшего от руки беглеца. – Или как получится?»

На маленького человечка несся огромный рыцарский конь, закрытый окольчуженной попоной. Шею и грудь немецкого скакуна защищали широкие изогнутые пластины, череп укрывало блестящее стальное оголовье. В седле с высокими луками восседал закованный в железо всадник. Кольчуга, нагрудник, наплечники, наручи, поножи, латные перчатки, горшкообразный шлем с узкой смотровой щелью…

И большой, прикрывающий тулово от седла до шлема, треугольный щит в левой руке. И длинное копье-лэнс – в правой. Таким копьем всадник легко достанет пешего противника, в какую бы сторону тот ни метнулся. Однако бесермен не стал отскакивать в сторону. Бесермен ринулся вперед. Он атаковал сам!

С рыцарским жеребцом пеший мечник разминулся едва-едва, в последнее мгновение переступив с ноги на ногу и перенеся вес гибкого, подвижного, прямо-таки текучего тела с одной точки опоры на другую. И чуть развернувшись при этом. Чуть-чуть, самую малость…

И нырком уходя под копье.

Тяжелый наконечник с трепещущим банером запоздало качнулся вниз, вслед за ускользающей целью, но успел лишь разорвать черную ткань на левом плече пешца. Хотя нет, не только ткань: сталь, похоже, пропорола и кожу. И все же рана была не опасной.

Темная фигура разогнулась, уже стоя почти вплотную к проносящейся мимо нее бронированной туше. Резкий, едва уловимый глазом взмах короткого меча. Низкий секущий удар, пришедшийся по передним ногам рыцарского коня. Над копытами. Под взметнувшийся край кольчужной попоны.

Дикое, пронзительное ржание-визг. Приняв землю не на подкованные копыта, а на кровоточащие обрубки, покалеченный скакун рухнул мордой вниз. Копье, уткнувшееся в жирный чернозем, переломилось. В стороны полетели щит и шлем. Всадник вывалился из седла. По инерции оба – и конь, и наездник – некоторое время катились по земле. Потом жеребец отчаянно забился в траве, колотя воздух окровавленными культями. А в полудюжине шагов от него вяло шевелился поверженный рыцарь. Растерявшиеся оруженосцы, позабыв о беглеце, скакали к господину. Мечник в черных одеждах вновь бежал к лесистым холмам и оврагам.

Впрочем, времени он выиграл немного. Спешенный рыцарь быстро пришел в себя. Германец поднялся на ноги, вырвал меч из ножен, что-то закричал, указывая клинком на желтолицего иноземца. Приказывает догнать? Схватить? Убить?

Оруженосцы вновь бросились в погоню, огибая темную фигуру с двух сторон. На этот раз всадники настигли бесермена быстро. Видимо, полученная рана не позволяла тому бежать с прежней прытью.

Назревала новая стычка. Беглец остановился. Поднял короткий темный меч. Левая рука бесермена нырнула куда-то под куцый кафтанчик.

Что, интересно, у него там припрятано? Кинжал? Кистень?

Преследователи не спешили это выяснять и близко не подъезжали. Отрезав беглеца от леса и кружась на безопасном расстоянии, всадники выжидали. Чего?

Ага! К иноземцу снова спешит рыцарь с мечом. Значит, поединок еще не закончен. Или это будет уже не поединок, а будет трое на одного?

Честно говоря, Тимофей не испытывал ни сочувствия, ни жалости к похитителю неведомой Черной Кости, из-за которого сам едва не лишился головы. Но все же следовало признать: за свою жизнь черный воин дрался умело и отчаянно. Достойно, в общем, дрался.

Бельгутай, до сих пор неподвижно наблюдавший за происходящим, вдруг шевельнулся, потянул из седельного саадака лук, достал из колчана стрелу с бронебойным наконечником – тяжелым, узким, граненым.

Каменное лицо степняка ничего не выражало. Темные щелки глаз смотрели бесстрастно и безжалостно.

Тимофей скривился:

– Думаешь, если ты убьешь этого ночного вора прежде, чем это сделают немцы, Феодорлих будет милостив к нам?

– Я не собираюсь убивать вора, – процедил сквозь зубы нойон.

И приложил оперенный конец стрелы к тетиве.

Тимофей непонимающе уставился на татарина:

– Ты хочешь помочь ему? Помочь сбежать?

– Нет. Я хочу узнать, кто он такой и откуда взялся.

«И куда дел Черную Кость, не так ли?» – усмехнулся про себя Тимофей. Что ж, дело хорошее, нужное. Все равно от нападения на немецкий дозор хуже уже не станет. Тимофей потянулся к мечу и отцепил от седельной луки щит.

– Ну, начинай, Бельгутай. Я, ежели что, подсоблю.

* * *

Бельгутай первым выехал из укрытия: стрелять с седла сквозь ветви деревьев было несподручно. Тимофей последовал за нойоном.

Немцы их пока не замечали, так что ничего не помешало татарину плавно оттянуть тетиву к уху, прицелиться хорошенько и…

Длинная стрела понеслась к всаднику, маячившему слева от беглеца. Оп! Славный выстрел! Стрела пробила кольчужную рубаху и застряла в правом боку. Немец повалился из седла. Зацепился за стремя. Испуганный конь шарахнулся в сторону и поскакал прочь, волоча за собой всадника.

Ага, ну вот их и заметили! Немецкий рыцарь растерянно вертит белобрысой головой, его конный оруженосец, прикрываясь щитом, нерешительно кружит на одном месте.

Снова звякнула тетива татарского номо. Вторая стрела устремилась к цели. Рыцарь как стоял, так и рухнул в траву. В светловолосой башке трепетало пестрое оперение на длинном древке.

Видимо, смерть господина окончательно убедила последнего оставшегося в живых германца не испытывать судьбу. Развернув коня и забросив щит за спину, оруженосец изго-

товился к бегству. Бельгутай потянулся за третьей стрелой, но черный бесермен, неожиданно возникший на пути всадника, опередил ханского посла.

Резкий, едва уловимый взмах руки от пояса… Судя по всему, проворный пешец метнул что-то махонькое, но смертоносное. Нож? Короткий дрот? Немец выпустил поводья, схватился за лицо и, покачнувшись, начал медленно-медленно сползать с коня.

Ему помогли: бесермен подскочил к всаднику, бесцеремонно сдернул его наземь и в следующий миг сам – не вспрыгнул даже – вспорхнул в опустевшее седло.

Явно не собираясь вступать в переговоры с нежданными спасителями, чужеземец вновь устремился к лесистым холмам.

– За ним! – выкрикнул Тимофей, посылая своего гнедка в галоп.

Беглец мчался, плашмя лупцуя коня коротким темным мечом и дергая жесткий повод то вправо, то влево. Сейчас он скакал так же, как прежде бежал, неожиданно и непредсказуемо меняя направление, петляя, словно уходящий от погони заяц, путая преследователей и оберегаясь от стрелы, которая в любой момент могла полететь вдогонку.

В седле черный воин сидел крепко, и конь, чуя сильную руку, покорно выполнял волю всадника. Конь скакал так, будто нес на себе не человека из плоти и крови, а демона. Хотя кто его знает, может быть… быть может…

Все, в общем, может быть.

Тимофей безуспешно пытался догнать беглеца. Где-то позади стучали копыта Бельгутаевой лошадки.

– В коня! – крикнул Тимофей. – В коня стреляй, Бельгутай!

Ветер хлестал по лицу, забивая крик обратно в глотку, разнося слова в клочья, размазывая их по воздуху, сделавшемуся вдруг тугим и упругим. Слышал ли Бельгутай? Нет ли? Понял ли?

Впрочем, степняк и сам прекрасно знал, что нужно делать. Знал, однако не делал. Слишком далеко еще было для точного выстрела на полном скаку. Слишком стремительные зигзаги выписывал по лугу обезумевший немецкий конь.

Наверное, в этой бешеной скачке Бельгутай опасался случайно задеть черного наездника, прильнувшего к лошадиной шее. Ханский посол не желал рисковать. Похититель Черной Кости нужен был ему живым и никак иначе. А поросшие густым лесом холмы – вот они. Рукой до них подать. А в лесу выловить юркого живчика в черных одеждах будет ох как непросто…

Очередной поворот! Опасный, резкий, внезапный. Тимофей по инерции пронесся мимо точки, в которой следовало бы повторить чужой маневр. Не успел, не смог вовремя придержать и повернуть гнедка. Опоздал, просрочил, проскочил! И пока, бранясь сквозь зубы, разворачивал разогнавшегося скакуна по широкой дуге, потерял несколько драгоценных мгновений. А с ними вместе – добрую дюжину саженей. Расстояние, отделявшее его от черного всадника, заметно увеличилось.

Зато Бельгутай на этот раз верно предугадал движение беглеца. Степняк погнал лошадь наперерез и сумел сократить дистанцию. Теперь нойон скакал правее Тимофея и чуть ближе к чужеземцу.

И теперь Бельгутай решился.

Боковым зрением Тимофей видел, как татарин бросил короткий повод и чуть привстал на подтянутых к седлу стременах. Как резко натянул тетиву. И как быстро, почти не целясь, пустил стрелу, удачно поймав миг относительного покоя между двумя лошадиными скачками.

Беглец оглянулся за мгновение до выстрела. Заметил опасность. И отреагировал на нее незамедлительно. Повернул коня вправо, сам подался из седла влево. Повис на одном стремени. Укрылся за хребтом, шеей и развевающейся гривой немецкого жеребца.

Только все это было излишней предосторожностью. Татарская стрела предназначалась не всаднику. Стрела вошла между конских ребер, пригвоздив край вздувшейся на ветру попоны к влажному боку. Конь сделал еще несколько скачков вперед. Рухнул наземь. Перелетел через спину.

Однако всадника под себя не подмял.

Всадник кубарем покатился по траве. Меч и черная заспинная сума с лопнувшими лямками полетели в разные стороны.

Беглец вскочил на ноги сразу, словно и не было сокрушительного падения на полном скаку и удара о землю, способного переломать кости. И вскочив, кинулся не к мечу, как поступил бы любой здравомыслящий воин, а к своему заплечному мешку.

Ну и славно! Тимофей натянул повод, придерживая разгоряченного коня. Направил гнедка между черным бесерменом и оброненным мечом. Так-то оно безопаснее будет…

Бельгутай уже отсекал беглеца от леса. Степняк унесся дальше Тимофея и теперь неторопливо рысил обратно. Лук уже лежал в саадаке, правая рука Бельгутая тянулась к притороченному у седла аркану.

* * *

Тимофей, не торопясь, шагом, подъехал к иноземцу в черных одеждах – помятых, грязных, рваных и перемазанных кровью. Поднял полумаску-забрало на шлеме. Закружил вблизи, разглядывая желтоватое приплюснутое лицо с раскосыми глазами. Ишь, чудно как: вроде бы и похож бесермен на татаро-мунгитское племя, а вроде бы и нет. Что-то все же неуловимо отличало его от степных кочевников. Ладно, разберемся…

– Ну? – спросил Тимофей по-русски. – Пошто и от кого бежишь, мил человек?

Не дождавшись ответа и не рассчитывая особо на него, добавил по-татарски:

– Кто таков будешь?

Затем для порядка задал вопрос по-немецки:

– Куда-откуда путь держишь?

А в ответ – недобрый взгляд исподлобья. Бесермен внимательно следил за всадником, прижимая к животу суму с оборванными лямками.

Тимофей попытался заговорить с незнакомцем на других наречиях, которые знал. Увы, впечатление складывалось такое, будто незнакомец не понимал ни одного человеческого языка. Или не желал выказывать понимание. На слова Тимофея бесермен никак не реагировал. Раненый и безоружный, он только злобно зыркал глазками-щелочками. Хотя безоружный ли? Таким взглядом обычно смотрят, когда измысливают какую-нибудь пакость. Когда живота хотят лишить.

И что у него, интересно, там, за широким поясом, куда потихоньку тянется правая рука?

Нет, не тянется уже. Дотянулась!

Дернулась резко и быстро. На неожиданный, неуловимый бросок – одной лишь кистью, с подкруткой – Тимофей отреагировал скорее интуитивно, чем по велению разума. Вскинул щит, заслоняя лицо, запоздало вспоминая о конном немце, которого тоже… вот так же…

Он едва-едва успел прикрыться! Тук-тук-тук – стукнуло по кожаной обивке. Опустив щит, Тимофей с изумлением обнаружил над умбоном три маленьких дырявых диска с бритвенно-острыми лучами. Черные плоские стальные звезды еще слабо подрагивали, не желая успокаиваться.

Крысий потрох! Не закройся он щитом, эти «звездочки» угодили бы ему в лицо.

Впрочем, метательные звезды и без того сделали свое дело: на время отвлекли внимание. На краткое время, на пару мгновений всего, но и этого хватило. Когда Тимофей вновь глянул на незнакомца, тот уже бежал. Не от него – на него!

– Э-э-э! – Тимофей попытался было осадить прыткого иноземца, потеснить его конем и свалить с ног. Рука потянулась к мечу.

Бесермен опередил. Подскочил к гнедку почти вплотную. Толчок. Прыжок. Короткий пронзительный выкрик-выдох…

Тимофей и не предполагал, что человек способен прыгать так высоко. И так оглушительно кричать. Не догадывался он и о том, что человеческая нога может бить настолько сильно.

А ударила Тимофея именно нога прыгуна. В правый бок, под дых, под пластину нагрудного зерцала. Будто ослопом шарахнули! Кольчуга и толстый поддоспешник смягчили удар, но это помогло мало.

Да, подобной прыти от раненого пешца Тимофей не ждал, а потому и не успел покрепче усесться в седле. Наоборот, потянувшись к мечу в ножнах – всем телом подался влево. Вес щита тоже пришелся на левую сторону. И как нарочно конь, испуганный криком черного бесермена, дернул головой, вырывая повод из пальцев.

Удар прыгучего иноземца сбил дыхание и лишил равновесия. А дальше все уже шло само собой. Нога выскользнула из стремени. Тимофей скатился с седла, как с ледяной горки.

Вообще-то они упали оба, по разные стороны от гнедка. Тимофей быстро поднялся уже с обнаженным мечом. Как ему казалось – быстро. Однако треклятый бесермен, не обремененный доспехом, оказался еще проворнее. Пустующее седло он занял первым. Так и не выпустив, кстати, свою суму.

Гортанный крик. Звонкий шлепок по крупу. Теперь беглец в черном бил чужого скакуна не мечом, а голой рукой. Но бил так, что гнедок Тимофея сразу сорвался с места в галоп.

Однако домчать седока до спасительного леса не успел.

Бельгутай ринулся наперерез. Вслед беглецу взвилась змеящаяся петля. Захлестнула наездника…

Сколь бы ловкой бестией ни был этот черный бесермен, но от татарского аркана уйти не смог. Волосяная веревка выдернула темную фигуру из седла, сбросила в траву. Наземь упала и сумка беглеца.

Бельгутай, не давая жертве опомниться, погнал лошадь по большому кругу. Нойон поволок визжащего пленника за собой, затягивая петлю все туже. Он скакал до тех пор, пока черная одежда иноземца не превратилась в лохмотья, набухшие от крови и сока луговых трав. Когда добыча перестала трепыхаться, Бельгутай остановил лошадь, спешился, отмотал веревочный конец от седельной луки и, сплетя еще одну петлю, направился к полонянину.

Тимофей поспешил на помощь. Бегом, на своих двоих. Меч болтается в ножнах, щит – на левой руке. На языке – бранные слова. В душе клокочет ярость. Надо ж было так опростоволоситься! Чтобы пеший, да безоружный вышиб конного и вооруженого из седла! Позорище! А, впрочем, сам виноват. Внимательнее надо быть с чужеземными бойцами.

Пленник, не шевелясь (утихомирился наконец-то, сердешный!), лежал на спине. Локти притянуты к бокам. Петля, плетенная из жесткого конского волоса, туго впечаталась в руки, грудь и спину. Одежда подрана, лицо исцарапано.

Бельгутай предусмотрительно подступил к беглецу сбоку, осторожно склонился над безжизненным телом, набросил веревку на согнутые ноги.

И безжизненное тело ожило.

Увы, даже проявленная осторожность не уберегла степняка. Иноземец вдруг резко, словно детская игрушка-волчок, крутнулся на спине. Развернулся всем туловом. И из лежачего положения лягнул обоими ногами Бельгутая в лицо.

Отпрянуть нойон не успел. А двойной удар черного бесермена оказался, видимо, не менее сильным, чем тот, который вышиб из седла Тимофея. Шлем с поднятой личиной-тумагой слетел с головы Бельгутая, сам степняк рухнул навзничь, словно сбитый булавой.

Проклятье! Тимофей кинулся к лежащему полонянину.

Ан нет, не к лежащему уже!

Человек в петле еще раз сильно дрыгнул ногами. Без помощи рук, одною лишь спиной оттолкнулся от земли, подбросил себя вверх. Изогнулся дугой, словно червь, легко вскочил на ноги. Метнулся в сторону. И ведь не к спасительному лесу побежал, а опять к своей суме! Ишь, бежит, быстро-быстро перебирая ножками, на ходу подергивая плечами, старается высвободиться из тугой петли. А следом тянется веревочный хвост.

Вот на него-то и наступил Тимофей. Прижал ногой покрепче.

Беглец упал.

Тимофей дернул веревку на себя, наново затягивая петлю. Неугомонный бесермен яростно бился и извивался на земле. И – надо же! – выскальзывал-таки из пут. Не человек, прямо угорь в человеческом обличье…

– Бельгутай! – позвал Тимофей. – Бель-гу-тай!

Степняк приподнялся из травы, ошалело мотая головой и постепенно приходя в себя после страшного удара.

– Держи крепче! – Тимофей бросил татарину конец веревки. Сам бросился к темной фигуре, возившейся в траве.

Бельгутай натянул веревку. Тимофей подбежал к полонянину. Уже наученный горьким опытом – своим и чужим – уклонился от ноги, целившей под полумаску шлема. Навалился сверху, придавливая маленькое верткое тело щитом, как змеюку камнем. Тело под щитом, в самом деле, шипело по-гадючьи, норовило высвободиться, лягнуть, укусить. Щуплого на вид бесерменчика, даже раненного, даже опутанного веревкой и полузадушенного, одолеть оказалось непросто.

Но не невозможно.

Улучив момент, Тимофей размахнулся как следует…

Пудовый кулак обрушился на голову иноземца. Одного удара оказалось достаточно. Тело под щитом вмиг обмякло. И теперь-то уж, похоже, по-настоящему. Тимофей снял шлем. Утер пот со лба. Кто бы мог подумать, что с одним человеком будет столько хлопот?!

* * *

Подошел, потирая разбитые губы, Бельгутай. Неодобрительно покачал головой.

– Убил? Плохо, Тумфи, очень плохо. Мне нужен был живой пленник. Мертвый ничего не скажет.

– Авось, жить будет, – отмахнулся Тимофей.

– Будет? – недоверчиво прищурился татарин. – Знаю я вашего урусского авося. И как кулаком быков валите, наслышан.

– Ну, валить-то валим, – хмыкнул Тимофей, – случается. Так ведь не убиваем же. Зачем животину зря губить? Ты, Бельгутай, того… не причитай понапрасну. Лучше свяжи полонянина, пока не очухался. Как придет в себя – попробуем поговорить. Хотя, сдается мне, нелегкое это будет дело – разговаривать с эдаким татем.

– Легкое, нелегкое – неважно, – буркнул Бельгутай. – Есть много способов развязывать языки.

Как там насчет развязывания языков, Тимофей не знал, но вот пленников вязать татары, конечно, мастера. Пока Тимофей подзывал и успокаивал гнедка, Бельгутай сноровисто опутал бесчувственное тело тугими веревочными кольцами и намертво затянул хитрые узлы.

Нойон пожелал сам везти полонянина. Тимофей возражать не стал. В четыре руки они взвалили крепко увязанный человекоподобный тюк поперек седла Бельгутаевой лошадки. Благо щуплый незнакомец оказался не тяжелее юного отрока или девицы.

– Присмотри-ка за ним, Тумфи, – Бельгутай кивком указал на пленника.

Поймав вопросительный взгляд Тимофея, татарин пояснил – как-то поспешно и нарочито небрежно:

– При нем сумка какая-то была. Пойду поищу. Вдруг что ценное в ней.

«Э-э, нет, – мысленно усмехнулся Тимофей. – Так дело не пойдет».

– Я сам, – коротко бросил он. – Я знаю где. Я сейчас.

И вскочил в седло. Быстро, пока Бельгутай не остановил.

А ведь пытался.

– Погоди! – растерянно прокричал вдогонку степняк. И требовательно: – Сто-о-ой, Тумфи!

Нойон бросился было к нему – перехватить повод. Ан поздно…

Тимофей уже мчался за сумой полонянина. Если черный бесермен так ею дорожил, если так цеплялся за нее, то в самом деле не мешало бы в нее заглянуть. Причем желательно раньше Бельгутая. Очень может быть, что именно там и припрятана Черная Кость, из-за которой столько шума.

Ага, нашел! Тимофей с седла пригнулся к земле, на скаку выщепил из травы темную котомку. Натянул повод, останавливая коня. Осмотрел добычу.

Ничего вроде бы особенного. Невзрачная сумишка из плотной ткани. Оборванные лямки. Махонькая дырочка – видать, след от стрелы. Под тканью прощупывалось что-то твердое, округлое. Небольшое и не очень тяжелое. Туго затянутые ремешки не позволяли заглянуть внутрь. М-да, так просто их и не распутаешь. Легче взрезать мечом.

Тимофей потянулся к оружию.

– Тумфи! – резкий окрик Бельгутая заставил его оглянуться. Было что-то в призыве степняка такое… нехорошее что-то было.

Татарин с непокрытой головой – ишь ты, даже сбитого шлема не надел: видать, торопился очень! – уже сидел в седле и подъезжал к нему. Поперек мохнатой низкорослой лошадки лежит бесчувственный пленник. В руках у Бельгутая лук. На тетиве стрела. Тетива оттянута к уху. Узкий граненый наконечник направлен на Тимофея.

«А ведь не промахнется, крысий потрох! – пронеслось в голове. О меткости ханского посланца Тимофей уже знал не понаслышке. – Если будет стрелять, с такого расстояния положит сразу. Но неужели в самом деле будет?»

– Зачем ты хватаешься за меч, Тумфи? – недружелюбно спросил Бельгутай. Прищуренный глаз нойона холодно смотрел из-за костяной накладки лука. – Не нужно этого делать. И сумку отдай. Просто отдай и все, ладно? Я сам посмотрю, что в ней.

Две или три секунды они молча давили друг друга взглядами. В луговой траве звенели цикады. Над поросшими лесом холмами щебетали птахи. Но никчемные сторонние звуки эти лишь усиливали повисшую между всадниками тишину, отдающую могильным безмолвием. Сквозь живительные запахи отчетливо пахнуло смертью.

Тимофей гадал про себя, как долго сможет удерживать Бельгутай тугой номо в натянутом состоянии. Наверное, долго. Наверное, столько, сколько потребуется нойону. Пока, во всяком случае, рука степняка не дрожала. Зато дрожал, казалось, воздух, пронизанный взорами двух пар человеческих глаз.

Еще секунда. Еще… А на следующей затянувшаяся напряженно-угрюмая тишина вдруг кончилась. Оборвалась. Сама. Нарушенная не Тимофеем и не Бельгутаем.

Крики и треск проламывающейся сквозь густые заросли конницы донеслись с противоположной стороны луга – из того самого леса, откуда не так давно они сами выбрались на открытое пространство. Приближался враг. Их общий враг.

Тимофей и Бельгутай разом отвели глаза друг от друга. Оба теперь смотрели в одну сторону – туда, где из зеленой стены на зеленое поле выезжали вооруженные всадники. Около полусотни рыцарей, оруженосцев и конных арбалетчиков. А в первых рядах… Ну конечно! Геральдические львы барона Зигфрида фон Гебердорфа отливали золотом – в первых рядах.

Значит, погоня. Значит, латиняне не отстали и не потеряли следа.

Вступать в схватку со столь многочисленным противником – бессмысленно. А переговоры…

Ф-ф-ш-ш-ших-х! – в воздухе шелестнула первая стрела – короткая и толстая, пущенная из мощного арбалета. И сразу за ней, над головой Тимофея – ф-ф-ш-ш-ших-х! – пронеслась вторая.

В общем, переговоры с преследователями отчего-то тоже вести не хотелось. Особенно на поле, где уже лежит мертвый германский рыцарь и его воины.

Третий арбалетный болт – ш-ш-шух-х-х! – вошел в землю у копыт Бельгутаевой лошадки. К счастью, немецкие стрелки были то ли не очень меткими, то ли очень торопливыми. Что, в общем-то, одно и то же.

Бельгутай спустил тетиву. Стрела, прежде целившая в грудь Тимофея, полетела в германцев. Следом вторая, третья. Так быстро умеют посылать стрелы только татарские лучники.

Одна стрела предназначалась фон Гебердорфу. Но барон ловко принял ее на щит. Зато две другие нашли своих жертв. Упал с седла всадник из первой шеренги. Еще под одним рухнула на полном скаку лошадь. Но из густых зарослей выезжали все новые и новые латиняне.

– Тумфи! – Бельгутай указал на лесистые холмы.

Да, только там можно было спастись. Хотя бы попытаться спастись. Тимофей кивнул нойону. Сунул трофейную котомку в седельный мешок, наподдал пятками по конским бокам. Сейчас следовало уходить от погони. Все остальное потом. Все споры, все ссоры и все разговоры.

В отличие от черного бесермена, они неслись к холмам кратчайшим путем – по прямой, но не так быстро, как хотелось бы. Бельгутай начинал отставать. Неудивительно: его лошадке приходилось тащить на себе двойной груз.

– Бросай полонянина! – прокричал Тимофей.

Бельгутай мотнул головой. Вот ведь упрямый степняк!

Тимофей оглянулся. Арбалетные болты больше не свистели над головой: самострел – не лук, его перезаряжать – целое дело, да и стрелков среди преследователей оказалось не так много. Зато латинянские рыцари из первой шеренги неумолимо приближались. А десятка три конных оруженосцев и кнехтов, рассыпавшихся по полю, уже охватывали беглецов с флангов.

Начиналась облава, от которой уйти будет не просто. Если вообще удастся уйти.

Они влетели в ложбину, поросшую ивняком. Не сбавляя скорости, с хрустом ломая подлесок, промчались через дубовую рощицу на пологом склоне. Вломились в густой, но небольшой лесок, на время скрывшись от погони. И все же это была лишь недолгая отсрочка.

За спиной, справа и слева, слышались азартные крики и хруст веток. А лошадь Бельгутая выдыхалась.

– Бросай! – Тимофей снова повернулся к нойону. – Бросай, говорю, крысий потрох, пока головы не лишился!

Бельгутай пленника не бросил. Он вдруг резко натянул повод, останавливая лошадь.

– Ты что творишь, дурень?! – взорвался Тимофей.

И осекся.

Увидев то, что степняк уже разглядел среди деревьев.

Тоже дернул повод на себя.

* * *

Что это?!

В зелени леса зияла клубящаяся, сочащаяся тьмой дыра размером с небольшие ворота. Ворота?.. А ведь так и есть. Ворота в ночь средь бела дня. Мглистое ничто, небрежно раздвинувшее листву и неведомым образом изогнувшее древесные стволы и ветви.

Хотя нет, это была все же не сплошная чернота. Если присмотреться… Частое мерцание парящих ни-в-чем разноцветных искорок (синие, красные, оранжевые, зеленые, фиолетовые, розовые, они походили на свечные всполохи за цветными витражами) позволяло разглядеть бесконечный прямой коридор с неровными колышущимися стенами, полом и потолком. Коридор уходил в никуда. В нем не было видно ничего, кроме искрящейся тьмы и шевелящегося мрака.

ЧТО?! ЭТО?! А впрочем, какая разница? Тимофей улыбнулся. Разверзшийся перед ними путь вел в неизвестность, но зато он уводил отсюда! Не все, выходит, дороги перекрыты латинянами. Эта – нет. А не к ней ли так спешил черный бесермен? Если так, то должна же она куда-то привести!

За спиной стучали копыта, звенело железо, кричали люди и хрипели кони. Погоня приближалась, и размышлять было некогда. Бояться тоже.

Промелькнула в воздухе и канула где-то в разверстой черной дыре арбалетная стрела. Ага, значит, не все самострелы преследователей еще разряжены.

– Бельгутай! – крикнул Тимофей. – Туда! Быстро!

Недолгое замешательство отразилось в глазках-щелках татарского нойона, но вот он уже правит к темному разрыву в зеленой стене. Низенькая мохнатая кобылка мотает гривастой головой, не желая вступать в пугающий мрак. Но опытный наездник охаживает лошадь плетью, сминает волю животного, заставляет преодолеть инстинктивный страх.

Верный гнедок под Тимофеем тоже заплясал, заартачился, отступил назад. Тимофей гикнул в поджатое ухо, наподдал пятками. Ударил плашмя мечом, болью изгоняя страх.

Конь перестал пятиться. Всхрапнул, шагнул вперед. Осторожно, медленно. А надо бы быстрее.

Еще один удар по крупу окончательно сломил упрямство жеребца. Гнедок сорвался с места. С отчаянным и жалобным ржанием ринулся вперед. Одним прыжком влетел в искрящуюся черноту. Очутился там почти одновременно с обезумевшей лошадкой кочевника.

Тьма окружила, окутала и поглотила их. Пригасила звуки леса, отсекла шум погони. А потом и вовсе свело на нет. Всё. Все звуки. Весь шум. Даже лошадиные копыта во мраке не стучали, как прежде. Копыта бесшумно отталкивались от чего-то мягкого и пружинящего.

Странное ощущение… Они словно скакали по толстому, влажному слою хвои и опавших листьев сквозь дремучий ночной лес с единственной тропкой-просекой. И будто сплошная стена деревьев сливалась с чернотой пасмурного неба, а землю, хвою и листья под копытами укрывали чернильные ручьи, едва различимые в скупом свете мерцающих гнилушек.

И все же это был не лес.

Это был прямой, как жердь, нескончаемый проход сквозь ничто. Проход, в котором едва-едва смогли бы разъехаться двое верховых. Эта была дыра, проткнутая в пространстве, нора без изгибов и разветвлений, но с подвижными и расплывчатыми очертаниями. Впереди, где поблескивали искорки, темнота размягчалась, становилась податливой и едва-едва ося-

заемой. Перед лошадиными мордами она была подобна расступающемуся туману. Однако там, где путеводных искорок не появлялось вовсе, тьма обращалась в упругую стену. Шарахнувшийся влево конь Тимофея сразу же на нее наткнулся. Да и сам Тимофей явственно ощутил бедром мягкий холодный толчок. Словно уперся в чью-то неживую плоть.

Границы сплошной непреодолимой черноты сжимались и разжимались. Искорки впереди то расширяли проход, то, наоборот, сбивались под натиском черных стен в сияющую цепочку – так, что уже не представлялось возможным скакать стремя в стремя. Можно было только друг за другом. Но при этом всегда ясно было, куда именно нужно скакать. Вперед и прямо. Только вперед, только прямо.

Бельгутай что-то кричал. Но об этом Тимофей догадался лишь по раскрытому рту степняка. Никаких звуков здесь, в этом странном месте, по-прежнему не рождалось и не умирало. Наверняка из лошадиных глоток тоже вырывалось ржание, но и лошадей слышно не было. Тимофей вдруг понял, что кричит сам. Кричит и не слышит себя.

Потом глаз уловил в мерцающем сумраке справа движение – слабое, медленное. Странное, чуждое. Которого быть не должно. Тимофей перестал кричать, повернул голову. Стрела! Арбалетный болт, влетевший сюда еще до того, как въехали они. Или это уже другой – пущенный им вслед?

Оперенный снаряд словно парил в воздухе. Висел рядом, у правого виска Тимофея. Он двигался чуть-чуть, едва-едва. То на полпальца вперед, то на полпальца назад, уходя под конский скок то вверх, то вниз. Судя по всему, стрела летела с той же скоростью, с какой скакали всадники. Или с близкой к ней скоростью. Или с тем же отсутствием скорости – сейчас это трудно было определить наверняка. Скорее всего, и скорость, и пространство, и время здесь не имели значения. Хотя, возможно, значение их было иное, непривычное, непонятное, непостижимое.

Тимофей завороженно смотрел на болт, пущенный из мощного самострела и зависший у лица. Смотрел и видел в мерцающем сиянии разноцветных искр все, в деталях и подробностях. Толстое оцарапанное древко. Массивный туповатый наконечник, чуть выщербленный по краю. Оперение из плотной бересты…

Тимофей непроизвольно потянул к стреле руку: тронуть, взять, убедиться, что она есть, что не привиделась. Не успел. Арбалетный болт начал отставать. Не падая, не прекращая полета, не меняя траектории, стрела ушла назад, будто не имела больше сил состязаться с всадниками.

Стрела отдалялась. Сначала медленно. Словно выдыхаясь в затянувшемся полете.

Потом – быстро. Будто ее пустили снова. Только на этот раз – оперением вперед.

Провожая стрелу глазами, Тимофей оглянулся.

И не увидел ничего, кроме искрящегося мрака. Сзади пала плотная завеса, отсекая все, что оставалось за спиной. Зато впереди…

Свет! Далекий, едва различимый, но настоящий солнечный свет, совсем непохожий на разноцветное мельтешение колдовских искр.

Темная завеса впереди поднималась, будто кто-то гостеприимно откидывал полог шатра.

Тьма заканчивалась. Так быстро? Так скоро?.. Или, быть может, на самом деле уже минула целая вечность?

Залитое светом окно с неровными сжимающимися и расширяющимися краями стремительно приближалось. Выход? Да, это должен быть выход. Если то, куда они вошли, было входом.

Окно приближалось. Надвигалось. На них, на тьму. Быстрее, чем летит стрела. Быстрее, чем проносится мысль.

Тимофей успел разглядеть облака и скалы, сумел различить чей-то смутный размазанный силуэт. Как вдруг…

Яркая беззвучная вспышка слева вдруг разорвала черную стену упругого мрака.

И сразу резкий рывок. Туда же – влево.

Словно и его самого, и коня захлестнуло петлей огромного аркана, и кто-то невидимый потянул к себе добычу.

Дернулся под седлом жеребец. Ухнуло сердце, провалившись куда-то в сведенное спазмами брюхо. На миг остановилось дыхание. Краем глаза Тимофей заметил: Бельгутая тоже что-то неумолимо тащит вслед за ним.

* * *

Темный коридор раскололся надвое. Вернее, из одного большого и прямого прохода их утянуло в только что возникшее тесное ответвление, где не было уже ни тьмы, ни переливчатой игры маленьких искрящихся звездочек. Где был свет, но не солнечный. Иной. Бело-голубой. Похожий на свет застывшей молнии – яркий, слепящий, холодный. Свет, в котором невозможно видеть ничего, кроме самого света.

Перестав что-либо понимать, и не пытаясь даже, Тимофей просто вцепился в повод и отвернулся от слепящего потока. Сзади скакал (летел? падал?) Бельгутай с пленником поперек седла. За Бельгутаем клубилась искристая тьма, озаряемая бликами новых вспышек. Беззвучные молнии рвали коридор в клочья, и их яркий свет причудливым образом мешался с мраком. Разноцветье искр слабо, едва заметно подкрашивало эту мешанину хаоса. Мелькали чьи-то тени. Чьи? И тени ли это вообще?

Погоня? Латиняне преследуют их с Бельгутаем даже здесь? Или это не латиняне вовсе? И что? Неужто поймали? Вырвали?

Кто? Как? Куда?

Вопросы, вопросы… Вихрь вопросов в голове. И ни одного ответа.

Их снова вышвырнуло из света во тьму.

И опять тьма была не кромешной. Только теперь светили не искры – огни. Факельные огни, между которых влетел Тимофей.

И будто лопнуло что-то. Исчезла обволакивавшая его глухая ватная пелена. Вернулись… ворвались в уши звуки. Истошно-жалобное ржание. Крик – Бельгутая и его, Тимофея, тоже. Стук копыт, звон железа. Эхо, отраженное от стен.

Какое эхо?! Какие стены?!

Перед глазами промелькнул низкий сводчатый потолок, который вдруг возник из ниоткуда и едва не сбил шлем с головы.

Что это? Подземелье?!

Тимофей инстинктивно пригнулся к гривастой шее скакуна. И в тот же миг почувствовал, что падает. Вместе с конем. И с коня…

Разгоряченному сознанию все происходящее казалось каким-то замедленным, неправдоподобным и неестественным. Гнедок, рухнувший на подломившиеся ноги, перевалился через голову. Тимофей кубарем покатился с седла. На миг в поле зрения попала вывернутая назад конская морда, оплетенная ремешками узды. Оскаленная, в клочьях пены пасть с закушенными удилами между крупных желтых зубов. Глаз, едва вмещавший в себе ужас, боль и безумие, рвущиеся наружу. Поджатые уши. Разметавшаяся грива.

Потом конь остался где-то позади, а Тимофей все катился, катился… В бешеном калейдоскопе мелькали каменная кладка, земляной пол, горящие факелы.

Сзади упала лошадь Бельгутая. Тимофей, распластавшийся, наконец, на твердой земле, видел, как рухнули со степной кобылки ханский посол и бесермен-полонянин. Бель-

гутай практически сразу вскочил на ноги, вырвал из ножен саблю, чудом удержавшуюся на поясе. Замер, занеся изогнутый клинок над головой. На полу слабо зашевелился пленник – то ли приходя в себя, то ли пытаясь освободиться от пут.

Мохнатая татарская лошадка поднималась, ошалело тряся головой. А вот гнедок Тимофея встать уже не сможет. Ободранные бока, мелко подрагивающие переломанные ноги, неестественно вывернутая шея… Верный конь умирал. В темном влажном зрачке отражалось пламя сбитого факела. Еще несколько факелов горели на стенах. Правда, странно както горели: ярко, с треском, но без дыма и чада.

В стене сзади зияла дыра с рваными краями. Словно и не каменная кладка это, а мягкий войлок, пробитый гигантской рогатиной. Нет, не пробитый даже. Прожженный. Дыру заполнял слепящий голубовато-белый свет, который так и норовил выплеснуться наружу. Но не давали.

Чуть в стороне (а иначе попросту смели бы и затоптали), в небольшой темной нише стояла согбенная фигура в распахнутом темно-синем кафтане. Поверх кафтана – алый плащкорзно с крупной золотой застежкой на правом плече. На голове – отороченная соболем шапка. На ногах – зеленые сафьяновые сапоги. Человек у пробитой стены широко раскинул руки, будто ловил кого-то.

Или удерживал.

– Кто это, Тумфи?! – негромко и настороженно спросил Бельгутай.

Тимофей ответил не сразу.

Неужели…

У Тимофея аж дух перехватило. А ведь точно он! Горбатый князь-волхв! Угрим Ищерский!

Да, человек у стены был не просто пригнут к земле. Он был переломлен и перекошен выступающим наростом, которого не скрыть ни княжеским кафтаном, ни воинским доспехом. Именно по горбу, еще не видя лица, Тимофей и узнал князя.

– Тумфи? – не унимался Бельгутай, – Кто этот шаман?

– Это князь, – пересохшими губами ответил Тимофей. – Мой князь.

– Угорим-коназ? – изумленно прошептал степняк. – Но что он здесь делает, Тумфи? И где мы вообще?

– Не знаю, – шепнул Тимофей.

И это чистая правда. Подземная зала, в которую они перенеслись неведомым образом, была ему незнакома.

Тимофей огляделся. Очень, кстати, странная зала. Достаточно просторная, но все же, как выяснилось, малопригодная для скачек, она, судя по древности кладки, была возведена в незапамятные времена. А вот кем, зачем и где? Тимофей покосился на князя. Только он мог знать ответы. Но Угриму, похоже, сейчас было не до разговоров.

Горбун с усилием сдвигал раскинутые руки. И, словно повинуясь ему (а скорее всего, без всяких «словно», а именно повинуясь), дыра в стене сужалась и затягивалась буквально на глазах. Как рана, окропленная поочередно мертвой и живой водицей.

Там, где только что полыхал свет, проступали тесаные каменные глыбы – грязно-серые, шершавые, массивные, намертво сцепленные друг с другом уже не столько крепящим раствором, сколько временем и собственным весом. Срастающиеся плиты постепенно душили и вбирали, втягивали в себя голубовато-белый разрыв.

Прошло еще несколько мгновений. Князь-горбун уже держал руки не раскинутыми в стороны, а прямо перед собой. И неумолимо сводил их все ближе и ближе. Так, наверное, хлопают в ладоши, находясь в густом киселе.

От сияющей бреши в стене, через которую проскочили два всадника, теперь оставалась небольшая щель, напоминавшая узкую, неестественно длинную бойницу. Но едва кня-

жеские длани коснулись одна другой, как слепящий свет погас. Щель исчезла. Порванная ткань пространства стянулась, не оставив следа.

Сплошная кладка, незыблемая и неподатливая, как скальная порода, сомкнулась окончательно. Проход в никуда закрылся. Или выход из ниоткуда.

Князь вытер пот со лба. Бросил через плечо:

– Ну, здравствуй, что ли, Тимофей.

И лишь потом повернулся.

– Здрав буди, княже, – Тимофей едва расслышал собственный голос. Слова с великим трудом протискивались сквозь пересохшие губы.

Глава 7

Тихонько шипели и потрескивали диковинные бездымные факелы. Плясали по стенам тени и огненные блики. Нерешительно переминался с ноги на ногу Бельгутай с обнаженной саблей в руке. Настороженно косилась на горбатого князя степная лошадка. Затих, испустив последний вздох, верный гнедок Тимофея. Пленник, пришедший в себя, – и тот оставил тщетные потуги освободиться. А Тимофей все беззвучно открывал и закрывал рот, не зная, что еще сказать.

Угрим вышел из ниши. Невысокий от природы и выглядевший еще более низким из-за горба, переломившего хребет, он едва доставал макушкой до груди Тимофея. Но слабым или немощным князь-волхв не казался: наоборот, от его кряжистой сутулой фигуры веяло особой колдовской мощью – исконной, древней, твердой и несокрушимой, как кремень.

Факелы осветили худощавое лицо Угрима – непривлекательное для юных дев, но внушающее уважение и почтение мужам, знающим жизнь и людей. Нос со столь же явственной горбинкой, как нарост на спине. Умные, чуть насмешливые глаза. Черные зрачки – будто капельки смоли в молоке белков. Густая борода. Из-под собольей шапки выбивались длинные седеющие волосы. Уж который год седеющие, но не седые. Истинный возраст князя трудно было определить. Прочесть его мысли было невозможно.

Цепкий взгляд горбуна ощупал Тимофея с ног до головы.

– Рад тебя видеть, – произнес Угрим. Сказано это было таким тоном, будто князь только вчера расстался с Тимофеем.

– А уж как я рад! – с усилием выдавил из себя Тимофей. – Но позволь, княже… где мы?

– В Острожце, – хмыкнул Угрим. – Где же мне еще быть-то?

– Так это… – Тимофей еще раз огляделся. Растерянно и непонимающе. – Это… вот…

– Под детинцем мы, Тимофей, под детинцем, – с усмешкой пояснил князь. Но этим лишь сильнее запутал.

– Нет таких подвалов под детинцем, княже, – осторожно заметил Тимофей.

– Есть. Эти подземелья расположены ниже, под подвалами. И прежде знать тебе о них было ни к чему, – Угрим предпочел пока ограничиться краткими и маловразумительными ответами.

Взгляд князя скользнул по Бельгутаю, по связанному пленнику…

– Я смотрю, ты не один, – Угрим сменил тему разговора. – Со товарищи…

Замечание не звучало как вопрос, но Тимофей воспринял его именно так.

– Этот, который с саблей, – ханский посол, – объяснил он. – Я при нем толмачил. А вот что до второго бесермена, тут мне сказать нечего, княже. Дерется он знатно. Ловок, как кошка, скользок, как угорь, быстр, как кречет. Вот и все, что о нем знаю. Он у Феодорлиха умыкнул одну вещицу, прямо из императорского замка вынес и…

– Где? – резко оборвал князь.

– Что где? – не сразу понял Тимофей.

– Похищенное где?

– Не знаю, княже. При нем было только это вот…

Тимофей шагнул к своему мертвому коню, вынул из седельной сумы заплечную котомку пленника.

И полонянин вновь удивил. Черный бесермен дернулся – резко, сильно. Немыслимым образом вывернул суставы, сдирая кожу и собственной кровью смачивая тугие узлы. Выскользнул из пут. И вот уже свободна одна рука, а вот – и вторая. Вырваны из петель ноги. Веревки падают на пол. Пленник привстает, готовясь к прыжку…

– У-у-у, крысий потрох! – Тимофей отбросил суму и схватился за меч, не зная еще, рубить ли треклятого бесермена насмерть или вновь попытаться скрутить.

Бельгутай тоже поднял саблю.

Но князь-волхв опередил их обоих. Угрим всего лишь повел ладонью по воздуху и…

Испуганно заржала, шарахнувшись в сторону, лошадка Бельгутая.

Тимофей тоже невольно отшатнулся назад, когда из сводчатого потолка прямо над головой пленника вдруг выдвинулся каменный зуб. Миг – и зуб этот с сухим хрустом прикусил темную фигуру, Однако серая шершавая масса не смяла человека в лепешку, а лишь прижала его к полу. Растекшиеся, будто расплавленный воск, глыбы охватили руки, ноги и бока полонянина, облекая того в тесную каменную клеть.

Из бугрящихся валунов осталась торчать только голова. Лицо пленника побагровело, налилось кровью – то ли от тяжести, навалившейся снаружи, то ли от бессильной злобы, распирающей изнутри. На князя и Тимофея смотрели узкие ненавидящие глаза.

Смотреть и испепелять взглядом – вот, собственно, и все, что оставалось теперь замурованному заживо бесермену. Даже шевельнуть пальцем было не в его власти. Колдовские оковы из камня – это не веревки. Из таких оков не выскользнешь.

Впрочем, не только полонянин лишился возможности двигаться. Застывший от изумления Бельгутай тоже был сейчас подобен каменному столбу. Да и сам Тимофей чувствовал себя так, будто его со всех сторон обложили неподъемными валунами: ни вздохнуть, ни пошевелиться.

Дела! Ничего подобного от своего князя он не ожидал. И не догадывался даже, что Угриму по силам этакое.

– Ну? И чего пялишься, как на диво-дивное? – недовольно окликнул его Угрим.

Тимофей с трудом сглотнул вставший поперек горла ком. А разве нет? Разве не диво? Не дивное разве?

– Так… это… того… – прохрипел он. – Не знал я, княже, что ты на такое способен!

Горбатый волхв усмехнулся.

– Не каждому в этом мире ведом предел своих собственных возможностей, а уж чужих – и подавно. Ладно, хватит глазами хлопать. Показывай, что в суме.

Тимофей поднял с пола бесерменскую котомку, взрезал мечом ремешки. Раскрыл. Под плотной черной тканью обнаружилось…

Больше всего ЭТО походило на граненое яйцо, высеченное из чистейшего хрусталя. Большое яйцо – с человеческую голову в шеломе. Гладкая, переливающаяся в факельном свете оболочка – помечена странными письменами. А внутри… Да, все верно, внутри, под толстой, бесцветно-льдистой коркой вмурована ЧЕРНАЯ КОСТЬ, обтянутая темной потрескавшейся кожей…

Это была невероятно усохшая рука, согнутая в локте. Настолько маленькая, что ее можно было бы принять за руку младенца, если бы не тонкие и длинные, очень длинные пальцы вместо обычных пухлых детских коротышей. Из скрюченных по-стариковски перстов торчали ногти, напоминавшие когти хищного зверя. Рука была срезана у самого плеча, причем срезана аккуратно и ровно: на кости не видать ни щербинки, ни скола.

– Это добыча Великого хана! – Бельгутай вдруг решительно шагнул вперед. Обнаженная сабля нойона хищно поблескивала в факельных огнях.

Ищерский князь окинул степняка тяжелым взглядом. Понял ли Угрим сказанное по-татарски, нет ли? Скорее всего, нет. Хотя, как знать… Тимофей никогда не ведал, где пределы понимания проницательного князя-волхва.

Угрим, не удостоив Бельгутая ответным словом, повернулся к Тимофею.

– Так, говоришь, это ханский посол?

– Он самый, – кивнул Тимофей. – Хан направил его к Феодорлиху, а теперь…

– Теперь он останется здесь, – перебил Угрим. – В качестве гостя…

– Это добыча хана! – не унимался Бельгутай. С саблей наголо нойон подступал к ним. И к суме черного бесермена.

– Или в качестве пленника, – весомо, спокойно и холодно добавил Угрим.

– Но, княже!.. – Тимофей растерянно посмотрел на Угрима. – Негоже это удерживать силой чужих послов.

– Он многое видел, и многое знает, Тимофей. Его отпускать нельзя. Сейчас, во всяком случае.

– Но ведь хан вроде как наш союзник… – вновь осмелился вставить слово Тимофей.

– И я хочу, чтобы он оставался союзником впредь, – отрезал князь-волхв. – Столько времени, сколько это нужно. Объясни послу, что у него нет выбора. Если будет противиться – умрет.

– Но…

– Не спорь! – гневно сверкнул очами Угрим. – Не иди против княжьей воли!

Тимофей вздохнул. Негромко, отведя глаза в сторону, произнес по-татарски:

– Бельгутай, тебе придется задержаться.

Добавил поспешно, словно оправдываясь:

– Князь приказал.

Узкие глаза степняка вовсе превратились в злые щелки, ноздри, наоборот, гневливо расширились.

– Бельгутай, мне самому все это не по нраву, но князь…

– Я не подчиняюсь приказам твоего коназа-шамана, Тумфи! – вскинул голову нойон. – Я не подчиняюсь прочим урусским коназам. Я посол Великого хана и выполняю только его волю. Я должен вернуться в ставку Огадая. И я отвезу ему это.

Изогнутый клинок указал на прозрачный кристалл с костлявой рукой.

– Пусть твой коназ отдаст Черную Кость, и Великий хан щедро его возблагодарит.

– Дурень! – качнул головой Тимофей. – Князь сейчас в своей вотчине и в своем праве. Если он сам не сочтет нужным, то ничего никому отдавать не станет. И тебя отсюда никто против его воли не выпустит. Живым – так точно.

– Тогда я убью твоего коназа, Тумфи!

* * *

Угрим лишь усмехнулся, когда кривая полоска заточенной сабли дернулась в его сторону.

– Не глупи, Бельгутай, – нахмурился Тимофей.

Бесерменская сума с яйцом-самоцветом вновь полетела наземь. Обнажив меч, Тимофей встал между послом и князем.

– Живота лишиться хочешь? Или в камень обратиться, как этот вот…

Тимофей скользнул взглядом по полонянину, закованному в каменный панцирь. Бельгутай ничем не выказал страха. Нойон был не робкого десятка и, похоже, всерьез собрался биться с колдуном.

– Если мне суждено погибнуть сразу – хан отомстит! – прохрипел степняк по-татарски. – Если меня сгноят здесь – хан отомстит!

Что верно, то верно. Степняки люто мстят за своих. Тимофей покосился на князя, однако Бельгутай не дал ему сказать. Бельгутая несло, в раскосых глазах полыхала ярость.

– Никто не смеет поднимать руку на обладателя ханской пайзцы, – посол благоговейно тронул продолговатую золотую пластину на шее, – ибо дерзновенная рука будет отсечена по самую голову! Если твой горбатый коназ, Тумфи, самонадеян и глуп настолько, что не пони-

мает таких простых вещей, пусть готовится к худшему. Скажи ему: тумены Огадая вытопчут ищерскую землю, сотрут с лица земли его жалкий городишко, сроют до основания стены, обвалят эти подземелья, а его самого сварят заживо в кипящем масле. С тобой вместе сварят, Тумфи, если ты не сможешь образумить своего коназа.

Татарин умолк, переводя дух.

– Что, Тимофей, шибко бранится, да? – скривил губы Угрим.

– Местью пугает, – хмуро, без тени улыбки, ответил Тимофей. Нечему тут было улыбаться. – Говорит, что хан…

– Чепуха! Ничего нам Огадай не сделает, – отмахнулся Угрим.

По мнению Тимофея – слишком уж легкомысленно.

– Княже, вообще-то вредить ханскому послу с охранной пайзцой, это как с огнем играть. Беда будет.

Угрим оскалил крупные зубы:

– Не будет. Татарин надеется на связь со своим шаманом, только пустая это надежда. Когда порвался темный путь, по которому вы сбежали от латинян, вместе с ним порвались колдовские связи и раскололись наложенные на вас магические щиты. Ханский посол больше не несет на себе чужого волховства. Как и ваш пленник. Как и ты сам. На тебе теперь тоже нет моей защиты. Объясни это послу. Скажи, что помощи ему ждать неоткуда.

Бельгутай выслушал Тимофея с недоверием и сабли не убрал.

– Даже если твой коназ говорит правду, Тумфи, это ничего не меняет. Гнев Великого хана будет страшен, вне зависимости от того, когда откроется истина и наступит время кары – через неделю, месяц или год.

– О какой каре ты говоришь? – вздохнул Тимофей. – Пойми: Огадай никогда не узнает, где и почему ты сложил свою дурную голову. Хан будет мстить латинянам, а не нам. Ты погибнешь напрасно. Твоя смерть никому не принесет пользы. Так что лучше спрячь сабельку.

Напряженная пауза тянулась секунду, вторую, третью…

На миг Тимофею показалось, будто степняк готов согласиться, смириться и отступить. Но так только показалось. И только на миг. Ханский посланец лишь пустил пыль в глаза обманной покорностью. Склонившаяся было сабля вдруг ударила снизу. Со звоном оттолкнула прямой клинок, преграждавший путь к князю.

Рубить Тимофея Бельгутай, правда, не стал. Просто отпихнул широким изогнутым наплечником. Шагнул в обход… Ловко проскользнул между Тимофеем и стеной подземелья. Потом – стремительный рывок к Угриму. Бельгутай скакнул вправо-влево, стараясь запутать противника, не дать припечатать себя сверху каменным столбом, как это случилось с черным бесерменом, и, по возможности, уйти от другого Угримова колдовства. Тимофей бросился следом, но поздно.

Снова в вытянутой руке нойона кривой молнией блеснула востроносая сабля. Таким клинком можно было не только рубить, но и колоть. И сейчас Бельгутай наносил именно колющий удар, стремясь поскорее достать жертву. Заточенное острие целило в сгорбленную фигуру князя, не защищенного ни доспехом, ни хотя бы легкой кольчужкой.

Еще миг – и татарский клинок пропорет княжеский кафтан и то, что под ним.

И ведь пропорол бы, стой перед Бельгутаем обычный человек. Но князь-волхв не был обычным противником.

Угрим не отступил и не отпрянул назад. Он просто исчез с одного места и появился в другом – в доброй полудюжине шагов. Не изменив позы, не шевельнувшись. И только колыхание опадающего плаща свидетельствовало о том, что движение все же было. Молниеносное, неуловимое глазом. Как такое произошло, какое заклинание использовал Угрим, Тимофей не знал. Ему лишь почудилось, будто князю помогла сама земля, вернее, земляной

пол подземелья. Пятачок, на котором стоял Угрим, раздвинув твердь позади, в мгновение ока вынес князя из-под опасного удара.

– Х-х-у! – коротко выдохнул Бельгутай.

Сабля проткнула воздух. Степняк замер в недоумении. Вытянутая рука, выброшенный в смертоносном выпаде кривой клинок…

А в следующий миг последовал ответный удар.

Угрим, шепнув что-то краткое и невнятное, быстро свел и тут же развел руки. Хлопка при этом слышно не было. Было слышно другое.

Треск. Испуганное ржание степной лошадки под невысокими сводами.

На этот раз каменный зуб, нет – сразу два зуба выдвинулись не из сводчатого потолка, а из стен подземелья. Массивные, неровные, тупые, они устремились навстречу друг другу, словно две горизонтально подвешенные колонны. Словно два тарана, одновременно ударившие с разных сторон. Сомкнулись на неуловимую долю секунды. Грохнули один о другой перед лицом Бельгутая. Схлопнулись, срослись, соединились. Поймав, сдавив и вобрав в себя выставленный вперед изогнутый клинок.

Камень глухо и сухо стукнул о камень. Звонко и жалобно пропела боевая сталь, зажатая между провернувшимися валунами. Искры, дымок…

Каменные зубья разошлись с той же скоростью, с какой выдвинулись из стен. Вросли обратно в кладку. Исчезли, будто не было их и в помине. Только звякнула об пол искореженная, изломанная, выщербленная и пожеванная полоска металла. Татарская сабля переломилась над самым эфесом. В кулаке Бельгутая осталась лишь бесполезная рукоять.

Степняк зло ощерился. В узких щелочках глаз все еще полыхало пламя. Бельгутай покосился на перепуганную, забившуюся в угол лошадку. На лук в саадаке, притороченном к седлу, на колчан со стрелами…

– Тимофей, скажи послу, что в следующий раз камень может раздавить и его, – повелел Угрим.

Тимофей перевел слова князя.

Бельгутай медленно и аккуратно, словно подношение степняцкому божку, положил на земляной пол сабельную рукоять.

Тимофей облегченно вздохнул, бросил меч в ножны.

И опять татарин обвел его вокруг пальца! Резко распрямившись, нойон рванул из-за голенища нож-хутуг. Тимофей запоздало попытался остановить неугомонного степняка. Куда там! Руки схватили пустоту.

Бельгутай вновь атаковал князя. Шаг, другой. Разбег. Прыжок. Дикий звериный взвизг. Кривой засапожник, занесенный над головой Угрима…

На этот раз князь-волхв поймал Бельгутая в его последнем прыжке. Угрим вскинул руки навстречу татарину, что-то шепнул – коротко и быстро. Яркий синий высверк, полыхнувший на кончиках пальцев ищерского кудесника, ударил в летящую фигуру.

И фигура замерла. Визг степняка оборвался. Бельгутай завис в воздухе – в полушаге от Угрима, в локте от пола. Завис нелепо и необъяснимо. Неподвижно. Поджатые ноги, рука с ножом, уже опускающаяся для смертельного удара, взметнувшиеся, да так и не опавшие полы походного плаща-цува, наброшенного поверх доспеха, перекошенное лицо, глаза навыкате, рот, раззявленный в беззвучном крике…

Угрим опустил руки. Устало выдохнул. Неодобрительно покачал головой, глядя на неподвижную фигуру перед собой.

Тимофей отступил на шаг, не отводя глаз от подвешенного в воздухе посла. Тот не шевелился. Не моргал даже. А главное – не падал! Бельгутай был подобен искусно высеченному и раскрашенному истукану. Только… только истуканы ведь не парят в воздухе.

Тимофей ошеломленно повернулся к Угриму.

Князь тяжело дышал. Видимо, не так уж и легко было сотворить подобное чародейство.

– Он… он… он… – хрипло бормотал Тимофей. Слова давались с трудом. – Он жив, княже?

– Жив, – ответил Угрим. – Живой татарин еще может мне пригодиться, а от мертвого посла проку не будет.

– Но… – Тимофей растерянно поднял руку, указывая на Бельгутая. – Но как?!

– Ничего страшного, – отмахнулся князь. – Просто для него остановилось время. На время…

Тимофей непонимающе хлопал глазами. Однако князь в подробные объяснения вдаваться не стал. Утратив интерес к Бельгутаю, Угрим шагнул к вмурованному в камень бесермену.

– Давай-ка, Тимофей, поговорим теперь с другим нашим… хм… гостем.

Тимофей заставил себя отвернуться от Бельгутая, взглянул на голову, торчавшую из каменной колоны.

– Этого иноземца разве что только каленое железо разговорит, – рассеянно заметил он. – И то я не уверен. Крепкий бесермен.

– Не только железо, Тимофей, не только, – усмехнулся князь. – Правда ведь?

Вопрос был обращен к пленнику.

– Княже, он вроде и языка-то нашего не понимает, – предупредил Тимофей.

– Ничего, меня поймет, – с губ Угрима не сходила холодная насмешливая улыбка.

Князь-волхв не отводил от полонянина немигающих смоляных глаз. И словно неведомая сила притягивала к его глазам взгляд злых щелочек на искаженном бесерменском лице. Тимофей отчетливо видел: злости в них становится меньше. Страха – больше. Что творил сейчас Угрим с беспомощным пленником одними лишь своими темными очами, трудно было даже представить.

* * *

Итиро пришел в себя давно, еще в тот момент, когда, связанный и перекинутый через чужое седло, въезжал на колдовскую Тропу. Для него, между прочим, проложенную. Для него одного. Но послужившую другим. Двум идзинам, спасавшимся от погони.

Голова, налитая тупой пульсирующей болью, моталась как мячик на веревке. В живот врезалась жесткая седельная лука, прочные волосяные веревки впивались в кожу. Но Итиро, как и подобает истинному синоби-но-мо, стоически переносил боль. Притворившись бесчувственной куклой, он пытался незаметно освободиться от пут.

Это оказалось непросто. Судя по всему, его вязал опытный мастер ходзё-дзюцу[22]. К тому же крепкие узлы на руках и ногах Итиро затягивали в тот момент, когда он лежал без сознания и не мог должным образом напрячь мышцы, чтобы после, расслабившись, быстро сбросить с себя веревки. Рослый бледнокожий идзин с широкими глазами едва не отправил его к праотцам бесхитростным, но мощным верхним ударом ороси ганмэн-ути. Ударом такой силы можно убивать противника. Если знаешь как. И если хочешь. Но то ли проклятый идзин имел смутное представление о расположении уязвимых точек-кюсё на теле человека, то ли ему нужен был живой пленник, а не труп. Так или иначе, но сокрушительный тэтцуи – «кулак-молот» – иноземца не вышиб дух из Итиро, а лишь на время пригасил искру жизни.

Очнулся Итиро уже будучи связанным, как пук рисовой соломы. И все-таки он не зря считался первым генином клана. Во время скачки по колдовской Тропе ему удалось немного ослабить тугие узлы. Совсем чуть-чуть, самую малость. Однако и этого было достаточно,

[22] Искусство связывания.

чтобы восстановить кровообращение в перетянутых конечностях, вновь обрести чувствительность и освободиться, когда придет время самому нанести смертельный удар. Когда они прибудут на место.

Только все пошло не так.

Яркий, невесть откуда взявшийся бело-голубой свет разорвал и поглотил искрящийся мрак Тропы. Итиро вместе с пленившими его идзинами швырнуло в незнакомое подземелье. Потом – падение с лошади и болезненный удар о земляной пол. Итиро вновь едва не потерял сознание, но все же сумел удержаться на грани реальности.

А реальность, на которую Итиро рискнул взглянуть из-под прикрытых век, была такова: в подземелье, кроме него, находилось три человека. Точнее, даже два с половиной. Два давешних идзинских воина и один пожилой горбун. Неопасный на вид и безоружный к тому же. Что ж, пара вражеских буси[23] и калека – это не так много, чтобы отчаиваться. И опытный синоби всегда сумеет найти выход из любого подземелья.

На полу лежал идзинский конь со сломанной шеей и ободранными боками. К стене жалась перепуганная низкорослая лошадка. И лошадь эта тоже еще могла пригодиться. Так он рассчитывал.

Итиро заставил себя не думать о том, по воле каких сил он здесь оказался, и о том, зачем, почему и куда его забросило. Время для поиска ответов на эти вопросы придет позже. А пока Итиро просто ждал подходящего момента для нападения. И он дождался.

Идзин – тот самый, что ударил его своим молотоподобным кулаком – извлек из мешка, притороченного к седлу павшего коня, заплечную суму-нагабукуро Итиро. С его, Итиро, добычей! На миг глаза всех троих иноземцев обратились к ней. И Итиро, выкручивая суставы и сдирая кожу, рванулся из ослабевших пут. Первой жертвой должен был стать рослый и опасный идзин. На него-то и бросился Итиро, рассчитывая овладеть оружием чужеземца. Вернее, он хотел броситься. Но был остановлен горбуном, которого ошибочно счел самым безобидным из всех троих. И как остановлен!

Слабое, едва уловимое движение руки – таким не пустить даже «звезды смерти». Треск над головой. И упавшая сверху каменная колонна, словно гигантская нога, припечатала Итиро к полу подземелья.

Поздно, слишком поздно Итиро понял, что перед ним…

«Онмьёдзи! – пронеслась в голове страшная догадка. – Колдун! Человек с лисьей натурой и могуществом, недоступным простому смертному!»

А тело уже сковала и погребла в себе каменная клетка. Снаружи осталась только голова. И нет никакой возможности пошевелиться.

Итиро пытался, честно пытался… Он рвался изо всех сил. Но холодный камень не выпускал его из своих объятий. Камень держал крепко, гораздо крепче тугих идзинских веревок. Надежда умирала…

Она слабо ворохнулось было, когда один из идзинских воинов, увидев Черную Кость, вдруг утратил разум и кинулся на горбатого колдуна с оружием. Но кривую гатану идзина раздавили камни, ожившие по воле онмьёдзи. Затем горбун, недоступным пониманию Итиро способом, остановил и подвесил в воздухе самого безумца.

А потом…

Потом горбатый колдун подошел к Итиро и заглянул ему в глаза. А через глаза – в душу и мысли.

Онмьёдзи подавлял волю и сокрушал внутренние барьеры, возводить которые лучшего генина клана обучали много лет. И не было никаких сил противиться взгляду неподвижных иссиня-черных зрачков. И, что хуже всего, в этом проклятом подземелье Итиро не чувство-

[23] *Буси* – воин.

вал больше незримой нити, связывавшей его с Совершенномудрым. С той самой минуты, как Итиро вышвырнуло с колдовской Тропы, нить эта была прервана. И теперь некому было ему помочь. Некому, кроме него самого. Но беда в том, что под взглядом горбуна он чувствовал себя непривычно слабым и беспомощным.

А горбун все смотрел. Сминающая дух синоби тяжесть лилась из глаз в глаза, и чужая воля, и чужой разум входили в Итиро и наполняли Итиро, как пустой сосуд. Тяжесть чужого колдовского могущества наваливалась и давила изнутри – еще сильнее, еще безжалостнее, чем холодный камень снаружи. Она словно выдавливала его из него самого.

С ним, с Итиро, делали то же, что когда-то он сам, при помощи Совершенномудрого, сотворил с идзинским самураем, охранявшим мост через реку. Тогда без слов, без пытки и без принуждения Итиро и Совершенномудрый вызнали все, что было нужно, о замке, в котором хранилась Черная Кость. Теперь же…

«Кто?!» – спрашивал-смотрел горбатый онмьёдзи.

«Кто тебя послал?!»

Теперь идзинский колдун задавал ему, Итиро, безмолвные вопросы, для понимания которых не требовалось знание языков, и на которые нельзя было не ответить. Просто нельзя – и все. Из него, лучшего генина клана, вытягивали то, что ему доверили, о чем знал только он. И чего больше не должен был знать никто. Информацию вытягивали постепенно – по крупинке, по песчинке. Но ручеек этих крупинок-песчинок ширился и тек все быстрее, все гуще. Итиро сопротивлялся, однако сил недоставало. Без помощи и поддержки Совершенномудрого удержать утекающий поток сокровенных тайн Итиро не мог.

Глаза со зрачками чернее ночи принадлежали колдуну, в совершенстве владевшему магическим саймин-дзюцу – искусством подавлять-побеждать-заставлять-повелевать-познавать взглядом. Гипнотизирующие змеиные глаза горбатого онмьёдзи пожирали Итиро заживо. Глаза не моргали, глаза ПРОНИКАЛИ. Глубже. Дальше. Зрачки непостижимым образом росли, становились все больше. Их чернота уже закрывала отсветы факелов и полумрак подземелья. И весь мир вокруг.

«Кто?!

Тебя?!

Послал?!»

Настойчиво вопрошали глаза идзинского колдуна.

Прежде чем вовсе утратить себя, Итиро сделал то немногое, на что еще был способен, что мог и обязан был сделать.

Губы сомкнуты, а язык просунут меж зубами. Итиро с усилием сжал челюсти, резко двинув ими вправо-влево, уподобляя собственные зубы зубьям пилы, нижними передними резцами перекусывая, вспарывая и разрывая основание языка – как раз там, где над уздечкой скручена толстая подъязычная вена. Этот упругий кровеносный сосуд может в безвыходной ситуации даровать спасительную смерть. Если суметь, если заставить себя его прокусить.

Он сделал это с первого раза, превозмогая острую боль, не выпуская ее отзвуки в предательский стон и в движения лицевых мышц. Он почувствовал, как хлынуло – горячо, обильно, как сразу, почти мгновенно, рот наполнился солоноватой влагой, толчками рвущейся наружу. Но губы Итиро по-прежнему были плотно сжаты, и ни одна алая капля не просочилась между ними.

На такую смерть требовалось время, и, чтобы умереть наверняка, следовало как можно дольше держать в неведении могущественного идзинского онмьёдзи.

Прятать хлещущую кровь можно было лишь одним способом.

Итиро глотнул. И еще. И снова. И опять.

После каждого глотка рот быстро наполнялся снова. Чтобы не поперхнуться, не подавиться собственной кровью и не выдать до срока свою хитрость, нужно было правильно

дышать. Дышать ровно, размеренно, глубоко. И глотать – тоже спокойно, без спешки. Только тогда получится… Уйти. Достойно. Не предав, кого нельзя предавать, не выдав, чего нельзя выдавать. Не опозорив клан. И избавив его от гнева Совершенномудрого.

Что ж, Итиро готовили и к такому. Он пил свежую, горячую еще, кровь убитых животных. Пил, превозмогая отвращение и подавляя рвотные позывы. Постепенно заставляя себя пить больше, больше… еще больше. Он по своему опыту знал: желудок тренированного человека способен вместить в себя достаточно живительной влаги… Достаточно, чтобы умереть.

Горбатый колдун пока ничего не замечал. Видимо, не подозревал даже, что тот, у кого нет возможности пошевелиться, все-таки может покончить с собой. Или идзина попросту не интересовало состояние пленника. Да, пожалуй, что так. Сейчас онмьёдзи-иноземца занимало другое. О другом сейчас спрашивали-смотрели черные зрачки, заслонившие мир.

«Кто?!»

Проклятый идзинский колдун весь был в этом вопросе. Именно на нем он сосредоточил всю свою магическую силу. На прочее онмьёдзи не отвлекался.

С кровью уходили последние силы. И Итиро больше не противился чужой воле. Итиро позволял искать в себе ответы, чтобы бессмысленная борьба не отвлекала от поглощения самого себя.

Да, Итиро отвечал, потому что по-другому уже нельзя. Но отвечал лишь на те вопросы, которые ему задавали. О крови, которую он глотал, вопросов не было. И пока это можно было утаивать.

Итиро послушно вспоминал и покорно передавал свои воспоминания горбуну. Не словами, не образами, не мыслями даже. Иначе. С помощью особой магической связи, способной соединять одного человека с другим, даже против его воли.

Истекала информация. Вытекала кровь. И что иссякнет быстрее?

Итиро об этом не думал. Он вообще мало о чем мог сейчас думать.

Итиро просто вспоминал…

Теряя сознание, уплывая в багровом потоке, но, по-прежнему бездумно и машинально глотая собственную кровь, он вспоминал то, что от него требовал горбатый колдун. Вспоминал в мельчайших деталях, чтобы выиграть еще немного времени.

Он вспоминал о том, «кто»…

И о том, «как» – вспоминал тоже.

* * *

Они встретились у пещеры, затерянной среди диких скал. Именно сюда Итиро направил дзенин[24]. Именно здесь его ждал Совершенномудрый. Удалившийся от суетного мира мудрец, отшельник и маг, один из тех таинственных и могущественных ямабуси[25], с которым издавна поддерживал уважительные отношения клан, и с которыми старались не ссориться даже лучшие из лучших «воинов-теней».

Зев пещеры разделял их, подобно границе. Итиро стоял на свету, не смея без приглашения войти в чужое обиталище. Совершенномудрый предпочел оставаться в тени под выступающим каменным козырьком. Горного отшельника укрывало также расплывчатое марево, искажающее очертания. За слоящейся пеленой Итиро едва различал широкую белую накидку-судзукакэ и маленькую черную шапочку-токин, указывавшую, кто находится перед

[24] *Дзенин* – глава клана ниндзя.

[25] *Ямабуси* – «спящие в горах» – изолированная секта, члены которой имели тесные контакты с кланами ниндзя и активно практиковали магию.

ним. Из подрагивающей воздушной дымки выступал лишь конец длинного посоха, лежавшего у ног Совершенномудрого. Итиро знал: посох ямабуси при необходимости может стать оружием пострашнее нагинаты[26] в умелых руках.

Марево, подобное тому, что плотно обволакивало сейчас отшельника, порой возникает в знойный летний полдень над рисовыми полями. Однако на обрывистой площадке перед пещерой ямабуси и в самой пещере царила прохлада. А, следовательно, полумрак под скальным козырьком-навесом был возмущен магическими токами. Хозяин пещеры сознательно стремился скрыть свой облик. Хозяин не желал, чтобы его увидели и запомнили. Да и вообще, чем-то этот ямабуси неуловимо отличался от других «спящих в горах». Итиро ощущал это обостренным чутьем синоби. Вероятно, отличие крылось в силе. Нет – в Силе.

Итиро явственно чувствовал ее веяние.

Таким могуществом не обладали отшельники, с которыми встречался раньше и у которых, случалось, обучался Итиро. Это было могущество особого рода – пугающее, темное, внушающее подсознательный трепет. Определенно, сюген-до[27], которым следовал хозяин пещеры, не был похож на Пути прочих ямабуси. Итиро почти не сомневался в том, что человеку (хотя человеку ли?), смотревшему на него из колышущегося воздушного марева, ведомы самые сокровенные тайны древней магии.

Совершенномудрый, чьего истинного имени Итиро не знал и чьего лица так и не сумел разглядеть, долго молчал. Прежде чем заговорить, ямабуси словно бы прощупал взглядом голову Итиро. Причем не снаружи – изнутри. Неприятное это было ощущение. Неприятное и жутковатое.

Итиро не знал, что пообещал «спящий» дзенину за оказанную услугу, но клан обязал своего лучшего воина выполнить любое задание Совершенномудрого, сколь бы сложным оно ни оказалось. Вообще-то, задания, получаемые от горных отшельников, и прежде не были простыми. Но это…

– Тебя хвалили, – так начал беседу Совершенномудрый. Слова звучали глухо и как-то… не по-настоящему как-то, что ли. Видимо, колдовское марево маскировало не только внешность Совершенномудрого, но и его голос. – Говорят, ты лучший генин клана…

Итиро почтительно склонил голову.

– И у меня есть основания полагать, что ты превосходишь синоби из других кланов.

Еще поклон. Пауза. Молчание. Как должно. Как подобает. Подобные слова из уст ямабуси – ТАКОГО ямабуси! – дорогого стоят.

– Поэтому ты здесь. Именно ты.

Итиро по-прежнему не смел произнести ни слова.

– Взгляни на это.

Сухая рука в широком, подвязанном тесемками, белом рукаве выкатила из колышущейся воздушной пелены странный предмет – вытянутый, словно тутовый кокон, твердый и прозрачный, как чистейший хрусталь, с широкими гранями. Истертые матовые письмена, мало похожие на обычные иероглифы, украшали ребристые бока, а под толстой коркой-скорлупой в переливах белых бликов чернела…

Итиро присмотрелся. Да, вне всякого сомнения, это была нога. Человеческая нога, отсеченная у самого бедра ровно и чисто. Только – необычайно маленькая, высохшая, съежившаяся, превратившаяся в кость, обтянутую потемневшей кожей, мумифицировавшаяся и вмурованная в кристальный кокон. Или сначала вмурованная, а уже потом…

---

[26] *Нагината* – японская алебарда.

[27] Путь обретения могущества.

Кокон под ладонью Совершенномудрого вдруг качнулся и словно бы сам собой повернулся на граненом боку, обратившись острым концом в закатную сторону, где уже готовилось окунуться в море красно-желтое солнце.

– Что это? – с губ Итиро все же сорвался неуместный вопрос, выдав непозволительное любопытство и нетерпение.

Ямабуси, сам скрытый в воздушном мареве, словно в гигантском коконе, не отнимая от кристалла одной руки, предостерегающе поднял другую.

– Не стремись понять недоступное твоему разуму. Не задавай вопросов, на которые все равно не получишь ответов. Тайна Черной Кости в Белом Кристалле ведома лишь посвященным, умеющим различать древние знаки. Тебе этого не дано.

– Простите, Совершенномудрый, – опустил глаза Итиро.

– Подойди, – велел ямабуси.

Итиро послушно шагнул ближе.

– Посмотри на Черную Кость. Запомни саркофаг, в котором она покоится.

Итиро запечатлел странный предмет в памяти. Во всех подробностях. Запомнил даже сложный рисунок неведомых матовых знаков, как привык запоминать с одного взгляда планы и карты незнакомой местности.

– Все?

Итиро кивнул.

Ямабуси вкатил кокон обратно в колышущийся полумрак. Заговорил снова:

– Мне нужна еще одна Черная Кость. Ты отправишься за ней.

– Куда? – об этом спрашивать Итиро мог. Об этом он должен был знать. Иначе как выполнить задание Совершенномудрого?

– На закат, – рука ямабуси указала в сторону заходившего солнца. – В страну белокожих идзинов. В крепость иноземного тэнно-сегуна.

– Как мне туда добраться? – спросил Итиро. – Как долго надлежит быть в пути? И сколько времени мне дано на возвращение?

– Это тебя волновать не должно, – прозвучал ответ. – Я открою кратчайший путь. Ты пройдешь по колдовской Тропе, для которой расстояния – ничто. Ты возьмешь Кость и вернешься обратно той же дорогой. Я буду ждать.

– И всё? – не смог скрыть изумления Итиро. – Пойти, взять, вернуться… И это всё?

Из воздушного марева, окутывавшего ямабуси, послышалось неопределенное хмыканье. Или смешок.

– Это будет непросто, – ответил Совершенномудрый. – Я отправлю тебя в закатные земли, но я не смогу проложить Тропу прямо в замок, где хранится Черная Кость. Эта крепость защищена от магического вмешательства извне. Собственно, поэтому мне и понадобился помощник. Тебе придется пробираться туда самому.

– Как я найду замок идзинов? – спросил Итиро.

– Сойдя с Тропы, ты будешь идти прямо и только прямо, пока не выйдешь к большой дороге. Она приведет тебя к цели. Но помни: крепость и подступы к ней хорошо охраняются. У идзинского тэнно-сегуна немало преданных самураев и верных слуг, а его замок способен отразить нападение большого войска. Однако там, где не пройдет армия, проскользнет опытный синоби. Ты должен использовать все свое умение. Проникни в крепость, найди Кость, выкради ее и принеси мне. Не останавливайся ни перед чем. Не думай ни о чужих жизнях, ни о своей. Черная Кость идзинов должна быть у меня. Если не справишься, лучше сразу убей себя сам.

Итиро склонил голову – соглашаясь и принимая условия.

– После того, как ты покинешь Темную Тропу, я буду с тобой, – добавил Совершенномудрый. – Недолго, некоторое время…

– Со мной? – удивленно поднял глаза Итиро. – Мы отправимся по Тропе вдвоем?

– Нет, но Тропа позволит нам поддерживать связь. Сейчас я ничего не могу рассказать об идзинской крепости, в которую тебе нужно войти. Я не знаю даже, в каком месте замка спрятана Кость. Но если на расстоянии дневного перехода от Тропы ты сумеешь пленить какого-нибудь идзина из цитадели, я сделаю так, чтобы его знания о замке стали твоими. Это облегчит задачу. Тебе нужно будет только посмотреть пленнику в глаза. Все остальное сделаю я. Как – это тебя пусть не интересует.

Итиро кивнул. В самом деле, соваться в чужую крепость, о которой ничего не известно, слишком опасно. Даже для лучшего генина клана. И если ямабуси способен оказать хоть какую-то помощь в далеких закатных землях, неразумно было бы ею не воспользоваться. Ну а все прочее… Действительно, разве должно прочее интересовать Итиро?

– Возле замка наша связь прервется, – продолжал «спящий». – Там даже намек на присутствие моей магии сразу выдаст тебя. Поэтому там ты сможешь рассчитывать только на себя. Связь возобновится, когда ты вернешься на Тропу.

Итиро не возражал. Его мысли сейчас занимало другое. И это не осталось незамеченным.

– Я вижу, тебя мучает какой-то вопрос, – вновь послышался голос ямабуси. – Если он внушает сомнения, лучше задай его сразу. Никаких сомнений в твоей душе быть не должно.

– Откуда Совершенномудрому известно, в какой стране и в какой крепости нужно искать Черную Кость? – не сразу, но все же осмелился спросить Итиро.

Раз уж позволено…

– Магическое тэнгэ-цу, – шевельнулись в колдовском мареве плечи размытой человеческой фигуры. – Умение видеть и познавать главное сквозь предметы и расстояния.

– Но если идзинская крепость защищена от магического вмешательства извне…

– В том-то и дело, что извне, – перебил Совершенномудрый. – Но в Черной Кости сокрыта такая мощь, какую не укрыть ни за одним колдовским щитом. Мир непременно почувствует силу Кости, даже если будет высвобождена лишь малая ее толика. Ощутит эту силу и тот, кто умеет чувствовать мир. А идзины в последнее время используют Кость очень часто. Непозволительно часто. Так часто, что мир сотрясается и утрачивает спокойствие. Ты удовлетворен таким объяснением?

Итиро кивнул еще раз.

– Не беспокойся, – снова заговорил ямабуси, – я отправляю тебя туда, где есть то, что нужно мне, и что должен забрать ты. Я не ошибаюсь. Не ошибись и ты. Приготовь оружие, к которому привык, а я подготовлю одежду, которая укроет тебя и не вызовет подозрений у идзинов.

…Воспоминания, вытягиваемые из него горбатым колдуном, становились смутными и путаными. Итиро чувствовал, как сам становится частью собственных воспоминаний, как постепенно растворяется в них.

Немигающие, требовательные и всепроникающие глаза идзинского онмьёдзи постепенно таяли за багровой дымкой. Теперь уже не черная смоль колдовских зрачков, а этот багрянец заслонял мир. И трудно было оставаться в этом мире.

И в этом теле.

И, кажется, кончалось. Все. Навсегда.

Итиро улыбнулся, раздвигая губы, не в силах больше удерживать собственную кровь в переполненном желудке. Горячая и солоноватая, она устремилась наружу. Вместе с душой, которой стало тесно в липкой кровавой ванне.

Глава 8

– Княже! – вскинулся Тимофей. – Кровь!

Сначала тонкие красные ниточки появились в уголках дрогнувших губ, потом заструились сильнее – по подбородку вмурованного в камень человека, по шее, по валунам. Потом губы разжались. И тут уж хлынуло по-настоящему. Густое, темное… Слабая улыбка полонянина стала похожей на глубокую резаную рану.

Видимо, тяжелые глыбы все же раздавили нутро бесермена. Видимо, камень смял потроха. Или это какая-то хитрость? Нет, на хитрость не похоже. Желтое лицо чужеземца бледнело. Узкие глаза с неестественно расширенными зрачками мутнели.

Еще секунда – и торчавшая из камня голова бессильно повисла. Жутковатое зрелище… Окровавленный рот открыт, глаза закатываются. Затихает слабое хриплое дыхание. И капает, капает без конца темно-красная жижа в темно-красную лужу.

– Что с ним? – Тимофей придвинулся ближе.

– Похоже, откусил язык и истек кровью, – хмуро отозвался Угрим.

– Как истек?! – поразился Тимофей. – Что, так быстро?

– Да нет, не быстро. Видать, давно уже свою кровушку глотает. Чудно, как до сих пор не захлебнулся.

Тимофей содрогнулся. Бесермен – одно слово!

Черный бесермен в сером камне не шевелился. И, кажется, уже не дышал.

– Все? Он умер, княже?

– Нет, – покачал головой Угрим. – Еще нет. Но скоро. Очень скоро. В его жилах почти ничего не осталось.

Князь-волхв повел по воздуху ладонью, чуть шевельнул губами. С зуба-столба, придавившего полонянина, будто оползень с влажного земляного обрыва сдвинулся широкий каменный пласт. Сполз, накрыл, закрыл – и голову, и кровь бесермена. Пленника теперь не стало видно вовсе. Лишь одинокая колонна с уродливым выступом в том месте, где только что из камня торчала человеческая голова, подпирала свод подземелья.

– Ну вот и схоронили, стало быть, – ответил князь на немой вопрос в глазах Тимофея.

– Кто это, княже? – глухо вымолвил Тимофей. – Кто это был?

– Воин, лазутчик, вор и ночной тать, обученный убивать исподтишка.

– И откуда ж он такой взялся?

Угрим неопределенно махнул куда-то за спину.

– Его страна лежит за степями кочевников, за владениями желтолицых царей, за далеким восточным морем. Земли, из которых он послан, первыми встречают восход солнца.

– А кто… – Тимофей никак не мог остановиться. Вопросы сыпались сами собой. – Кто послал его из этой заморской страны?

Князь невесело усмехнулся:

– Заморский же колдун, сила которого не уступает моей. Ты вступил на его Темную Тропу, Тимофей. Такие пути способны создавать лишь могущественные чародеи и кудесники.

– Но ведь и ты, княже… Тоже… Смог…

– О нет, я всего лишь в нужный момент протянул к Тропе свою тропку – поменьше и покороче. Поставить развилку на уже проложенную Тропу и взломать ее легче, чем самому прокладывать весь темный путь.

– И ты вот так просто нас нашел на чужой колдовской Тропе? – удивился Тимофей.

Угрим покачал головой.

– Непросто, это было совсем непросто. Отыскать Тропу нелегко. Еще труднее найти на ней человека. Мне помогло защитное слово, которое я наложил на тебя и которое связало тебя со мной.

– А разве заморский чародей не делал того же со своим посланцем? Разве он не знал, что на его Тропу вступили чужаки, пленившие его лазутчика, татя и вора?

– Наверное, делал. Наверное, знал, – ответил князь. Однако по тону Угрима Тимофею стало ясно: «наверное» здесь лишнее и неуместное слово.

– Тогда почему он не разрушил Тропы, как это сделал ты? Почему вообще позволил нам вступить на нее?

– Ему нужно было то, что лежало в твоей седельной суме. Черная Кость. И ему не важно было, кто ее доставит. А без Тропы Кость к нему не попала бы. Думаю, он принял вас за случайную, не представляющую опасности помеху.

Тимофей тряхнул головой:

– Значит, все это из-за Черной Кости, да? Ради нее была проложена Тропа? За ней заморский кудесник отправил своего воина-татя? Из-за нее нас чуть не растерзали латиняне? И чтобы получить ее, ты вырвал нас с чужого колдовского пути?

Угрим кивнул.

– Да, в первую очередь, чтобы получить ее.

Что ж, по крайней мере, честно.

– Она, действительно, так важна, эта Кость?

Еще один кивок горбатого князя-волхва. Потом скупые слова:

– Ты даже не представляешь насколько.

– Что есть Черная Кость, княже? – поднял глаза Тимофей. – Что она такое?

И осекся, встретившись взглядом с Угримом. Смоляные зрачки в озерах белков пульсировали, будто два чернильных нарыва. И с каждым новым толчком зрачки князя-волхва становились все шире. Давящий взгляд немигающих очей проникал в тело и в самую душу. Темные зеницы Угрима затягивали и растворяли в себе.

Изучали. Испытывали.

Прощупывали. Проверяли.

Как долго это продолжалось, Тимофей не знал.

– У тебя добротное, крепкое сердце, – наконец, услышал он задумчивый голос князя. – В твоем сердце нет червоточин. Его не испортили ни латиняне, ни ханский посол, ни Темная Тропа, ни Черная Кость. Страх и предательство не селятся в таких сердцах. Такие сердца остаются чистыми и открытыми. Ты уж не серчай, Тимофей, но я должен был убедиться, что могу доверять тебе, как прежде. Я убедился.

Убедился? Тимофея трясло: ощущение было такое, будто его разобрали по косточкам и собрали вновь, осмотрев и ощупав каждый суставчик. Значит, убедился и…

– И что, княже?

– Глаза открыты, и уши слышат. Первое дело сделано, первый вызов брошен. Кость ложится к Кости, – Угрим говорил непонятное, он будто произносил заклинание.

– Что? – снова спросил Тимофей. – О чем ты, княже?

– Наступают Времена, особые Времена, – слабо улыбнулся ему князь-волхв. – Времена великих дел, творя которые, трудно обойтись без верных помощников. Помощников мудрых, смелых, толковых и знающих, ибо от того, кто НЕ ЗНАЕТ, мало проку. Готов ли ты получить Знание и запереть его в себе? Готов ли ты, обретя Знание, продолжить службу? Готов ли служить мне и только мне, Тимофей? Что скажет твое сердце?

Угрим вновь пристально, не отрываясь, смотрел на него.

– Да, готов, – горячо заверил Тимофей. – Я был верен тебе раньше, и буду верно служить впредь.

– Служить МНЕ? – зачем-то снова уточнил Угрим. Уточнил и выделил. – Служить всегда и во всем? Служить, не взирая ни на что? Служить, не препятствуя и не причиняя мне вреда? Подумай, прежде, чем дать ответ. Сказанное сейчас свяжет тебя сильнее, чем все прежние клятвы. Сейчас ты либо переступишь порог сокрытого Знания, либо останешься в счастливом неведении.

– Да, служить тебе, – кивнул Тимофей. – Всегда. Во всем. Ни на что не взирая. Не препятствуя и не причиняя тебе вреда. Даю слово.

– Ты уверен?

– Да, – без тени сомнения отозвался он. Когда уже коснулся тайны, неведение не бывает счастливым. Оно приносит лишь беспокойство.

– Что ж, Тимофей, ты трижды сказал «да» – удовлетворенно кивнул князь, – ты сделал свой выбор.

– И ты объяснишь, что есть Черная Кость? Кому она понадобилась и зачем? И что вообще происходит?

– То же, что происходило в этом мире всегда, – пожал плечами Угрим. – Кто-то жаждет большей силы и власти, чем имеет. И настает… нет, уже настало время великих сражений. Время войн правителей и чародеев, витязей и магов.

Время войн? Подумаешь! Эка невидаль!

– Войны вечны, – заметил Тимофей. – Как и сами люди.

– Войны много старше людей, – возразил Угрим. – Но истинные войны за истинное могущество случаются в этом мире редко. Они долго готовятся и еще дольше длятся. Именно такая война началась в тот момент, когда ты, с чужой добычей, вырванной чужаком из чужих рук, вступил на чужую Тропу, пронзающую пространство и скрадывающую расстояния. А взлом Темной Тропы стал объявлением войны. Теперь Знающие – знают. И пути назад теперь нет. Ибо похищена Черная Кость.

– Чья это Кость, княже?!

– Это Кощеева кость, Тимофей.

– Кощеева? – брови Тимофея поползли вверх. – Старые сказки говорят…

– Не слушай сказки, – отмахнулся Угрим. – Меня слушай. Сказки, легенды и былички лгут. Я скажу правду. Особую, волховскую, не ведомую прочим.

Князь-волхв говорил. Тимофей слушал…

* * *

– В стародавние времена, когда горы еще стлались равнинами, а морское дно высилось горами, когда колдовская сила царила всюду, и ее было больше, чем живительных соков в весеннем лесу, шесть чародеев из разных концов земли пожелали обрести могущество, которым их не мог одарить этот мир.

Речь Угрима текла спокойно и неспешно. Прикрыв веки, князь-волхв говорил подобно сказителю, вещающему былину. Только таких сказок Тимофею слышать еще не приходилось.

– Не довольствуясь покоренными силами яви и вопреки установленным порядкам прави, Шестеро обратились к сокрытым навьим силам. Выбрав место наибольшего средоточия колдовских токов, неразумные кудесники выстроили из своих тел магический шестиугольник. Совместными усилиями они провели Обряд, вскрывающий Запечатанное.

Взбудораженное воображение услужливо рисовало картину, описываемую князем. Возникающие в голове образы живо дополняли недосказанное Угримом. Тимофей словно видел отражение былого в темных очах горбатого князя-волхва. И видел, и слышал. Как шесть человеческих фигур, окутанных колдовским сиянием, стоят, вскинув руки, на рав-

ном удалении друг от друга. Как под монотонный речитатив заклинаний в воздухе начинает гудеть и вибрировать что-то еще. Как нарастает и силится иной, чужой и чуждый звук. Как трясется земля, как яростный вихрь рвет одеяния Шестерых. И как между чародеями, упершимися ногами в содрогающуюся твердь, открывается… разверзается…

– Они получили, что хотели, – рассказывал Угрим. – Из нижнего пекельного царства навь выплеснула вызываемую силу, но вместе с ней в явь вступил и ее носитель, который сам давно рвался за навьи границы.

– Кощей? – сорвался с уст Тимофей ненужный вопрос. Ответ на который он уже знал.

– Кощ-щ-щей, – негромко, по-змеиному прошипел князь. – Таково лишь одно из имен навьей твари. О нем известно мало. Но кое-что все же известно. Средоточие его силы таилось в нем самом, в его бессмертной плоти. И силы этой хватило, чтобы проложить самую первую Темную Тропу. Кощеева Тропа шла в обход Алатырь-камня, привалившего вход в пекельное царство, и мимо Калинова моста через Смородину-реку, что отделяет навьи чертоги от яви. Тропа дотянулась до центра чародейского шестиугольника, смешав навь с явью, порушив незыблемую правь.

Открылось… Разверзлось… У Тимофея аж дух перехватило, когда он попытался представить, каково это… каково было… каково могло быть!

Угрим продолжал:

– Наверное, сами по себе ни Обряд Шестерых, ни Кощеева Тропа не смогли бы сотворить такое. Но колдовская мощь неосторожных кудесников и сила Кощея устремились навстречу друг другу. Поэтому Кощей и сумел подняться из мертвой нави в светлую явь.

– И? – затаив дыхание, с трудом вымолвил Тимофей. – И что? Что было после?

Перед его внутренним взором пылало темное пламя. Пламя, вырвавшееся из земли, фонтаном ударившее в небо, разметавшее магический шестиугольник, смахнувшее могущественных чаротворцев древности, словно былинки. Вмиг лишившее чувств всех Шестерых. Поглотившее, подмявшее под себя их хваленую мощь и неразумную силу. Именно так Тимофей представлял себе пришествие Кощея. И ничего иного не мог рассмотреть сквозь сплошную бушующую тьму. Простому смертному не дано даже вообразить, как навь мешается с явью.

– Он стал властителем этого мира, – глухо донесся до Тимофея голос Угрима. – Кощей Черный, Кощей Страшный, Кощей Всевеликий, Кощей Неупокоеваемый, Кощей Неуязвимый, Кощей Непобедимый, Кощей Несокрушимый. Кощей-Губитель… Его власть и его жестокость были безграничны, как бесконечна была его жизнь. В те несчастные времена люди, оказавшиеся игрушками в руках Кощея, прозывали его Чернобогом. Но он не был богом – ни белым, ни черным, хотя постоянно требовал жертвенной крови. Кощей был просто бессмертным созданием, несущим смерть и ею же живущим.

«Ничего себе “просто”!» – пронеслось в голове Тимофея.

– С покоренных народов он брал дань человеческими жизнями, а противившихся его воле истреблял под корень. От Кощеева гнева не укрывали ни крепости, ни леса, ни болота. Он проходил Темными Тропами всюду и проникал везде. Он не щадил никого, и только Шестеро, открывших ему путь, вместо искомой власти обрели его милость. Шестеро вынуждены были служить Кощею, оберегая свои жизни. Все прочие мерли, как мухи.

– Но разве никто… – Тимофей облизнул сухие губы. – Неужели никто не посмел…

– Ну почему же никто? – усмехнулся Угрим, не дав ему закончить фразы. – Осмелившихся было много. Особенно в первое время. С Кощеем сражались опытные маги, отважные витязи и могущественные князья, но все они лишь забавляли его и гибли без проку, ибо убить бессмертного невозможно. Копья протыкали навью тварь, но ее раны затягивались. Мечи и топоры рубили Кощееву плоть, но отсеченные куски прирастали вновь, не успев упасть наземь. Раздробленные ослопами кости заново обретали крепость, а вязкая, как мед, кровь

склеивала разваливающееся тело. Отравленные стрелы тоже не причиняли Кощею вреда, и даже огонь отступал от его неуязвимой плоти.

И все же Кощей недооценил людей. Его сгубила не отвага безрассудных смельчаков, а коварство и хитрость ближайших слуг. Шестеро кудесников долго и внимательно наблюдали за своим повелителем. По крупицам собирали сведения о нем, о его возможностях и об источнике его могущества. Прислуживая, они учились. Преклоняясь и унижаясь, Шестеро по-прежнему мечтали обрести хотя бы малую часть запретной навьей силы.

– Так они все-таки убили Кощея? – спросил Тимофей.

Угрим покачал головой:

– Убить Кощея в привычном тебе и мне смысле этого слова Шестеро не могли, зато сумели пленить так, что полон оказался сродни смерти, а сам Кощей из властителя стал слугой своих слуг.

– И как же они его одолели?

– Льстивым подарком. Заговорщики преподнесли в дар Кощею трон, взращенный из земной тверди и выложенный крупными самоцветами. Но под драгоценными каменьями скрывалась губительная магия и хитроумный механизм. В подлокотниках, ножках и спинке были спрятаны адамантовые клещи с прочными кристаллами-зубьями и такие же ножи – острее бритвы, крепче стали, смазанные к тому же зельем разрыв-травы.

Когда Кощей сел на новый трон, тот обратился в дыбу и плаху одновременно. Алмазные кандалы-самохваты в одно мгновение сковали и растянули навью тварь. Потаенные ножи ударили быстрее и сильнее, чем рубит в сече самый ловкий воин. Адамантовые лезвия отсекли руки, ноги и голову. Заговоренная машина-трон разорвала Кощеево тело на шесть частей. Тулово осталось сидеть, прикованное к трону, все остальное было отброшено в стороны еще до того, как пролилась кровь. А когда кровь хлынула, обезглавленный и четвертованный Кощей уже не мог воссоединить себя. Шестеро встали над его плотью в алмазных оковах, и каждый произнес запечатывающее заклинание, из нее же, из навьей плоти, черпая силу. Смешанная магия яви и нави сплавила Кощееву кровь и адамантовые клещи в однородную массу.

– Яйцо-кристалл? – догадался Тимофей. – То, в которое вмурована Кость?

– Да, – кивнул Угрим. – Отсеченные члены навьей твари были навеки заключены в оковы-саркофаги, которые не страшатся воды, не горят в огне и не крошатся под булатом. Таких саркофагов шесть, и сила Кощея живет в них по сию пору, ибо сам Кощей не может умереть, даже будучи разорванным на части.

* * *

Ишь ты! Вот оно как получается! Тимофей потер раззудевшийся лоб.

– Значит, это… – он покосился на суму бесермена. Там, в прозрачном яйцевидном коконе, покоилась костлявая рука – черная, высохшая, не больше руки малого дитяти. – Это Кощеева десница? Так, княже?

– Верно, – ответил Угрим. – Это правая рука навьей твари.

– Тогда… – Тимофей нервно усмехнулся, – тогда не столь уж велика была тварь.

Князь-волхв качнул головой:

– Просто идет время, Тимофей. Кудесники, чернокнижники и маги разных народов век за веком черпают силу из Черной Кости. Вот Кощеева Кость и усыхает. А с ней вместе сжимается и колдовская оправа. Причем это происходит со всеми шестью саркофагами: они по-прежнему связаны между собой, хотя и не являются более частями целого. Когда из одной Черной Кости забирают силу, ее отдают и другие Кости.

– Погоди-погоди, княже, – Тимофей тряхнул головой. – Что значит «кудесники, чернокнижники и маги разных народов»? А как же те Шестеро, что одолели Кощея?

Угрим усмехнулся:

– Вот они-то и разнесли останки навьей твари по свету, не сумев договориться между собой. Победители Кощея не справились с собственной алчностью. Каждый из Шестерых, обретя с Черной Костью частицу навьего могущества, возжелал большего. Каждый претендовал на добычу другого, дабы присовокупить ее к своей. И каждый втайне желал получить все части растерзанного Кощеева тела.

– Зачем? – вырвалось у Тимофея.

Угрим вздохнул. Как показалось Тимофею – мечтательно.

– Тот, кто соберет все Кости, получит полную власть над навьими силами. Власть, не уступающую Кощеевой. Власть, которая, помимо прочего, дает человеку главное. Бессмертие.

– Главное? – переспросил Тимофей. – Это – главное?

– Разумеется. Человеческая жизнь слишком коротка, а тот, кто чувствует в себе силу изменить мир по своему усмотрению, всегда хочет иметь для этого достаточно времени.

Князь вздохнул еще раз:

– Правда, никому еще не удалось собрать Черные Кости воедино. Шестеро провели остаток своей жизни воюя друг с другом. Все они прожили лишь тот недолгий срок, какой отпущен человеку, живущему от битвы к битве и ради битв. Они гибли в сражениях за растерзанное тело навьей твари, сами отходя в навь. В войнах сгинули их дети и внуки, в войнах стерлись и рассеялись их колена.

– И что было потом? – Тимофей не отводил глаз от князя-волхва.

– Потом Черные Кости переходили из рук в руки, терялись где-то и откуда-то появлялись вновь. А посвященные в их тайну чародеи снова и снова охотились за Кощеевыми мощами и вечной жизнью.

«Вечная жизнь»? Тимофей задумался. Многому он мог бы поверить безоговорочно, но это… Возможно ли такое? Наверное, в его глазах отразилось невысказанное сомнение. И, наверное, Угрим заметил.

– Тебя что-то смущает? – свел брови князь.

– Вообще-то да, княже, – потупил взор Тимофей. – Способен ли на самом деле смертный обрести бессмертие? Можно ли полностью доверять старым волховским преданиям?

– Об этом говорят не предания, – сухо ответил Угрим. – Об этом говорит сама Кощеева Кость.

– Как это? – изумился Тимофей.

– Достань ее, – повелел Угрим. – И посмотри.

Тимофей поднял с пола бесерменскую суму, вынул округлый яйцевидный кристалл, с недоумением покрутил его в руках…

– Что ты видишь? – спросил Угрим.

Что он видел? Да то же, что и прежде. Толстую прозрачную оболочку, похожую на огромную застывшую слезу. Под ней – черную костлявую руку, запечатанную в прочном кристалле, словно муравей в янтарной капле.

– Что ты видишь, Тимофей? – повторил князь свой вопрос.

А еще – неведомые матовые знаки-росчерки на гладкой поверхности. Размытые, кое-где истертые, но вполне различимые.

– Здесь что-то написано, – отозвался Тимофей. – Наверное, колдовская печать.

– Не печать, – покачал головой Угрим. – Весть. Судя по всему, надпись нанесена теми же руками, что заключили Кощееву Кость в этот кристалл. Мне не известно, почему и при каких обстоятельствах это произошло. Возможно, кто-то из Шестерых, предвидя свой конец,

оставил послание преемнику. Но поскольку даже между разделенными останками навьей твари сохраняется связь, знаки, начертанные на одном саркофаге, проступили и на остальных пяти. Эта надпись все объясняет.

– Возможно, но я не знаю языка древних, княже, – развел руками Тимофей.

– Неважно, – по губам Угрима скользнула слабая улыбка. – Это магические письмена, а значит умеющий читать, прочтет их вне зависимости от того, каким языком владеет. Прочтет сам или с чужой помощью. Нужно только знать, как открывать скрытый смысл в открытых пытливому глазу знаках. Я знаю. Смотри сюда, Тимофей, внимательно смотри…

Ладони князя огладили прозрачное яйцо, на миг закрыв и надпись и темневшую под ней Кость. Угрим шевельнул губами. А когда князь-волхв убрал руки, Тимофей увидел…

Матовые знаки были уже не только на поверхности кокона-кристалла. Неведомые письмена, словно сотканные из воздуха, возникали теперь и над прозрачным ковчежцем, все отчетливее проступая в факельном свете. Знаки распадались, изменялись, обращались в знакомые буквицы, складывались в слова – понятные и недвусмысленные.

«В твоих руках – шестая часть Силы, – зачарованно читал Тимофей колышущийся в воздухе текст. – Знай: единение частей целого есть начало вечной жизни и вечной власти».

– Ну? – спросил князь. – Теперь ты понимаешь, почему столько веков шла охота за Черной Костью? И почему она продолжается до сих пор?

– Понимаю, – ответил Тимофей. – А много ли сейчас… э-э-э… охотников.

– Нет, – губы Угрима изогнулись в презрительной усмешке. – В наше время колдуны, маги, волхвы и чародеи измельчали. Они позабыли былые деяния и древние тайны. Лишь немногие из них посвящают жизнь поискам Кощеевой Кости. И все же некоторые ищут. А некоторые даже находят. И могут воспользоваться найденным.

– Михель Шотте? – пробормотал Тимофей.

Угрим кивнул:

– Верно. Латинянский маг при помощи Кости помогал Феодорлиху укреплять империю.

– Но зачем это понадобилось Михелю?

– В начале пути к будущему могуществу дальновидный маг часто предпочитает прислониться к чужой силе и власти и использовать их в своих интересах. До сих пор цели Феодорлиха и Михеля совпадали, и оба нуждались друг в друге. Феодорлиху необходима была магическая поддержка. Михель же, полагаясь на войска императора, надеялся собрать все Кощеевы Кости, разбросанные по свету.

– Михель убит, княже, – запоздало сообщил важную новость Тимофей. – И Михель, и Феодорлих. Оба. Татары забросали их своими гремучими шарами.

– Что забросали – знаю, – спокойно сказал Угрим, и Тимофей понял: действительно, знает. Ну конечно… Князь-волхв мог смотреть и видеть его глазами.

– Мне известно, что императора и его мага пытались убить воины ханского посла. Но вот убили ли? В этом я не уверен. Михеля, по крайней мере, убить непросто. Впрочем, он не единственный, кто ищет Черные Кости.

Тимофей покосился на толстую каменную колонну, которая стала могилой для черного бесермена.

– Есть еще заморский колдун, пославший вора по Темной Тропе. Да, княже?

Угрим снова ответил утвердительным кивком:

– Если где-то слишком часто прибегают в ворожбе при помощи Кощеевой Кости и пробуждают сокрытые в ней навьи силы, опытный чародей рано или поздно почувствует это. Создатель Темной Тропы почувствовал.

– И ты, княже? – прищурился Тимофей. – Ты ведь тоже чувствовал это. Давно уже чувствовал. Поэтому и велел мне примкнуть к татарскому посольству. Тебе нужен был лазутчик в латинянских землях.

– Да, нужен был, – согласился Угрим. – Но не только мне. Полагаю, при хане Огадае тоже есть колдун, который хочет получить Черную Кость латинян. Судя по всему, степняцкий шаман наложил свое защитное заклинание на ханского посла, как я свое – на тебя, и наверняка видел все его глазами, как я твоими. Он, кстати, тоже мог попытаться и, скорее всего, пытался, вырвать вас с Тропы. К счастью, Кощеева десница лежала в твоей седельной суме, а не висела у татарского седла. Мне повезло, что Кость была ближе к тебе, а значит – и ко мне тоже. Ее сила давала преимущество моей магии. Поэтому вы оказались здесь.

Тимофей поскреб в затылке.

– Вот, значит, как… Интересно, уж не этот ли татарский шаман на самом деле отправил посольство к Феодорлиху?

– Он или хан по его наущению, какое это имеет значение?

И правда никакого. Тимофей задумался.

– Княже, а есть кто-нибудь еще? Из знающих, из посвященных?

– Может быть, – Угрим неопределенно мотнул головой. – Очень может быть. И если кто-то из посвященных в тайну Кощеевой Кости сейчас выжидает, ничем себя не обнаруживая, то именно он и представляет наибольшую опасность.

– Но ведь Кость теперь у тебя, – вскинулся Тимофей. – И если тебе известно, как ее использовать, то и страшиться нечего! С эдакой-то штуковиной!

Его взгляд вновь скользнул по яйцу-кристаллу. Глаза Тимофея загорелись.

– В твоих силах теперь объединить и возвысить Русь, как Феодорлих и Михель объединили и возвысили латинянскую империю!

– Ну, объединили, – усмехнулся Угрим. – Ну, возвысили. И что? Лишились в итоге источника своего могущества.

А ведь верно. Тимофей смешался, забормотал растерянно, путаясь в словах:

– Но все равно… ты можешь… теперь… с Костью… ты же можешь…

– Могу, – перебил его Угрим. – Я, действительно, многое могу, Тимофей. Многое, но не все. В этом-то и заковырка.

* * *

Кажется, Тимофей начинал понимать.

– Ты хочешь завладеть еще одной Костью?

– Не одной, – покачал головой Угрим. – Всеми.

– Но княже! – Тимофей вытаращил глаза. – Ты же сам говорил! Что никто еще…

Угрим остановил его взмахом руки:

– Никто – не значит никогда. А что если время пришло? Сейчас? Мое время? Наше?

Тимофей покачал головой:

– Княже, но у тебя пока только одна часть из шести!

Угрим улыбнулся:

– Ошибаешься, Тимофей. Не одна.

– Что? – Тимофей вовсе растерялся, не понимая, куда клонит князь.

А Угрим загадочно улыбался. И говорил загадками.

– Знаешь, у кристалла-саркофага есть одно чудесное свойство. Если он коснется земли, то укажет в ту сторону, где находится Кощеево тулово, из которого была вырвана заключенная в кристалле Кость. И чем ближе к тулову его положить – тем точнее он покажет, где это самое тулово надлежит искать.

– И что? – спросил Тимофей.

Дыхание уже перехватывало от смутной догадки. Но разум пока отказывался принимать ТАКУЮ догадку.

Князь молча взял из рук Тимофея граненое яйцо-саркофаг. Снял со стены факел. Приказал:

– Ступай за мной.

Они отошли недалеко – к темной нише, едва-едва освещенной факельным светом. К той самой, в которой стоял Угрим, когда Тимофей и Бельгутай ввалились в подземелье с Темной Тропы.

Только теперь Тимофей с удивлением обнаружил, что ниша располагалась не на утоптанном земляном полу, а на каменной плите размером с большой осадный щит. Потрескавшаяся, искрошенная по краям, массивная плита выглядела тем не менее прочной и несокрушимой.

Вот на нее-то, на эту самую плиту, и положил Угрим Черную Кость в прозрачном коконе. Вернее, поставил. А если уж быть совсем точным, то саркофаг с Кощеевой десницей, положенный на бок, вдруг… сам…

Тимофей охнул от изумления и неожиданности. Никогда прежде ему не доводилось видеть предметов яйцевидной формы, свободно стоящих на остром конце. Лишь секунду спустя он сообразил, чему следует дивиться в первую очередь. Ведь если яйцо-кристалл указывает вниз…

– Там?! – расширенными глазами Тимофей смотрел под ноги князя-волхва.

– Здесь! – торжествующе произнес Угрим. Князь притопнул по плите. – Тулово Кощея скрыто здесь. Это подземелье и весь Острожец выстроены над его бывшими чертогами. Под нами находится тронный зал навьей твари. С тем самым троном, о котором я тебе рассказывал. Хочешь взглянуть?

Тимофей чуть шевельнул головой, обозначив слабый кивок.

Князь провел ладонью над плитой. Губы Угрима долго шептали сложное заклинание. Затем князь-волхв отвел руку в сторону.

Незримая сила своротила неподъемную глыбу. Плита, вместе со стоймя стоящим на ней кристаллом, чуть сдвинулась с места. Ушла куда-то в стену, открыв под собой полосу непроглядного мрака. Ровно настолько открыв, сколько требовалось, чтобы протиснуться вниз человеку.

Угрим с бездымным факелом в руке первым ступил в темноту. Оглянувшись, бросил через плечо:

– Ну? И чего ждешь?

Княжеское понукание вывело Тимофея из ступора. Он шагнул вслед за Угримом.

Вниз вели узкие ступени – истертые, растрескавшиеся, кое-где осыпавшиеся. Лестница уходила чуть в сторону от подземной залы, немного правее входной ниши и нависавшего над головой толстого – в пару локтей – края плиты.

Ступеней оказалось неожиданно много. А когда они, наконец, закончились, и Тимофей ощутил под ногой неровную поверхность пола, покрытого пылью, яркий свет факела уже не мог разогнать царивший вокруг мрак.

Это было просторное, очень просторное помещение. Тимофей различал лишь часть ближайшей стены. Присмотревшись внимательнее, он понял: стена не выложена из камня. Это была не кладка, а сплошная монолитная порода. Всю необъятную залу попросту вырубили в скале!

Затем в факельных отблесках Тимофей разглядел узкое окошко-бойницу, намертво забитое глиной и утрамбованным каменным крошевом. Значит, когда-то тронный зал

высился над земной поверхностью. Быть может, даже находился в крепостной башне. Интересно, сколько веков должно миновать, чтобы такое сооружение целиком утонуло в земле?

Угрим отступил в сторону и поднял факел повыше. Теперь свет упал на дверь, являвшуюся, по всей видимости, входом в залу. Собственно, самой двери как таковой не было и в помине: она давным-давно сгнила. Остался только широкий дверной проем, тоже наглухо заваленный камнями и глиной.

– Уцелел только тронный зал, – зачем-то объяснил Угрим. – Все остальное порушено и засыпано.

– Уцелел или раскопан только он? – осмелился уточнить Тимофей.

– Раскопан, – усмехнулся князь, – потому что уцелел. А почему уцелел, знаешь?

Тимофей мотнул головой.

– Весь этот зал пропитан силой Черной Кости. И сам зал, и подземелье, из которого мы спустились. Когда-то оно было верхней надстройкой Кощеевой цитадели. Теперь это потаенные нижние ходы Острожца, о которых не известно никому, кроме меня. Ну, и тебе вот тоже, – добавил Угрим.

И, чуть погодя, продолжил:

– У этих древних стен есть одно полезное свойство. Они удерживают в себе навью силу, не выпуская ее вовне, если это не нужно. Здесь, в зале и в подземелье над ним, я могу не опасаться, что магия Кости будет замечена другими посвященными. До тех пор, разумеется, пока результат магического действа не распространится за пределы Кощеевых чертогов.

– А где же сама Кощеева Кость? – Тимофей тщетно пытался разглядеть хоть что-нибудь за границей светового круга, очерченного факелом в руке Угрима. – Где его тулово?

– Там, – Угрим шагнул к центру залы.

Свет бездымного факела оттеснил тьму, и в тот же миг во мраке словно вспыхнуло ответное пламя. Разноцветное, переливчатое, холодное. Массивное сооружение, сложенное из неподвластных времени граненых адамантов, отражало факельный огонь так, что резало глаза. Вековая пыль, казалось, вовсе не липла к драгоценным каменьям – как на подбор крупным и необычайно чистым.

Такая груда ТАКИХ самоцветов, наверное, не снилась ни татарскому хану, ни латинянскому императору. Такая груда сама по себе – великое сокровище. Однако то, что крылось в ней…

В огромной – более чем в два человеческих роста – сияющей конструкции Тимофей распознал покосившийся адамантовый трон. Он не был внесен и поставлен в залу. Он словно вырос прямо здесь, поднявшись из-под земли. У трона отсутствовали передние ножки, подлокотники и изголовье, вырванное из широкой спинки. Зато в самом его центре бугрился яйцевидный предмет, намертво вплавившийся в гладкую, выложенную алмазами поверхность. Знакомый предмет, под прозрачной коркой которого темнело…

Угрим поднес факел ближе.

Костлявое тулово навьей твари оказалось столь же усохшим, как и ее десница. Кощей был гол, словно дикий зверь. Взгляду открывался каждый сустав скелетообразного тела. Сквозь впавший, буквально прилипший к спине живот отчетливо проступал позвоночник. Из-под сухой потемневшей кожи выпирали истонченные ключицы и ребра. Ничем не прикрытый, да и не нуждавшийся уже в этом, практически неразличимый срам провалился в тазовые кости. Жутковато смотрелись аккуратные срезы на плечах, бедрах и шее – там, где прежде были конечности и голова.

– Когда Кощея обезглавили и четвертовали, один из Шестерых занял его цитадель и владел Черной Костью здесь, – пояснил Угрим.

Тимофей мысленно прикинул размер и вес самоцветного трона, сросшегося с Кощеевыми останками. Понятно, почему здесь… Не очень-то и потаскаешь за собой такой магический артефакт.

– Ну что, налюбовался? – спросил Угрим.

* * *

Они поднялись из тронной залы. Задвинув вход плитой, Угрим оставил яйцо с Кощеевой десницей стоять на каменном люке. Из ниши князь вышел после Тимофея, пробормотал неведомое колдовское слово и повел рукой по воздуху.

Ниши не стало. С сухим треском и слабым шорохом осыпающихся земляных ручейков сверху опустился каменный полог. Сплошная кладка, которой не было прежде, заслонила и Черную Кость, и вход в Кощеевы чертоги. Надежно так заслонила… Что-то подсказывало Тимофею: эту стену не взять ни зубилом, ни огнем, ни водой, ни тараном. Сильным колдовством только.

– Ну что, пора выбираться наверх? – рассеянно сказал Угрим, задумавшийся о чем-то своем. – Что хотел, ты узнал. И даже более того. Здесь нам делать нечего. Вот разве что прибраться немного…

Угрим бросил взгляд на Тимофеева гнедка. Двинул ладонью, шевельнул губами. Неподвижная конская туша с переломанными ногами и свернутой шеей начала погружаться в пол. Мертвый конь под седлом и в полной сбруе уходил в плотную как камень землю, словно в зыбучий песок.

И ушел, сгинул. Будто не было его тут.

– Куда ты его, княже? – хмуро спросил Тимофей. – В Кощееву залу?

– Нет, Тимофей, нет. Туда так просто не спуститься. Туда ведет лишь один ход, и ты его видел.

Угрим повернулся к лошадке Бурангула. Низкорослая мохнатая кобылка почуяла неладное и тревожно заржала. Попятилась. Провалилась по колено в разверзшуюся под копытами твердь. Дернулась было в сторону и сразу же увязла по брюхо. Яростно забившись, ушла по грудь. Потом – по шею… Последнее отчаянное ржание-вскрик оборвалось фырканьем и хрипом: несчастная животина захлебнулась сыпучей землей.

Степную лошадку Угрим схоронил заживо. Быстро, деловито, без жалости.

– Все равно наверх ей с нами не подняться, – пояснил князь-волхв, поймав взгляд Тимофея. – Не протиснется в подвальных проходах детинца. Да и ни к чему выводить отсюда лошадь. Не нужно, чтобы в Острожце видели татарскую конягу. Мысли всякие возникать начнут, слухи поползут. А слухи, Тимофей, дело такое – за ними не уследишь. Просачиваются слухи-то. И мало ли куда дойдут.

«Так бы сразу и сказал», – подумал Тимофей, глядя, как подрагивающий, будто кисель, земляной пол вновь обретает былую твердость.

Угрим широко взмахнул рукой. Разом погасли все факелы, кроме одного – горевшего в княжеской руке.

– Погоди, княже! – Тимофей, спохватившись, оглянулся на Бельгутая. – А он?

Ханский посол по-прежнему висел в воздухе с поджатыми ногами и занесенным ножом.

– Ничего с ним не станется, – отмахнулся Угрим. – Я же сказал: этот татарин мне нужнее живым. Как понадобится – сниму заклятье. А пока в нем нужды нет – пусть висит. Идем.

Князь вышел из подземной залы сам и повел Тимофея по широкой извилистой галерее с редкими ответвлениями тесных боковых ходов. Шли недолго. Угрим остановился у глухой стены.

– Тупик? – удивился Тимофей.

– Проход, – улыбнулся Угрим. – Только не для всех. Тут печать наложена.

Ладонь князя-волхва коснулась мощной кладки. Уста вымолвили тайное слово. И…

И кладки не стало. Растаяла. Там, где только что громоздились массивные, сросшиеся друг с другом глыбы, открылся небольшой темный проем.

– Ты первый, кого я веду этим путем, – как бы между прочим заметил князь.

Тимофей вступил в открывшуюся пустоту молча и не без опаски.

Следом шагнул князь. Еще одно слово, еще движение. Валуны, возникшие из ничего, вновь наглухо замуровали ход. Материализовавшиеся камни будто отсекли чары, заставлявшие факел в руке Угрима гореть бездымным ярким пламенем. Огонь зачадил, дыхнул привычной гарью, но в то же время ожил и весело заискрился, словно вырвавшись из опостылевшего полона.

Тимофей огляделся. Он стоял в тесном коридорчике с низким потолком. Это был один из проходов нижних подвальных ярусов, под детинцем Острожца. Сколько раз ему доводилось спускаться сюда – в порубы, погреба и кладовые. И мимо стены, за которой был скрыт потайной княжеский ход, Тимофей проходил, ни о чем не подозревая.

Из нижних ярусов они поднялись на верхние. Подошли к приоткрытой массивной двери, выводившей из подвалов. Видимо, эхо шагов услышали за дверью. Оттуда им навстречу выскочил молодой дружинник в сдвинутом на затылок шишаке и короткой кольчуге. Выскочил и остолбенел, ошалело глядя то на князя, то на Тимофея. Рябое лицо под светлыми кудрями вытянулось. Челюсть отвисла. Выпученные глаза, казалось, вот-вот вывалятся под ноги.

– Тимофей?.. – растерянно пробормотал ратник. – Ты?.. Здесь?..

Парень явно не ожидал увидеть при князе сотника, отправившегося с татарским посольством в латинянские земли.

– Ну я, – нахмурился Тимофей. – И чего?

Он признал гридя сразу. Старшая дружина. Ермолай из второго десятка его сотни. Славный рубака, но не из самых смекалистых. Видимо, поставлен князем на страже с той стороны двери. Но зачем тогда сунулся без зова на эту? Почему пост оставил? Для такого должна быть важная причина.

– Княже… – дружинник кое-как совладал с потрясением, отвел, наконец, глаза от Тимофея и остановил взгляд на князе. Замялся, отчего-то не решаясь говорить дальше.

– Что стряслось? – нахмурился Угрим.

– Княгиня… – облизнув сухие губы, вымолвил Ермолай.

– Что княгиня?

«Что княгиня?» – насторожился Тимофей.

– Ищет… – хлопал глазами рябой дружинник.

– Меня?

– Да, княже, – торопливо кивнул Ермолай. – Тебя, княже.

– Ну так скажи – пусть обождет в тереме. Скоро к ней поднимусь.

– Так ведь она… – ратник потупился. – Того… она, княже…

– Ну?! – потребовал Угрим, теряя терпение.

– Она уже…

– Что уже?

– Здесь она уже.

– Как здесь?! – князь недобро сверкнул глазами. – Где здесь?!

– Тут… там, то есть…

Дружинник, вжав голову в широченные плечи, кивнул на дверь у себя за спиной. Угрим скрежетнул зубами. Волну вскипающего гнева, накатившую от князя, Тимофей ощутил почти физически. Ох, Ермолайке сейчас точно мало не покажется!

– Кто пустил?! – яростно прохрипел князь. – Кто позволил?!

– Так княгиня же, княже, – перепуганные глаза, блуждающий взгляд, виновато растопыренные ручищи. Ермолай торопливо и сбивчиво оправдывался. – Идет вниз… и все тут… к князю, говорит… и ничего тут… И как остановишь?.. Ежели сама княгиня-то…

Лицо Угрима исказилось.

– Для чего я вас поставил, дурни? Для чего наказал никого не пускать? Ни-ко-го! – повторил князь, – Понимаешь? Ни-ко-го!

– Так ведь княгиня же, княже, – несчастный дружинник в ужасе попятился назад.

– Когда я говорю «никого» – это значит никого! А никого – это значит и княгиню тоже, остолоп! Нешто не ясно?!

– Угримушка, милый, чего так расшумелся? – от двери донесся насмешливый голосок с легким иноземным акцентом.

И – смешок. Будто колокольчик дзинькнул.

Тимофей повернулся на звонкий смех.

Повернул голову и Угрим.

Глава 9

Молодая женщина – невысокая и стройная – стояла в проеме открытой двери. Нарядное верхнее платье с богатой вышивкой и широкими рукавами не скрывало, но лишь подчеркивало статную фигуру. Золотой пояс стягивал узкую талию. Блестели в факельном свете пуговицы из позолоченного серебра. Пышные черные волосы покрывал расшитый жемчугом плат. Под платком – большие карие глаза… глазищи в пол-лица. Изогнутые и тонкие, будто нарисованные, брови. Яркие сочные губы. Нос с небольшой горбинкой. Вскинутый подбородок. Миловидное свежее личико княгини чем-то неуловимо напоминало мордочку любопытного лесного зверька, высунувшегося из норки.

Гречанка Арина – дочь никейского императора и с недавних пор (году еще не минуло, как сыграли свадьбу) супруга ищерского князя – удивленно возрилась на Тимофея. Внимательно осмотрела его с ног до головы. Хмурый Угрим уставился на жену тяжелым недовольным взглядом. Как рогатиной припер.

Сердце Тимофея заныло. Всегда ныло, подлое, при виде красавицы-княгинюшки. Хоть и нельзя так, хоть и не должно. Не свободная девка ведь. И ему не ровня. Разумом-то Тимофей это понимал, но кровь все равно бурлила, как у безусого отрока. Сколько раз уж пенял себе: на чужой кусок не разевай роток. Сколько раз зарок себе давал совладать с недозволительными чувствами. И не мог. Впрочем, не он один.

Имелось у Тимофея стойкое подозрение, что по княгине втайне сохнет полдружины. Вон хоть бы тот же Ермолай… Ишь, как глазки-то заблестели! А на круглом рябом лице расползается улыбка – глупее некуда. Невесть в какие тенета ловила иноземная краса гречанки суровые сердца ищерских воинов, невесть каким магнитом тянула к себе мужские помыслы. Ох, не зря, наверное, говорят люди, что у волхва и жена – ворожея.

Княгиня приветливо улыбнулась Тимофею. Озорной огонек понимания блеснул в карих глазах под изгибом черных бровей. Арина словно прочла сокровенные мысли княжеского сотника:

– Здравствуй, Тимофей! Вернулся уже? Я и не заметила как. А ведь целыми днями сижу в тереме у окошка. Из-под земли тебя князь вывел, что ли?

Княгиня бросила быстрый взгляд в темноту за спиной Тимофея.

Тимофей чувствовал себя почти счастливым. Примечен, значит, темными очами, помнит о нем Арина. Впрочем, и прежде он частенько ловил на себе благосклонные взгляды княгини. Хотя, чего уж там… Следует признать – не только на себе. Гречанка была любезна и в меру ласкова со всеми. Может, потому и любили никейскую царевну в ищерском Острожце?

Залюбовавшись чужой женой, Тимофей в очередной раз изумлялся: надо же, такая красавица – и замужем за таким… Он мельком покосился на князя-горбуна.

– Быстро же ты обернулся, – без умолку щебетала Арина. – Ну и как посольство прошло? Все ли хорошо сладилось? А каков он, латинянский император? А тяжко ли с татарами-сыроядцами жить? А правду ли говорят, что…

Тимофей не вникал в слова. Он просто слушал, не слыша. Речь княгини звенела серебряными бубенчиками, лилась прозрачным ручейком… Тимофей ничуть не противился бы, если б это продолжалось подольше.

Угрим был против.

– В чем дело, Арина? – холодно спросил князь-волхв. – Зачем ты здесь?

Княгиня пожала плечиком. Скорчила потешную жалобную рожицу:

– Пытаюсь хоть чем-то себя занять, Угримушка. Чужие секреты – это ведь лучшее средство от скуки. Особенно мужние секреты. Особенно если любезный супруг вдруг уходит невесть куда и зачем, да еще и стражу за собой ставит.

– Тебе здесь делать нечего, – сухо промолвил князь. – Ступай в терем, Арина. И впредь в подвалы не спускайся.

– Но, Угримушка, милый… – капризно надула губки Арина.

– Я сказал, ступай!

– Всегда так, – будто бы жалуясь или прося заступы, княгиня вновь подняла глаза на Тимофея. Насмешливые, впрочем, не просящие.

– Ар-р-рина! – раскатисто рыкнул князь, взбешенный уже не на шутку.

– Ну и ладно!

С обиженным видом княгиня скрылась за дверью.

Угрим вздохнул. Тимофей тоже перевел дух. По лицу Ермолая все еще блуждала растерянно-глуповатая улыбка.

– Чего встал столбом?! – обрушился на него князь. – Пшел вон, ротозей! И чтоб больше с поста ни ногой! Еще раз впустишь сюда кого – велю высечь! Нет, голову с плеч сниму! Понял меня?!

Блажная улыбочка вмиг сошла с рябого лица. Ермолай поспешил к выходу. Еще бы! Ищерский князь-волхв слов на ветер не бросал. Если пригрозил голову снять – сделает.

Выскочивший из подвала дружинник притворил за собой дверь поплотнее. Угрим бросил на Тимофея хмурый взгляд.

– И ты тоже хорош! Пялишься на княгиню – только что слюни не пускаешь.

Тимофей опустил глаза, чувствуя, как пылают щеки. Ну, точно будто у юнца. Давненько с ним не случалось такого.

– Ох, Тимофей-Тимофей! – проворчал Угрим – Уж кому-кому, а тебе-то на Арину заглядываться не следовало бы.

– Княже! – вскинулся Тимофей. – Да как можно! Я ж вовсе не…

Угрим отмахнулся от него, будто от назойливой мухи, кружащей над наваристыми щами.

– Мне-то не лги, коли себе привык. Тебя я вижу насквозь. И тебя, и прочих дружинников. Думаешь, зря я Аринку от вас в тереме прячу? Думаешь, нужно оно мне, чтоб верные гриди при виде княгини в тупых болванов превращались?

– Княже!..

Властный взмах княжеской руки прервал возражения. Которых, в общем-то, и не было по большому счету.

– Да, Тимофей, тебя и прочих я вижу хорошо, – в какой-то глухой отрешенности, но твердо и весомо повторил князь. – А вот Арину – нет. Неведомо мне, что у нее на уме. Вот ведь какая штука…

Угрим говорил будто бы сам с собой. Тимофей выжидал, не смея встревать в странные княжеские рассуждения. Впрочем, рассуждения уже сменились наставлением. И притом весьма неожиданным.

– Опасайся Арины, Тимофей, – глянул на него Угрим таким взглядом, от которого вдруг сделалось не по себе. – Бойся ее ведьмаческих глаз. Та ведь еще ворожея! Слыхал небось, что гречанка сведуща в заморской волшбе?

Тимофей осторожно кивнул. Всякое говорили. Но всякому ли нужно верить?

– То-то же, – неопределенно протянул Угрим. – Кто знает, на что способно ее чародейство…

– А ты, княже? – решился спросить Тимофей. – Ты тоже не знаешь?

Угрим пожал плечами. Хмыкнул.

– Что тебе сказать, Тимофей? Порой кажется, что знаю. Порой – что нет. В полную силу она при мне никогда не колдовала.

Тимофей ощущал нарастающую неловкость и не понимал, к чему все-таки клонит князь. А Угрим говорил, не останавливался. И опять не ясно: с собой ли говорил князь? С ним ли?

– Арина, может, и не столь умела в волховстве, как я, но все же достаточно сильна, чтобы укрыть от меня свои помыслы. Ставить колдовскую защиту – в этом княгиня большая мастерица.

В словах Угрима прозвучало восхищение, но какое-то особенное, взмешанное на тревоге и беспокойстве, а потому малопонятное Тимофею.

– Разве нельзя заставить ее открыться? – удивленно спросил он.

Угрим усмехнулся:

– «Заставить» – это слово не для кудесников и ворожей. Чародея, не желающего открывать своих мыслей, не запытать и не запугать, ибо чары способны облегчить любую боль и подавить любой страх. Чары ломаются только чарами.

Тимофей смутился.

– Вообще-то я не то совсем хотел сказать. Я не про пытки и не про страх. Если просто спросить княгиню напрямую, а, княже? О том, что она скрывает. Если вообще скрывает.

– Просто спросить? – снисходительно улыбнулся Угрим.

– Ну… Обычно люди так и поступают, – пожал плечами Тимофей.

– Обычные люди – да. И обычные люди обманываются. Обычно… С волхвами такое происходит редко. Именно потому, что волхвы не доверяют словам. Разве можно знать наверняка, что тебе откроет правду тот, чью суть ты не можешь познать без слов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.